

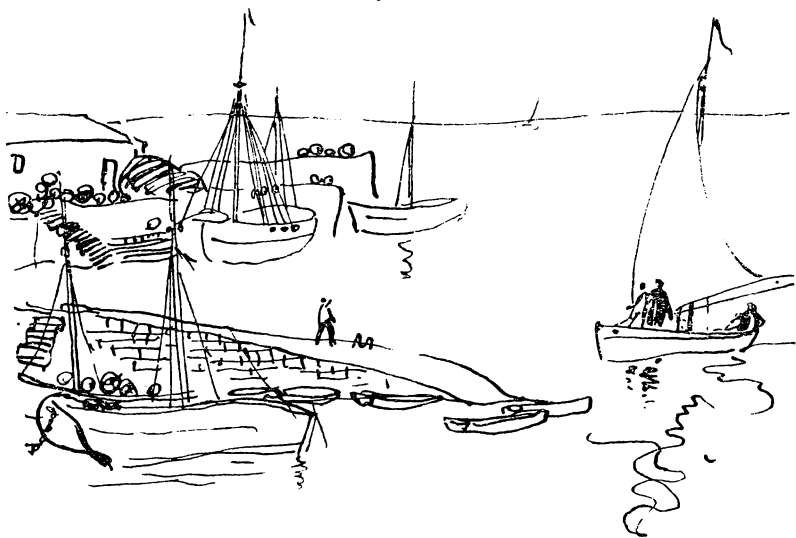
О. ДОНЧЕНКО

**ШКОЛА
НАД
МОРЕМ**

Д И Т В И Д А В

О Донченко

ШКОЛА НАД МОРЕМ

ПОВЕСТЬ

Государственное издательство детской литературы УССР
Киев 1961

Небольшой рыбацкий поселок на берегу Черного моря. Тут живут герои повести «Школа над морем» — ученики шестого класса. Один из них, Олег Башмачный, случайно узнает, что старый школьный сторож Кажан помогает шпионам переходить границу...

Об увлекательных, захватывающих событиях вы узнаете, прочитав эту книгу, рассказывающую о мужестве и чести пионеров. Написал ее известный украинский писатель — Олесь Васильевич Донченко (1902—1954), всю свою жизнь и талант посвятивший детям. Юным читателям давно полюбились рассказы и повести писателя, воспевающие нашу чудесную Родину, раскрывающие душевную красоту будущих граждан страны социализма.

Впервые на русском языке повесть «Школа над морем» вышла в свет в 1940 году в «Детгизе» (Москва—Ленинград). Настоящее издание печатается по тексту последнего издания на украинском языке, значительно исправленного и дополненного самим автором.

Перевод с украинского А Чумаченко

Рисунки В. Авраменко

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О встрече Олега с Кажаном и о том, как Олег находит письмо

Старый Кажан торопливо шел домой по каменистой узкой тропинке.

Дул пронизывающий ветер, и внизу, за скалами, глухо шумело море. Встречный снег острыми иголками больно покалывал лицо. Быстро темнело. Кажан спешил. Его палка дробно стучала по камням.

Возле Слободки тропинка круто свернула и побежала вниз. Грохот моря стал еще слышнее. Под горою блеснули огни рыбацких хат. Ветер сбивал Кажана с ног, но старик упорно шел вперед, постукивая толстой палкой.

В Слободке Кажана не любили, а дети его просто боялись. Жил он один на даче, когда-то принадлежавшей пану Капнисту. Говорили, что он был у пана домашним учителем и воспитывал двух его детей, а когда после революции Капнист убежал за границу, Кажан остался здесь, в его доме.

Кажаном — летучей мышью — его прозвали в Слободке. Как у летучей мыши, у него были большие уши

и острые глазки под мохнатыми бровями. Кустики волос торчали из крючковатого носа, из ушей, росли на длинных костлявых пальцах.

Самые необыкновенные слухи ходили об этом нелюдом старике. Говорили, что в темные ночи он вылезает на чердак и тогда оттуда несутся беспокойные крики сыча. Со всех концов Слободки отзываются на этот крик другие сычи и слетаются, будто на зов, к маленькому окошку чердака. А бабушка Лукерка рассказывала даже, как однажды вечером она видела Кажана между камнями на берегу моря. И как вышел из моря черный человек с бороною до колен, и как взял он Кажана за руку, и как исчезли они оба между скалами.

Рыбаки смеялись над этими глупостями — чего, мол, не наговорят на человека! Он, правда, и чудак и нелюдом, но все же, наверное, не водит компании ни с сычами, ни с бородатыми дедами, которые вылазят из морских глубин...

Кажан не пошел Главной улицей Слободки. Он нарочно свернул в глухой переулок за огородами, чтобы никто-никто не увидел его в этот поздний вечер. У Кажана были для этого свои особые причины. Но пройти незаметно ему не удалось. Навстречу, посвистывая, приближалась чья-то фигура. Кажан надвинул на самые глаза облезлую меховую шапку, но это не помешало ему разглядеть встретившегося школьника — ученика шестого класса Олега Башмачного.

Олег тоже узнал Кажана. Испуганный этой встречей, мальчик отскочил в сторону и едва не выронил хлеб, который нес из лавки.

Кажан редко появлялся на улицах Слободки, но случалось, раз или два в год, он брал свою палку и отправлялся в город, за пятнадцать километров от Слободки. Что он делал там, к кому ходил, — этого не знал никто. А когда никто ничего определенно не знает, непременно появляются слухи и толки, а любопытные начинают высказывать свои догадки.

«А нет ли у него в городе каких-нибудь родственников?»

«А не ходит ли он туда в церковь?»

«А может, он делает фальшивые деньги и носит их в город сбывать?»

Когда в бывшем панском особняке разместилась шумливая школа-семилетка, Кажан пришел к директору и по-

просил оставить его в доме, пообещав за это работать как садовник при школе. Вокруг дачи был большой яблоневый сад, и Кажан показал себя вправду прекрасным садовником. Ему дали маленькую комнатку на втором этаже.

На первом этаже, первая дверь по коридору налево, жил школьный сторож Данилыч. Но Кажан чуждался людей, он никогда не заходил к Данилычу и, если не было работы в саду, целыми днями сидел, запершись в своей комнате.

— Мышь! Настоящая летучая мышь!—говорил о нем Данилыч и неизменно при этом сплевывал в сторону.

Растерявшись от неожиданной встречи, Олег отскочил и тесно прижался спиной к забору, уступая дорогу Кажану. Согнувшись и подняв воротник пальто, старик быстро прошел мимо. Вдали затих дробный стук палки.

Олег шел домой и думал о таинственном Кажане.

Широкая полоса света пересекла переулок. Этот свет падал из окна дома, где жил одноклассник Олега — Сашко, сын Марины Чайки. Олег хотел уже было подпрыгнуть и заглянуть в окно, как вдруг увидел на земле согнутый вдвое конверт. Конверт был запечатан. Мальчик поднял его и поднес поближе к свету. «Главный почтамт. До востребования. Вячеславу Романовичу Дземидкевичу» — прочел он.

Быстро-быстро застучало сердце, и Олег почувствовал сразу, как вспыхнули от волнения щеки. «Вячеслав Романович Дземидкевич...» Да это, кажется, настоящая фамилия Кажана? А может... может, Олег ошибается?

Мальчик стоял неподвижно, вертя в руках конверт. Если это в самом деле фамилия Кажана... тогда в руках Олега важнейшая тайна. Конечно, тайна. На меньшее Олег не согласен. Значит, Кажан получает письма?

Неожиданно мелькнула новая мысль. И как это Олег не догадался сразу? Письмо, конечно, обронил сейчас старый Кажан. Значит, и в город он ходил только затем, чтобы получить его. Ну, конечно: до востребования, на Главном почтамте! В Слободке-то ведь почтамта нет, только небольшое почтовое отделение. Не получает старый Кажан в Слободке никаких писем. Верно, не хочется ему, чтобы кто-нибудь знал о его переписке...

Вдруг в переулке послышалось торопливое и частое постукивание толстой палки. Это возвращался Кажан. Кажан спешил обратно.

Олегу стало страшно. Пустынный переулок, поздний час, сердитый грохот моря внизу... И это письмо, и таинственный, нелюдимый Кажан!..

Мальчик добежал до первой калитки и толкнул ее. Рука с письмом скользнула вниз, торопливо нащупывая карман. Стук палки по мерзлой земле приближался, и Олег, спрятавшийся за дощатой калиткой, увидел темную фигуру Кажана. Старик шел быстро, ежеминутно наклоняясь, разглядывая каждый клочок мокрой бумаги, случайно попадавшийся ему по дороге. Олег с замиранием сердца понял, что Кажан ищет потерянное письмо.

Первой мыслью мальчика было — выйти и отдать находку. Но непобедимое любопытство и страх очутиться лицом к лицу с Кажаном приковали Олега к месту.

Где-то неподалеку залаяла собака и, почуяв Олега, бросилась прямо к нему. Это был небольшой черный щенок, маленький, но на редкость сердитый и нисколько не скрывавший своего намерения познакомиться поближе со штанами Олега.

— Цуцик! На! На! — шепотом, почти одним дыханием позвал мальчик. Но из этой попытки уговорить щенка не вышло ничего: «цуцик» залился таким визгливым лаем, что только уши зажимай.

Кажан остановился и пристально посмотрел на калитку. Олегу показалось, что старик сквозь калитку видит его. Олег многое бы отдал в ту минуту, чтобы очутиться дома, за столом, у приветливой лампы, за учебниками и тетрадками.

Кажан постоял, послушал и, очевидно, решив, что собаку взволновало его присутствие, с еще большим рвением принялся за свои поиски.

Подождав, пока Кажан не скрылся за углом, Олег вышел из своего убежища. Он решил пробраться домой по другой дороге, чтобы только не попасться на глаза старику. Мальчику казалось, что стоит Кажану только посмотреть на него — и он сразу же догадается о письме.

Олег перескочил через несколько заборов и очутился на Главной улице. Главной она называлась потому, что тут находились и сельсовет, и почтовое отделение, и больница, и лавка. Но и здесь сейчас было пусто. В этот поздний январский вечер никому не хотелось выходить из дому на холод, на пронизывающий ветер. Сегодня даже лавку заперли раньше обычного. Совсем близко, внизу

за скалами, море с ревом штурмовало прибрежные камни.

Олег побежал. Ветер яростно трепал полы его кожушка. Олег бежал, прижимая к груди хлеб. Другую руку он не вынимал из кармана, где шелестело таинственное письмо.

Он добежал до поворота. Здесь надо было свернуть на дорожку, а она приведет домой. Жутко здесь! Дорожка бежит по огородам, а на огородах шуршит сухой бурьян и на просторе в темноте свистит, как разбойник на большой дороге, обезумевший ветер. Лучше всего, конечно, бежать, зажмурив глаза. Тогда не так страшно. Но Олег вспоминает, что ему ни в коем случае нельзя быть трусом. Разве он не собирается стать отважным исследователем арктических просторов? Разве он не будет самым молодым на свете капитаном могучего ледокола? Ведь это же уже решено твердо и бесповоротно.

Олег всматривается в темноту, широко распахнув воротник кожуха. Дуй, ветер! Хлещи прямо в грудь суровому северному капитану! Что ты ему, привыкшему к свирепым штормам полярного моря!..

Но вот и родной домик. Его стены сложены из желтоватого ракушечника, крыша — из красной черепицы. Он стоит на пригорке, и даже издали, с моря, его легко узнать среди других домов. Светятся окна. Какой это теплый и приветливый свет! Мать, должно быть, уже ждет не дождется своего сына с хлебом...

Вот и крыльцо. Олег подходит совсем близко. И вдруг храбрая душа арктического капитана оставляет тело перепуганного школьника. На ступеньках крыльца темнеет чья-то неподвижная фигура. Мальчик сразу узнает в ней старого Кажана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*знакомит читателя с Василием Васильевичем
и другими героями этой повести*

Василий Васильевич открыл форточку, и в комнату вместе с грохотом моря ворвались холодные брызги. Они ударили прямо в лицо Василию Васильевичу, но он даже не вытер их. Высунув свою седеющую голову в форточку,

он стоял неподвижно, всматриваясь в темноту и прислушиваясь к буре.

«Эге-ге! Да на море настоящий шторм! — подумал он. — Брызги долетают даже сюда. Ну, не хотел бы я в такое время быть на море!»

Ветер трепал его волосы, слепил глаза брызгами и мокрым снегом, но Василий Васильевич не двигался, стараясь рассмотреть в темноте белую пену разгневанных бурунов.

Домик, где жил Василий Васильевич, директор Слободской семилетки, стоял возле самого моря. С крыльца домика в тихую и ясную погоду было видно, как возле берега, между камнями и зелеными водорослями, плавают прозрачные медузы и важно ползают крабы.

Василий Васильевич любил море. Любил его и бурное, и спокойное, любил его и летом, и зимой, и даже, пожалуй, бурное море любил больше, чем спокойное. Может быть, потому, что и вся жизнь Василия Васильевича прошла в борьбе: знал он царскую тюрьму, жил в ссылке в далеком Тобольске.

Лампа под зеленым абажуром освещает круглый стол со стопкой школьных тетрадей и всю небольшую комнату с этажеркой в углу, книжный шкаф, карту земных полушарий на стене. Рядом с этажеркой смотрит прямо в потолок длинная подозрительная труба на железной треноге. Василий Васильевич шутя называет ее «телескопом», и это — самая дорогая для него вещь в комнате.

Директор школы увлекается астрономией. Летом, в тихие звездные ночи, он выносит свой «телескоп» на крыльцо и храбро наводит его прямо на небо, совсем как жерло какой-то диковинной пушки. И вот он уже в далеком и недоступном мире. Звезды, звезды, звезды дрожат и мелькают перед его глазами, таинственные планеты плывут по своим путям. А вблизи, у самого берега, тихо вздыхает сонное море, едва всплескивает между камнями вода...

Сейчас неба не видно. Черная тьма висит над землей, гремит прибой, безумствует ветер. Василий Васильевич возвращается к столу. Растрепанные влажные волосы прилипли ко лбу, а на губах застыла спокойная, откуда-то изнутри идущая улыбка. Он садится за стол и придвигает к себе тетради. Надо проверить написанный уче-

никами диктант. Василий Васильевич не только директор, он преподает в шестом классе украинский язык и литературу. Он знает в лицо каждого ученика в школе. В девятнадцатом году умерли от тифа жена и сын Василия Васильевича. С годами чувство горя притупилось, в шумном детском коллективе он нашел теперь новую семью.

Первая тетрадка не очень-то обрадовала Василия Васильевича. Это была тетрадь Галины Кукобы. Большая клякса на обертке сразу неприятно удивила директора. Он не ожидал такой неряшливости от всегда аккуратной Гали, дочери слободского врача. Когда же Василий Васильевич начал проверять диктант, он просто не поверил своим глазам. Почти в каждой строчке была ошибка! «Бур'ян» без апострофа, «почуття» с одним только «т», а слово «дозвілля» и совсем огорчило Василия Васильевича. Оно выглядело так, будто только что вышло из больницы, еще не расставшись со своими костылями.

— Ну и «дозвілля», нечего сказать! — разводил руками директор школы. — И зачем здесь мягкий знак? А? И где же второе «л»? Ну и слово! И что это случилось с Галей?

Василий Васильевич больше не сомневался: с девочкой действительно произошло что-то неладное. Он вспомнил теперь, что во время диктанта Галя показала ему чем-то опечаленной и огорченной. И уж не столько ошибки в диктанте, как их причины волновали его.

Сейчас Василий Васильевич сердился на себя за то, что сразу же после урока не поговорил с Галиной. Ведь тогда уже заметил он необычное поведение девочки.

Директор смотрит на кляксу, на страничку с подчеркнутыми красным карандашом ошибками, на искаленное «дозвілля» и вздыхает. Эти ошибки тревожат его. За ними он видит что-то большее. Он уверен, что у Гали действительно какое-то горе.

— Завтра же поговорю с ней! — вслух произносит директор. Громкий голос его непривычно звучит в комнате, и даже молчаливая подзорная труба вздрагивает в углу от этого звука. За окном гремит прибор.

Была еще одна тетрадка, над которой в тот вечер задумался директор. В ней тоже были ошибки, но это были уже совсем другие ошибки. Сразу было видно, что

владелец тетради куда-то очень торопился и что хлопот у него, как говорится, полон рот и все они куда важнее, чем какой-то диктант.

Это была тетрадка уже знакомого нам Олега Башмачного. Ему некогда было даже написать полностью свое имя, и на тетради стояло: «Оле Башм». В диктанте пестрели слова с пропущенными буквами, с обгрызенными концами — такие, как «велосипе» и «годинни». Было здесь и совсем непонятное слово — «чкурало».

На этом-то «чкурало» споткнулся даже привыкший к подобным загадкам директор. Эх, жаль, что не он редактор пионерской стенгазеты! Сколько слов из Олегова диктанта можно было бы поместить там как самые занятные головоломки!

Ясно, что Олег и в мыслях странствует в каких-то далеких краях. Он часто задумывается, и тогда его глаза становятся неподвижными и туманными, и видно, что мальчик в эти минуты не здесь, а где-то далеко-далеко. Не раз Василий Васильевич тайком наблюдал за Олегом на переменах. Не раз он говорил с ним тепло и дружески, не раз расспрашивал его, но Олег молчал. Он затаил что-то в своем сердце и молчал.

Правда, бывали у Олега и другие дни. Тогда, казалось, сбрасывал он с себя раздумье и, превратившись в какого-то легендарного героя, как лев, бросался на своих товарищей. Тогда он первый лез в драку и дрался без удержу, забывая о том, кто он и где он. В эти дни у его товарищей вырастали на лбах шишки, зацветали под глазами синяки, а самого Башмачного звали к директору.

Остальные тетради немного успокоили Василия Васильевича. Он поставил двенадцать «отлично» и восемь «хорошо». И, если бы не «плохо» у Олега и «очень плохо» у Галины Кукобы, Василий Васильевич почувствовал бы настоящее удовлетворение.

Покончив с тетрадями, Василий Васильевич решил отдохнуть за книжкой. Он только что раскрыл свою любимую «Астрономию», как звонок у входной двери оторвал его от чтения. Он встал и открыл дверь.

В коридор ворвались двое школьников и пионервожатый Максим. Подстегиваемые холодным ветром и колючим снегом, они вбежали так быстро, как будто спасались от стаи волков. Ребята здорово замерзли и про-

дрогли и, очутившись в теплом коридоре, прежде всего стали растирать заочевенные пальцы.

Вскоре все трое уже сидели в комнате и наперебой рассказывали Василию Васильевичу о замечательной мысли, родившейся в голове Сашка Чайки.

— Вы простите, что мы так поздно пришли к вам,— начал вожатый.

— Но, право же, мы не могли. Нам непременно нужно было зайти,— перебил его Сашко.

— Потому что у Сашка — идея! Идея, Василий Васильевич! — спешил договорить шустрый Омелько Нагорный. — Мы решили организовать...

— Еще один кружок. Разве не так? — усмехнулся директор и лукаво покосился на Омелька. — Только вот не знаю какой. Может, кружок по изучению лунных кратеров? Нет? Ну, тогда, наверное, кружок по отысканию египетских мумий на берегу Черного моря? Опять не угадал?

И, не выдержав своего подчеркнутого важного тона, Василий Васильевич весело рассмеялся. Он прекрасно знал этого неугомонного Омелька Нагорного. Всегда напевая какую-то новую песенку, пританцовывая (и почему-то принципиально на одной ноге), Омелько Нагорный был неутомимым заводилой и председателем всевозможных и самых необыкновенных кружков в классе.

Это он организовал кружок «новых способов сдувания и усовершенствования шпаргалок» и как основатель его имел в свое время не совсем приятную беседу с директором, результатом которой была бесславная смерть этого кружка. Зато другой кружок, тоже организованный Омельком: «Тайная лига для борьбы с суевериями», существовал месяца два и погиб только благодаря стараниям секретаря лиги Яши Дерезы, поссорившегося с Омельком.

— Ну, выходит, не угадал? — смеялся Василий Васильевич.

— Не угадали! Не угадали! — засмеялись ребята.

— Литературный журнал! — выкрикнул Сашко Чайка.

— О! Журнал! Прекрасно! — И глаза директора сразу стали серьезными. — Да, это уже не Омелькины выдумки! Это, конечно, Сашина мысль. Молодцы, ребята! Хорошо придумано!

И тут же все четверо наперебой стали обсуждать, какие разделы будут в журнале.

Сашко настаивал на том, чтобы каждый номер был непременно наполнен стихами и рассказами. И главное, конечно, стихами!

— Ну, конечно! — шутил вожатый. — Не давайте Сашку обедать — ничего не скажет, а не дайте ему только бумаги и пера — умрет! Слово даю — умрет!

— Только чтобы свои стихи! — сказал Омелько. — Чтob не было так, как у Пушкина. А то скажут — сдул!

— Ну, у него не будет, как у Пушкина, — снова вмешался Максим. — У Пушкина все-таки лучше выходило. Правда, Сашко?

— А может, наметим еще и отдел астрономии? — подал мысль Василий Васильевич. — Ведь астрономия это наука... такая наука!..

Если бы на дворе не завывала буря, если бы был не январь, а май или июнь, Василий Васильевич, наверное, сейчас же вытащил бы своих гостей на крыльцо. И обязательно на крыльце появилась бы подозрная труба, и Василий Васильевич, наверное бы, уже попросил своих гостей посмотреть в нее на луну и звезды. Но в этот вечер директор мог только покачивать головой: «Да, это наука! Такая наука!.. Несколькими словами о ней и не расскажешь!»

Василий Васильевич был по-настоящему рад журналу. Он был уверен, что это дело захватит ребят, увлечет оно и Омелька Нагорного и заставит забыть о всех его тайных лигах и необыкновенных кружках. Да, непременно необыкновенных! Работают же в школе и другие кружки, но Омелько не признает их! Разве он станет участвовать в каком-нибудь кружке юных изобретателей или, чего не доставало, в самом обыкновенном драмкружке? Ему обязательно нужна «тайная лига», на меньшее он не согласен, и вот почему Василий Васильевич так рад новому журналу, по-настоящему захватившему Омелька.

Омелько тут же пообещал дать для первого номера интереснейшую научную статью, такую статью, каких еще и на свете не бывало. Но напрасно присутствующие старались узнать содержание статьи — мальчик решительно заявил, что это пока еще секрет.

— Опять тайна! — покачал головой Василий Васильевич. — Ты, Нагорный, можешь, кажется, сделать тайну даже из своего старого ботинка!

В одиннадцать часов проект журнала был наконец утвержден. Было решено разбить журнал на следующие отделы: 1) романы, повести, рассказы и стихи; 2) статьи на политические темы; 3) научные статьи; 4) пионерская жизнь; 5) жизнь шестого класса; 6) астрономия; 7) шарady, шашки и шахматы; 8) карикатуры.

В редакторы единогласно выдвинули кандидатуру Сашка Чайки: он поэт, сам пишет стихи, и лучшего редактора, разумеется, не найти.

В члены редколлегии выбрали Омелька Нагорного и заочно — Яшу Дерезу, отличника и изобретателя.

Ребята разошлись, но вожатого директор задержал еще на несколько минут.

— Я хочу поговорить с вами о Гале Кукобе, — сказал он. — Что вы думаете о ней? Не кажется ли странным ее поведение в последние дни?

И, когда Максим ответил, что ему тоже Галя казалась какой-то подавленной и вялой, Василий Васильевич, гремя стулом, подсел поближе к нему.

— Вот вы, Чепурной, говорите «чем-то подавленная». А чем, вы знаете? Вот об этом-то я и хочу допытаться у вас. Кукоба — пионерка. Кому же знать свою пионерию, как не ее вожатому? Знаете ли вы, что Кукоба получила сегодня за диктовку «очень плохо»?

— Как, Кукоба? «Очень плохо»? Отличница Кукоба?

Вожатый вскочил с места и взволнованно посмотрел на директора. Он и сам не мог понять, что же случилось в Галиной?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Об „арктическом капитане“, который боится идти домой и узнает очень важную тайну.

Увидев на крыльце своего дома темную фигуру Кажана, Олег окаменел. Он не сомневался, что старик ожидает именно его.

Кажан сидел неподвижно. И вдруг глубокий вздох, будто стон раненого волка, вырвался у него из груди. Этот вздох привел в себя Олега. Мальчик осторожно отступил и, крадучись, бросился через огород.

Он не заметил, как очутился возле моря. В квартире Василия Васильевича горел свет. Первой мыслью Олега было пойти к директору и отдать ему найденное письмо. Кто пишет нелюдимому Кажану? И о чем? Наверное, во всем этом есть какая-то тайна, и эту тайну откроет он, Олег Башмачный!

Да! Наконец-то ему представился случай стать настоящим героем!

Правда, это не то, что стать полярным капитаном и открыть в Арктике неведомые земли. Нет, старый Кажан — это не Арктика! Но открыть его тайну — разве это не замечательно? Ого! Пусть кто-нибудь из школьников попробует сделать это! Хотел бы он посмотреть, что бы тут вышло у Сашка Чайки? Или у Галины Кукобы? Да нет, куда им!..

Но разве так уже необходимо отдавать письмо Василию Васильевичу? Разве нет ножниц у самого Олега, чтобы разрезать конверт и прочитать письмо? Да разве нельзя для этого обойтись и без всяких инструментов, орудуя одними только пальцами?

Дрожа от холода и волнения, Олег садится на круглый камень. Брызги прибоя кропят мальчика, а белая пена бурунов кажется в темноте толпою рассвирепевших чудовищ. Олег не знает, что ему делать. Идти домой? Нет, страшно! Кажан, верно, и сейчас еще сидит на крыльце, поджидая его возвращения. Пойти к директору? Неудобно, да, пожалуй, и не стоит!

Мальчик продолжает сидеть на камне, вздрагивая от холода. Гнетущая темнота обступает его со всех сторон. Он невольно представил себя полярным путешественником, захваченным пургой среди ледяных просторов. На тысячи километров — бескрайняя снежная пустыня, и он один-одинехонек, затерянный в этом мертвом пространстве. С каждой минутой слабеют последние силы. Они догорают, как спичка, тают, как воск. Вот близко, за соседним камнем, — горячее дыхание. Это белый медведь почуял свою жертву. Еще минута, еще мгновенье... Медведь надвигается все ближе и ближе... Вот он поднимается во весь рост и падает прямо на Олега...

Олег неожиданно чувствует, как ледяные струйки бегут за воротник. Шторм с каждой минутой крепчает, оставаться на берегу дольше невозможно. Мальчик встает. Который час? Куда идти? Где тропинка?

Светится окно в комнате директора. Ага, значит, нужно — налево. Так. Олег поднимается в гору. Вот и Главная улица. Куда же дальше?

Мальчик останавливается. Он чувствует внезапно, как кровь приливает к его щекам, как горят кончики ушей. Подумать только, что сказали бы товарищи, если бы узнали, как он блуждал по ночным улицам, боясь встречи с Кажаном! Какой позор! Полярный капитан — и боится старого Кажана!

«А чего его бояться? Что он может мне сделать? Может, он вовсе и не ждал меня, а просто случайно присел отдохнуть на крылечке?»

И Олег решительно поворачивает домой. Если Кажан и сейчас еще сидит у дверей, Олег подойдет к нему и сурово и твердо спросит, что ему здесь нужно. Там, во всяком случае, всегда можно будет крикнуть, позвать на помощь, и отец с матерью выбегут на выручку.

Мысленно Олег теперь уже совсем расхрабрился, и только сердце как будто и не слышало его рассуждений — оно часто колотилось в груди.

Олег осторожно приближался к дому. Он не шел, он крался на цыпочках. Крыльцо пустое. Кажан ушел. Олег вздохнул с облегчением.

Так тихо и тепло показалось мальчику в знакомых комнатах! Даже школьные книжки и тетради — и те показались ему такими дорогими и милыми! И даже задачник — оказывается, такая чудесная книжка!

Мать немного поворчала за опоздание, но сын и словом не обмолвился о своем приключении. Таинственное письмо заманчиво шелестело в кармане. Отец возле печки раскрашивал в серо-зеленый цвет полуметровую пеламиду, деревянную рыбу, которой пугают скумбрию и загоняют ее в сети. Слышно было, как в трубе гудел ветер и, жалобно позвякивая, дребезжали железные заслонки.

— Ух, как завывает! — оторвавшись от работы, прислушался отец. — «Кимбур» как с цепи сорвался, а ему навстречу «молдаванка»¹. Все смешалось, ничего не разберешь...

¹ Кимбур — так на Одессине рыбаки называют северо-восточный ветер. Молдаванка — западный ветер.

Башмачный — председатель рыболовецкой артели. Он черноусый, высокий и суровый на вид.

— Сынок, а ты не видел сегодня Кажана? — вдруг спрашивает он.

Олег от неожиданности роняет книгу и пытливо смотрит на отца. Неужели ему что-нибудь известно?

— Ви... видел...

— Видел? Говорили люди будто он сегодня в город пошел. В такую погоду и молодому идти нелегко...

Нет, отец ничего не знает. Это он просто так спросил, из любопытства. И Кажан присел на крыльце просто отдохнуть. Конечно, отдохнуть. Олег сам слышал, как тяжело вздыхал старик. Даже стонал как будто. А может... может, это он так горевал из-за письма?

— Отец, а как Кажана зовут по-настоящему?

— Да на что он тебе, этот Кажан? Вот уж, как говорится, обломок империи и барский прихлебатель. Дземидкевич его фамилия.

Так, Дземидкевич! Значит, никаких сомнений — письмо и в самом деле адресовано Кажану. Дземидкевич!

Олег забирается в уголок за печку и осторожно разрывает конверт. В конверте письмо. Мальчик кладет письмо в задачник и подходит к столу.

Теперь перед ним трудная задача — прочесть письмо незаметно. Олег садится за стол и раскрывает задачник. Между страницами белеет клочок бумаги. Его нельзя назвать даже письмом. Скорее — это записка. Всего несколько строк, написанных чернильным карандашом.

— Да что с тобой, Олег? Ты сегодня сам не свой!

Мать ласково приложила ладонь ко лбу сына:

— И лоб будто горячий. Уж не простудился ли?

Олег едва успевает перевернуть страницу и закрыть письмо. Мать не заметила ничего.

— Такая теплая зима была в этом году — и вот, извольте, снег и шторм! — отзывается отец. — Ну, ничего, после бури рыба лучше ловится. Это уже дело верное, сам убедился...

Он говорит о своих рыбацких делах, рассказывает о лучшем бригадире артели Марине Чайке, которая поехала в Москву. Олег уже двадцать раз успел прочесть записку, выучил ее наизусть и окончательно убедился, что письмо и в самом деле хранит в себе самую настоящую тайну.

Олег чувствует себя героем. Он с жалостью и чуть-чуть с пренебрежением думает о своих товарищах: «Несчастливые зубрилы! Разве кто-нибудь из них способен на геройский поступок? Ну, взять хотя бы Сашку Чайку. Он думает, что если отличник, да еще и стихоплет, так уж и первый в классе! Зубрила! Непонятно только, чего Сашку так улыбается Галина Кукоба — дружбу закручивает...»

Воспоминание о Гале дает новое направление мыслям Олега. Подождите, придет время и все узнают, кто такой Олег Башмачный! И тогда к нему подойдет Галина и о чем-нибудь спросит. Ну, хотя бы о том, какую задачу надо решить на завтра. Но Олег-то знает, что это только предлог, чтобы подружиться с ним, героем. И тогда он скажет ей: «А почему ты спрашиваешь меня об этом? Ведь ты же можешь спросить Сашка Чайку! Ведь он же отличник, а я... что?» И Галя непременно покраснеет и тихо ответит: «Ты герой, и я хочу дружить только с тобой!»

Короткие, быстрые строчки найденного письма мелькают у Олега перед глазами. Он насквозь видит их тайное содержание. Нет! Медлить нельзя! То, о чем узнал Олег, требует от него решительных действий. Но действовать нужно обдуманно и осторожно. Может быть, лучше всего по ночам. Ни одна душа не должна знать, о чем идет речь в письме!

Неясный звук за окном заставил Олега тревожно насторожиться. Ему показалось будто кто-то осторожно царапает стекло.

Отец тоже слышит этот звук и, отложив в сторону раскрашенную рыбу, спрашивает:

— Слышите?

— Может, это кошка? — отвечает мать.

Но в эту минуту в окно постучали.

— А ну-ка Олег, взгляни, кто там, — говорит отец и встает со стула.

Олег подошел к окну, посмотрел на улицу и отскочил назад. Под окном стоял старый Кажан. Он поднял руку и, словно когтями, царапал согнутыми пальцами оконную раму.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мать Галины Кукобы заболела

Галя подошла к дверям и прислушалась. Мать по-прежнему ходила из угла в угол, как будто какие-то неотвязные мысли не давали ей покоя. Мягкий ковер на полу делал ее шаги глухими, еле слышными, но Галя уже хорошо знала этот звук за закрытой дверью, в маленькой комнате матери.

Девочка постояла, послушала и, вздохнув, отошла к этажерке, где лежали ее книжки и тетради. Она взяла учебник географии и села к столу. Девочка смотрела в книжку, но в глазах стояли слезы, буквы расплывались, читать было невозможно.

— А мама все ходит и ходит! — прошептала она. В комнате, кроме нее, не было никого, но Галя говорила вслух, будто рассказывала кому-то о своих огорчениях.

— Мама уже и на меня стала покрикивать, и к себе не пускает...

Это началось совсем недавно. Еще осенью мать была такой веселой и часто ходила купаться, хотя вода с каждым днем становилась все холоднее и птицы улетали в теплые края за море. А когда задули осенние ветры, она загрустила.

Раньше она всегда-всегда ходила смотреть, как выходят в море рыбацьи баркасы, как надуваются белогрудые паруса. Даже ветры научилась называть по-рыбачьему. Знала, когда будет «молдаванка», когда «широкий» — ветер с моря. И даже северо-восточный «кимбур» любила, хотя рыбаки и сердятся на него: нельзя при этом ветре выходить в море.

А потом все изменилось. Оказалось, что мать тяжело больна и ей нужно поехать в большой город лечиться. Галина помнит, как за обедом отец неожиданно обратился к матери:

— Больше откладывать нельзя, ты совсем извелась. Тебе завтра же надо ехать.

У матери синяки под глубоко запавшими глазами. Она проговорила:

— А что... что, если мне там скажут: «Слишком поздно, теперь уже ничто не поможет...»?

— Шура,— сказал отец,— неужели ты такая слабохарактерная?

Мать ничего не ответила. Она смотрела прямо перед собой, словно видела что-то сквозь стены комнаты.

Печально, неприветливо стало в домике. Мать заперлась в своей комнате и целый день никуда не выходила. Галя слышала, как она ходила из угла в угол, вот так же, как сейчас. Поздно вечером отец вернулся из больницы и долго ласково уговаривал мать.

Галя снова прислушивается. На дворе свистит ветер, и где-то далеко глухо шумит море. Раскрытая книжка лежит на столе, но девочка не может собраться с мыслями. Ей до боли жаль мать. И почему она все ходит и ходит? Бедная она, бедная!

Девочка вскакивает и подбегает к окну. На улице прогремели колеса, кто-то остановился у крыльца. Обычно крыльцо хорошо видно из окна, но сейчас уже темно, и Галя напрасно всматривается в черное окошко.

Наверное, приехал отец. Да, это он.

— Папа, почему ты так поздно?

Девочка стоит на пороге комнаты. Электрический свет падает из раскрытой двери в полутемную переднюю. Отец разделся. Он входит в комнату и ставит на стол свой желтый чемоданчик с хирургическими инструментами.

— Задержался,— говорит он скороговоркой.— Три серьезных операции сделал сегодня, дочка!

Галя видит, как отец тревожно поглядывает на запертую дверь маминой комнаты. Отец очень устал.

— Как мама? — тихо спрашивает он.

Галя молчаливым кивком показывает на запертую дверь, и на ресницах у нее поблескивает слезинка. Отец будто не видит своей дочери, ее худенького печального личика. У него другие заботы, другие мысли. Он подходит к двери и тихо стучит. Никакого ответа. Отец стучит еще раз.

— Шура, открой!

За дверью слышны быстрые, приглушенные шаги, щелкает ключ, и на пороге показывается мать. Она в халате, заплаканная и непричесанная.

— Стыдно, Шура! Ну, до каких пор это будет? Возьми себя в руки.

Отец входит в комнату матери, и Галина слышит их разговор.

— Ну, как ты не понимаешь, Шура? Наука всесильна. Но нельзя медлить, здоровье потерять легко... Вот сегодня привезли из Чабановки рыбака — он упал на камень и сильно разбил голову. Я сделал операцию, и он теперь будет жить, Шура. Я вынимал из страшной раны кусочки кости и знал, что на крыльце больницы стоят его жена и сын и плачут. Операция прошла удачно, но если бы его привезли на час позже, ничего нельзя было бы сделать.

Галина хорошо представляет себе этого рыбака. Его везут на шарабане в больницу, он лежит на соломе, все лицо его в крови. У изголовья рыбака сидит сын и рученками вытирает слезы. Долго ждут на крыльце больницы жена и сын рыбака, и они не знают, будет ли жить их отец. И вот на крыльцо выходит Галин отец в белом халате и говорит: «Ваш отец теперь будет жить».

— Я буду там совсем одна,— проговорила мать. — Никого из вас не будет со мной — ни тебя, ни дочки... И когда я пойму, что спасения для меня уже нет...

— Шура, тебя вылечат,— горячо и убедительно говорит отец. — Я не скрываю от тебя — возможно, необходима операция. К сожалению, я сам не могу ее сделать.

— Ты боишься, что я умру у тебя на операционном столе и ты...

— Нет, нет, я уже говорил тебе — нужна специальная аппаратура, мне не приходилось делать таких операций, Ты едешь к специалисту, известному всей стране.

— И он мне скажет: «Поздно»!

— Шура, как тебе не стыдно!

— Ты меня не понимаешь. Я не о себе беспокоюсь. Я думаю о Галине. Вдруг со мной что-нибудь случится, как она будет тяжело переживать. Ты же знаешь ее нежную, чуткую натуру.

— Да. И именно поэтому ты должна немедленно ехать. Ты будешь там не одна. В клинике тебя окружают заботой и вниманием. Мне больно, что я не могу поехать с тобой, быть возле тебя. Но ты же понимаешь — меня ждут тут десятки людей, им нужна моя помощь и от меня зависит их жизнь...

Галина представила маму в больничной палате.

Она лежит на кровати, накрытая белой простыней, и ждет операции. И даже сам известный профессор не совсем уверен, удастся ли ему спасти мать.

Мама думает о ней, Галине, об отце, оставленных в далекой Слободке возле моря, и неизвестно, увидит ли она их снова.

Девочке кажется, что отец скрывает всю правду.

А может, правда, у матери нет надежды на выздоровление? Нет, зачем тогда бы отец посылал ее на операцию к известному профессору? Конечно, надежда есть. Но какая она, наверное, маленькая!..

Девочке становится холодно и жутко от мысли, что она никогда не увидит больше мать.

Нет, лучше не думать об этом...

Часы в гостиной хрипло бьют двенадцать. Галина испуганно смотрит на учебник. Как быстро пролетело время! Она не успела прочитать ни одной строчки по географии! Завтра выходной день, но школьники завтра идут в гости к пограничникам. Не может же Галя одна сидеть дома! Остается свободным еще один вечер.

Галина вздыхает. Она многое намечала сделать завтра вечером. Дело в том, что одноклассница Галины, Люда Скворцова, вчера дала ей старую потрепанную книжку с интересными рисунками. Книжка называлась «Княжна Джаваха» Чарской. Скворцова сунула ее в руки Гале и сказала:

— Интересно до смерти! Если не прочтешь, будешь дурой с плюсом.

У Галины не было ни малейшего желания быть дурой даже без плюса, но, возможно, что «Княжну Джаваху» на некоторое время она все же бы отложила. Галина только что начала читать «Мертвые души» Гоголя. Но случившееся сегодня на уроке немецкого языка окончательно укрепило твердое решение прочитать «Княжну Джаваху» как можно быстрее, отложив в сторону и Гоголя, и Пушкина, и всех других классиков.

Ольга Кирилловна, учительница немецкого языка случайно увидела у Галины книжку Чарской.

— Откуда у тебя эта «Джаваха»? — спросила она.

— Я ей дала прочитать, — призналась Скворцова.

— Это твоя книжка?

Скворцова кивнула головой.

— Я нашла ее в печурке. Мама хотела пустить ее на растопку.

— Твоя мать, Скворцова, нашла хорошее применение этой книжке. Как вам только не стыдно тратить время на такие скверные книжки? Чтоб вы не смели читать в ней ни одной строчки! Я не хочу даже в руки брать подобную гадость! Тут еще «ять» и твердый знак в конце слов напечатаны. Смотри до чего дошли — читать Чарскую! Скажите спасибо, что я ничего не скажу об этом случае директору. А тебе, Кукоба, я поручаю уничтожить книгу. Дай мне слово!

— Да...ю.

Разговор с Ольгой Кирилловной пробудил в Гале необычный интерес к писательнице Чарской, произведения которой стыдно читать ученицам.

Галина пообещала Ольге Кирилловне уничтожить «Княжну Джаваху», и, несомненно, она сделает это. Но она же никому не давала слова уничтожать книжку раньше, чем прочтет ее. Это полностью отвечало намерению Галины Кукобы лично убедиться в том, что произведения Чарской и в самом деле никуда не годятся.

После урока Скворцова подлетела к Кукобе.

— Ну, что я тебе говорила? Ученицам читать нельзя — значит, там что-то есть... Очень интересно! Не прочтешь — будешь дурой в квадрате... А тогда можешь и уничтожить. Мне все равно — я уже прочтала, «слава аллаху», как пишет Чарская.

Из маминой комнаты вышел отец. Не посмотрев даже на дочку, он молча прошел в свой кабинет. Галя закрыла «Географию» и тихонько отправилась в спальню. Вечер пропал даром. Тревожит невыученный урок. И завтра... завтра снова придется сидеть над географией, вместо того чтобы почитать «Княжну Джаваху».

Галина разделась и легла в постель. За окном свистел ветер, и где-то жалобно скрипели ставни. Девочка вспоминает стихи Сашка Чайки об осени:

Скрипели ставни на ветру,
Холодной осенью дождливой...

А дальше? Как это дальше? Забыла...

Галя начинает вспоминать. Но сон подкрадывается к ней, наливает веки свинцом, убаюкивает.

И вдруг девочка широко открывает глаза и, подскокив на постели, вслушивается напряженно и взволнованно. Она ясно слышит заглушенный плач. Это плачет в своей комнате мать.

Быстро проходит через гостиную отец. До Гали долетают его слова:

— Шура, успокойся. Так же нельзя. У тебя нервы... Успокойся...

Галя слышит, как отец идет в кухню и несет оттуда матери воду. Девочка лежит, широко раскрыв глаза. Ей становится страшно, она вся дрожит. А вдруг маме хуже и она может умереть. Девочка соскальзывает с постели, и босые ноги топают по дощатому полу. Она нащупывает в темноте выключатель. Голубоватый свет мягко заливает комнату. Часы за дверью бьют час ночи...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ивасик слышит ночью выстрелы в море

Когда Сашко Чайка вернулся от Василия Васильевича, двери ему открыл дед Савелий.

— Вот полуночники! — бормотал спросонья дед. — Шатаются по ночам, будто нечистая сила!

Видно, деду не хотелось слезать с теплой лежанки, и он долго еще продолжал ворчать, переворачиваясь с боку на бок:

— Полуночники... Одно слово — полуночники...

Наверное, Сашко совсем растормошил деда, он вдруг приподнялся на локте и спросил:

— А как на дворе? Слышу, слышу, гудит... Завируха, а? Ну что ж, пускай. Это хорошо! Гремит море? Слышу, слышу, гремит... И волны большие! А? Тоже хорошо! Слышишь, я говорю — так и надо! Хорошо...

— Холодно, дедушка, на дворе. Замерз я.

— А? Слышу, слышу! Вот и хорошо, говорю! Ты замечай, Сашко, рыбаком будешь. Все время теплая зима стояла, давно такой не было и вот пеламида у берегов объявилась. А? Пеламида, говорю. А она, обрати внимание, пеламида, эта, ну, как тебе сказать? Ну прямо морская щука. От нее всему лову порча. А? Слышу, слышу... Она, это пеламида, к нам от турецких берегов

приплывает. Как теплая зима, так и плывет, плывет и всю скумбрию разгоняет. Вся скумбрия тогда от наших берегов уходит. А похолодает — это хорошо, и конец пелагиде.

Сашко разделся и прыгнул в постель. Младший брат, семилетний Ивась, тихонько окликнул его:

— Сашуня, где ты был?

— На берегу гулял. К школьному директору заходил.

— А журавлей видел?

— Какие же теперь журавли? — засмеялся Сашко. — Тебе, верно, приснилось, Ивасик!

— Приснилось, — согласился Ивасик. — И аиста не видел?

— Далеко теперь аисты, в теплых краях.

— И журавли?

— И журавли. За морем.

— А мама скоро приедет? Я уже соскучился...

Сашина мать повезла в Москву рапорт от рыболовецких артелей округа о выполнении плана лова рыбы. Когда Марина уезжала, дед Савелий подошел к ней и сказал:

— Ну, Марина, вот такую дочку, как ты, мне хотелось иметь на старости лет. Так можешь и руководителям партии сказать: «Я — дочь Савелия Чайки, и зовут меня Марина, а фамилия моя Чайка». А? Вот так и скажи! И еще скажи — привет от деда Савелия. Он, скажи, когда был молодым, тоже был лучшим рыбаком.

И дед поцеловал дочку, смахнув рукой старческую радостную слезу.

Все это сразу припомнилось Сашку, как только Ивасик спросил его о матери. Где теперь мама? Может, в Кремле, над которым горят пятиконечные звезды...

И так ясно представил себе Сашко Кремль, и пятиконечные звезды, и мать, такую веселую и нарядную в своем лучшем, праздничном платье! Слова сами зародились в его голове.

Они цеплялись одно за другое, сплетались и вырастали в строки, а из строк получались стихи:

Грохочут заводы стальные,
Могучая дышит земля,
И звезды горят огневые
На башнях высоких Кремля.

— Что ты там шепчешь?— окликает его с лежанки дед Савелий.— А? Слышу, слышу!.. Полуночники, полуночники.

Он что-то пробормотал, зевнул — сон одолел деда.

Сашко стал думать о журнале. Он уже представил себе обложку, обязательно в красках и чтобы непременно море, и на море — лодка с парусом. Можно еще, чтобы в лодке были пионеры, будто катаются по морю. Только для зимнего номера такая обложка, пожалуй, не годится. Какое там катанье, когда такая буря! Зимой можно нарисовать школу. Или школьника. Или, может быть, школьницу?

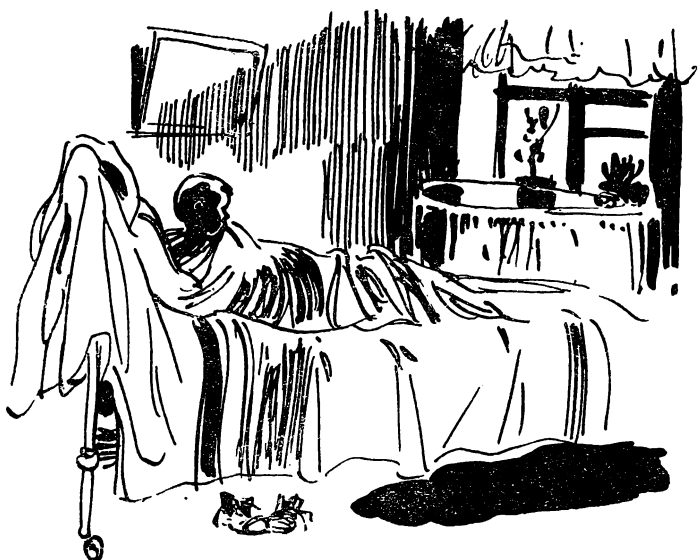
Из темноты выплывает лицо Гали Кукобы. Она улыбается и спрашивает: «Сделал ли ты уроки?»

Вот уж несколько дней, как Галя трудно узнать. Ходит почему-то насупленная, и сколько ни спрашивал ее Сашко, не отвечает. Только плечами пожимает: «Да нет, что ты! Это тебе кажется». Нет, ему не кажется. Сашко знает, что не такой была Галя раньше...

Весь род Чаек с деда-прадеда — рыбаки. Дед Савелий поседел на море, мать Сашка, Марина Чайка, — лучший бригадир рыболовецкой артели. Отец Сашка, тоже рыбак, четыре года назад погиб во время шторма. Есть еще у Сашка старший брат Лаврентий, он хотя и не рыбачит сейчас, но тоже на море днем и ночью. Лаврентий Чайка краснофлотец, он — пограничник, стережет советскую границу.

За восемь-десять километров от Слободки, где-то за горизонтом, проходит в море граница. Днем и ночью сторожевые суда, остроносые и серые, как щуки, режут суровые морские волны. Враг хитер. По ночам темь, как черная дымовая завеса, легко может скрыть шаланду или лодку с диверсантами. Берега чужой земли всего лишь в нескольких десятках километров. И особенно нужно быть зорким в темные и бурные ночи. Враг не боится сердитых волн. Он боится грозного окрика с мостика сторожевого катера: «Приказываю остановиться!» Он боится слепящего луча советского прожектора. Он боится света, как боится солнца летучая мышь — кажан.

За окном завывает шторм и Сашко вспоминает брата Лаврентия. Наверное, он сейчас на катере, стоит на вахте и напряженно вглядывается в ночную темноту, а мо-

жет быть, катер гонится сейчас за нарушителем границы, и рука брата замерла на холодной стали пулемета.

Сашку начинает казаться, что это не брат, а он сам отбывает вахту и выслеживает врага. А буря на море такая, что слышно, как скрипит радиомачта, и могучие валы колышут стальной катер, как детскую люльку: вверх — вниз, вверх — вниз...

Согрелся Сашко в теплой постели, и не буря качает его, а ленивые, сладкие волны крепкого сна...

Еще не наступила полночь, как неожиданно проснулся Ивасик. Ему приснилось, будто его любимый щегол в клетке вдруг начал так громко свистеть, что от этого свиста задребезжали стекла в окнах. Ивасик широко открывает глаза, всматривается в полночную тьму. За окном свистит ветер. В комнате слышно, как глубоко дышат во сне брат и дед Савелий.

Ивасик лежит и думает: «Почему это так свистел щегол! А может, он и не свистел? Может, это только приснилось?»

— Дедуся, дедушка! — зовет он. — А что, есть у щеголов щеглиный язык? А как разговаривают морские свинки? Дедуся, дедушка! Я слышал, как они говорили: пи-

пи-пи... Но дед Савелий спит. Ивасик прислушивается к его дыханию и вздыхает. И зачем только люди ночью спят? Ночью можно увидеть столько интересного! Можно увидеть, как блещут звезды, как ваплывает из-за моря величавая ярко-желтая луна, можно услышать, как в кустах между камнями шуршат травой ежи.

Ивасик слушает завывание бури и думает: «Бедные бычки, бедные крабы, как им холодно в море! Бедные акулы плавают в ледяной воде... Дед Савелий говорит, что в нашем море акул нет, только это неправда. Наверное, где-то есть — хоть одна, пусть самая плохонькая. Непременно надо, чтобы была. С акулой куда интересней».

Мальчик снова вспоминает о своем щегле. Уж не холодно ли ему в клетке? Может, и холодно — удивляться здесь нечему: щегол же не укрывается теплым дедушкиным кожаном! Правда, у птицы есть перья, только как они там греют? Небось, надень на деда Савелия такой кожан из птичьих перьев, он бы уже попрыгал в нем!

И, беспокоясь о щегле, Ивасик больше не может улежать в кровати. Осторожно скрипят двери. Из темной каморки пахнет сушеной калиной. И еще, кроме калины, острым запахом зверинца.

Мальчик зажигает огарок свечи и в одной рубашке входит в каморку. Тут и вправду помещается целый зверинец, и Ивасик — его хозяин. В том углу, где весной всегда стоит сито с наседкой и яйцами, сейчас приютилась деревянная клетка с морскими свинками. Встревленные светом, зверьки зашевелились, сбились в один комок.

Морские свинки! А вот дед Савелий говорит, что они вовсе никакие не морские, что за всю свою жизнь дед не видел в море ни одной такой свинки. И Ивасик совершенно согласен с дедом. Он думает, что эти свинки и плавать даже по-настоящему не умеют. Как он их ни рассматривал, как ни переворачивал, он не нашел у них не только настоящих плавников, а даже хоть чего-нибудь похожего на приспособление для плавания.

На клетке с морскими свинками стоит стеклянная банка с песком. Если верить Ивасику, в ней, зарывшись в песок, зимуют целых две ящерицы.

И, наконец, последний экспонат — щегол в клетке. Ивасик поднял выше руку с огарком, чтобы лучше рас-

смотреть своего любимца. Уцепившись одной ножкой за перекладину, щегол спал, спрятав головку под крыло. Неизвестно отчего, может быть, ему снился страшный сон, а может быть, и вправду от холода, щегол дрожал всем своим маленьким тельцем.

Как настоящий хозяин, который прекрасно знает, что ему нужно делать, Ивасик, поставил огарок на глиняный пол. С гвоздя на стене он снял старый пиджак деда и тщательно со всех сторон обернул клетку. Птичка проснулась и запрыгала с перекладки на перекладину. «Так ему не будет холодно,— подумал мальчик.— Спи, щеголик, спи...»

Внезапно он остановился, прислушиваясь. Сквозь вой ветра и шум моря Ивасик ясно расслышал далекие, глухие выстрелы. Он бросился в комнату и отворил форточку. Холодной струей ветер рванулся в комнату и зашелестел бумагой на Сашкином столе. И снова долетели звуки далеких выстрелов.

— Сашко! Стреляют! Стреляют!.. В море стреляют!

Сашко проснулся и увидел возле себя испуганного Ивасика.

— Стреляют! В море стреляют! — не переставая повторял мальчик.

Сашко соскочил с постели. Он высунул в форточку голову и слушал. Какую-то минуту был слышен только пронзительный свист моря и шум прибоя. И вдруг где-то далеко в море прокатилась короткая дробь пулемета. Ветер подхватил приглушенные звуки отдаленных выстрелов и с яростным свистом унес их в ночную темноту...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Разговор Кажана с Олегом. Рассказ о нарушителе советской границы

Когда Олег увидел за окном Кажана, мальчика пронзила мысль, что старик каким-то образом пронюхал, куда делось его письмо. Значит, не случайно сидел он на крыльце! Кажан охотится теперь за Олегом, как за куропаткой.

— Кто там? — спросил отец.

-- Ка... Кажан... — прошептал Олег.

Мальчик увидел, как отец поднял удивленно брови.
— Кажан? Ты говоришь — Кажан?

Он прижался лбом к оконной раме и крикнул:

— Что вам нужно?

Что ответил Кажан отцу, Олег не слышал. Но отец обернулся к сыну и с еще большим удивлением, даже немного растерянно сказал:

— Он просит тебя, Олег, выйти к нему на крыльцо...

Олегу сделалось сразу жарко, потом холодно. Он не помнил, что ответил отцу, как накинул на плечи кожушок. Стукнула за спиной дверь, и Олег очутился на крыльце.

После светлой комнаты глаза ничего не видели в густой темноте, обступившей его со всех сторон. И удивительно — снова необычное спокойствие овладело мальчиком. Только на виске быстро билась горячая жилка.

У крыльца послышались тяжелые шаги. По ступенькам застучала палка. Черная фигура старого Кажана выросла перед ним. Олегу показалось, что горячее дыхание непрошенного гостя обожгло ему лицо.

— Это я тебя встретил на улице?

Кажан положил руку на плечо Олега. Мальчику показалось, что эта рука холодна, как камень, и ее мертвый холод проходит сквозь мех кожушка прямо в тело Олега.

— Я не ошибся. Это тебя я встретил на улице.

Олег молча кивнул головой.

— Я хочу тебя спросить: ты ничего не находил час или два тому назад?

Кажан говорил с присвистом — наверное, у него во рту был такой свистящий зуб с дырочкой.

Олег молча отрицательно покачал головой.

— А может, ты все-таки нашел на улице письмо? Мое письмо?

Костлявые пальцы Кажана впились в плечо Олега.

— Нашел письмо? Говори!

— Ничего я не находил! — отчаянно крикнул Олег. — Говорю — не находил!

Он схватил руку Кажана и рывком сбросил со своего плеча.

Кажан стоял, о чем-то раздумывая. Было непонятно, поверил он Олегу или нет. Но вдруг он встрепенулся, неразборчивое восклицание слетело у него с губ. Ветер при-

нес с моря звуки далеких выстрелов. Глухо покатылся, будто рассыпанный горох, стрекот пулемета.

Это были те самые выстрелы, которые слышали Сашко и Ивасик.

Кажан напряженно ловил далекие звуки выстрелов. И вдруг, точно сорвавшись, кинулся по ступенькам вниз с крыльца. Палка быстро и тревожно застучала по каменной тропке, бежавшей вниз к морю...

Утро следующего дня было на редкость ясным. Ветер утих, по небу бродили легкие облака, воздух был насыщен той теплой влагой, которая всегда поднимается с моря и предвещает теплые дни, продолжительную оттепель.

Шумел прибой, одна за другой набегали высокие волны, но не было уже в их разбеге дикого гнева разъяренной стихии.

Олег проснулся радостным и бодрым. Все вчерашние приключения казались ему сном. Письмо Кажана лежало в надежном месте между старыми тетрадками, на дне глубокого сундука.

— Вставай, лежебока, — сказал добродушно отец, — да расскажи еще раз, о чем ты вчера рассуждал с Кажаном.

— Да я же говорю тебе, отец... Пристал он ко мне с каким-то письмом. А я того письма... того письма... и в глаза не видел.

Через час он был уже в школе вместе с другими ребятами старших классов. Старшеклассники! Да, это уж не какая-нибудь мелкота! И Олег недаром гордится, что он уже в шестом классе, что он не кто-нибудь, а настоящий старшеклассник! Впрочем, сегодня Олег чувствует свое превосходство не только над малышами. Вспоминая о таинственном письме, он поглядывает свысока и на своих товарищей. «Скоро вы все услышите об Олеге Башмачном!» — думает он и задорно посматривает вокруг себя.

Ребята высыпали из школы и организованно, по двое, вышли на узкую дорогу над морем. Впереди всех шли вожатый и учительница географии. Евгения Самойловна сегодня была особенно веселой и, оглядываясь по сторонам, не переставала шутить с ребятами. Ребята ее очень любили, хотя частенько и называли между собой «Корочкой». А «Корочкой» они звали ее потому, что учительница географии никогда не выходила на улицу без за-

паса хлебных корок. Корки предназначались для собак, (а собаки в Слободке презлющие!), которых Евгения Самойловна боится до смерти. Собаки охотно принимают дань и целыми стаями провожают учительницу к школе.

Ребята шли в гости к пограничникам. Застава морской пограничной охраны находится всего в четырех километрах от Слободки. Шли весело, распевая песни.

Не пел один только Олег. Он думал о том, как испугали вчера Кажана выстрелы в море. И кто же стрелял?

Рядом с Галиной Кукобой шел Сашко Чайка. Его тоже волновала ночная стрельба. Он расспрашивал о ней Галину, но девочка не слышала никаких выстрелов.

— Увижу брата Лаврентия, обязательно спрошу,— говорил Сашко.— Он-то, наверно, знает, что случилось. Но я скажу тебе и без Лаврентия: не иначе, как ловили нарушителя!

— Страшно, Сашко.

— А мне нет. Не страшно. Мне только один раз было страшно: это когда меня отец в прошлом году из моря звал.

— Ой, Сашко!

— Нет, ничего. Это мне, конечно, показалось. Разве утопленники могут звать? Наверно, ветер свистел в скалах. А то еще говорят, есть такой морской человек. Вот он и трубит по вечерам. И труба у него такая есть — морская раковина. Только это все выдумки. Повыдумали, а для чего?

— Может, чтобы страшнее было.

— А вот краснофлотцы ничего не боятся. Какая б ни была ночь, какая б ни была буря, а они всегда на сторожевом катере в море.

— А ты, Сашко, поплыл бы?

— Поплыл бы.

— А я бы с парашютной вышки прыгнула!

— А почему ты такая стала... какая-то такая...

— Какая?

— Не смеешься. Грустная.

Галя опустила голову.

— Ты меня уже спрашивал...

— Спрашивал... Так это еще позавчера.

— Я — ничего... Смотри! Вот уже и пристань. А твоя мать еще не вернулась?

— Нет еще. А я лежал вчера и думал. И знаешь, как придумалось? Стихами:

Грохочут заводы стальные.
Могучая дышит земля,
И звезды горят огневые
На башнях высоких Кремля.

А дальше — не вышло. Я на этом месте как раз о другом подумал. О журнале. Да тут еще дед Савелий позвал, перебил...

Ребята незаметно дошли до белых домиков заставы. По-настоящему это была пристань, но все ее называли заставой. Пограничники еще издали увидели гостей и вышли навстречу. Сашко поискал глазами брата. Вот и Лаврентий. У него такая веселая белозубая улыбка, что и самому хочется смеяться, глядя на него. Через плечо у Лаврентия гармонь. Он растягивает меха и играет:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Ребята подхватывают песню, и она заглушает шум прибора. С песней входят и в ленинский уголок. Лаврентий садится возле Сашка и обнимает его. И такой сильной кажется мальчику эта рука, и так хорошо пахнет от нее соленым ветром, морским простором!

Начальник заставы поблагодарил школьников за их связь с бойцами. А потом сказал еще что-то, что сразу обрадовало ребят. Ярко-ярко заблестели глаза ребят — так ярко, что будь на дворе ночь, ни за что бы их не отличить от светляков. И все так захлопали в ладоши, что даже в окнах зазвенели стекла.

Начальник заставы сказал:

— У нас есть чудесная парусная лодка «Буревестник». Мы решили подарить ее ученикам того класса, который успешней всех закончит учебный год. Так-то, дорогие пионеры и школьники! Крепко держите руль, чтобы быть лучшими из лучших.

Ребята возбужденно зашумели.

— У нас есть лентяи! — волновалась Люда Скворцова. — Неужели нам из-за них лодки лишаться? Исключим их, вот и все!

— Э, нет! — сказал пионервожатый. — Исключить — легко! В том-то и дело, чтобы подтянуть и лентяев. Чтобы не позорили всего класса...

Яша Дереза от имени пионеров и всех школьников пообещал пограничникам учиться только на «отлично». А потом открыл картонную коробку, которую принес с собой, и вынул оттуда небольшую модель военного судна.

— Миноносец! — гордо сказал Яша. — Сам сделал!

И, обернувшись к товарищам, попросил:

— А ну-ка, ребята, принесите воды. Пустим корабль.

— Да зачем вода! И так знаем, что поплывет! — буркнул Омелько Нагорный.

— Нет, это не простой миноносец! — ответил Яша. — Принесите воды!

В голосе его прозвучали твердые нотки. Из кухни принесли большую алюминиевую миску с водой и поставили на стол.

— Только не пугаться! — предупредил Яша.

Яшино предупреждение еще больше заинтересовало присутствующих. Тесным кольцом они обступили стол. Яша отошел в угол комнаты. В его руках был какой-то прибор с проводом. Он присоединил провод к розетке, что-то повернул в своем приборе и скомандовал:

— Миноносец! Налево!

И маленькая модель военного корабля послушно повернула влево в миске с водой.

— Миноносец! Задний ход!

Модель исполнила и это приказание изобретателя. Но это еще было не все.

— Враг с правой стороны! — крикнул Яша и перевел рычажок в своем приборе. И в ту же минуту из иллюминатора «миноносца» вылетела продолговатая пулька. Она ударилась о край алюминиевой миски и взорвалась.

— Мина! Мина! — вырвалось у зрителей. Раздались оглушительные аплодисменты. Начальник заставы подошел к Яше и сказал:

— Ну, Яша, поздравляю тебя! Замечательная модель. В самом деле, управление по радио — необычайно интересное дело. Будешь хорошо учиться, выйдет из тебя выдающийся изобретатель.

Время прошло быстро и весело. Сашко даже забыл о том, что хотел расспросить Лаврентия о ночной стрель-

бе. Но начальник заставы сам рассказал ребятам обо всем.

Какая темнота была этой ночью! И небо, и землю, и бурное море — все покрыла черная тяжелая завеса. Сторожевой катер пограничной охраны то зарывался носом в кипящую бездну, то взлетал вверх на гребнях огромных волн. Ревели моторы, но и они не могли заглушить пронзительный вой ночной бури.

Командир катера был на мостике, когда дозорный крикнул:

— Товарищ командир! Справа по носу лодка!

Луч прожектора метнулся вправо. На волнах качалась лодка. Она подпрыгивала, как ореховая скорлупа. В ней виднелся человек. До берега оставалось совсем недалеко, и было похоже, что в лодку неизвестный пересел с какой-нибудь большой шаланды.

Катер помчался полным ходом вперед. Лодка была совсем уже близко.

— В лодке! Приказываю остановиться! — крикнул в рупор командир.

Каждое мгновение было дорого! Прожектор осветил седую полосу прибоя. Черный зловещий берег быстро наплывал на катер.

«Берег!.. Уйдет!» — шептал командир, сжимая кулаки. Раздалась новая команда:

— К пулемету!

И в то же мгновение раздались выстрелы с лодки. Пули пролетали над головой командира. На катере застрочил пулемет. Вот уже и берег. Нарушитель бросился в воду и поплыл. Новая очередь пулемета. Шпион взмахнул руками. Его с головой накрыла высокая волна. Пулемет замолк.

— Достали-таки, не убежал! — облегченно вздохнул командир. — Жалко только, что не взяли живым...

И катер круто повернул назад всего метров за двадцать от берега.

Этот рассказ чрезвычайно взволновал Олега. Он сразу припомнил, как встревожили вчерашние выстрелы Кажана, как поспешно бросился тот вниз по дорожке. А ведь эта тропинка ведет к морю. Зачем же нужно было старому Кажану так спешить ночью на пустынный морской берег?

Олег без конца повторял про себя строчки вчерашнего

письма. В этом письме много загадочного. Олег убежден, что он правильно разгадал значение каждого слова. Он знает, что раскрыл тайну. Но сейчас мальчик снова проверяет мысленно содержание письма. Не спряталось ли от него еще какое-нибудь словечко, еще какой-нибудь едва заметный намек?

Какое-то неясное чувство, какая-то непонятная тревога охватила мальчика. Олег возвращался домой мрачный и молчаливый.

Сросшиеся на переносице брови нахмурились еще больше, надвигаясь на серые глаза. Он шел и задумчиво смотрел себе под ноги.

А товарищи в то время с жаром спорили о чудесной лодке, которая должна достаться одному из классов в конце учебного года. Да! Этот парусник — совершенно замечательная вещь! Но получить его, конечно, дело не легкое.

— Ну, шестиклассники, вытащим лодку! — крикнул Сашко. — Кто чемпион тяжелого веса — отзовись!

— Тяжело будет поднимать! — сказала Скворцова.

— А ты хочешь — перо в зубы и губы чернилами не запачкать? — отозвался Омелько Нагорный. — Я думаю, лодка будет наша!

— А я считаю, — буркнул семиклассник Чабанчук, — я считаю, что у шестого класса кишка тонка — перервется! Мимо вас лодочка проплывет, только кепочками ей вслед помахаете.

— Кому? Не седьмому ли?

— Да хоть бы и нам, семиклассникам. Только вы не плачьте. Мы люди добрые: попросите — и вас покажем!

Такого издевательства, конечно, никто из шестиклассников стерпеть не мог. По адресу длинного Чабанчука со всех сторон полетело столько насмешек и острот, что он только растерянно посматривал сквозь очки (Чабанчук был близорук) и больше не посмел задевать своих собеседников.

Олег слушал этот спор. «Лодка! Парусник! — думал он. — Какая глупость! Просто детская игрушка!» Разве его, Олега Башмачного, может интересовать какая-то лодка, пусть даже с парусом? Чтобы он, Олег, будущий герой Арктики, плавал в какой-то лодке? Какая чепуха! Нет, лодка не для Олега. И это все поймут очень скоро!

Впрочем, весной его, наверное, уже не будет в Слободке. План у него широкий и смелый. И чем скорее воспользуется Олег скрытой в письме тайной, тем скорее будет выполнен этот план.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Сашко терпит поражение в борьбе с Олегом, а
Галина снова получает „очень плохо“*

На большой перемене в шестой класс зашел вожатый Максим Чепурной и сказал дежурной:

— А ну-ка, Скворцова, давай-ка посмотрим, нет ли у нас в классе художников!

Скворцова сразу догадалась, о каких «художниках» идет речь. Это те ученики, которые обращаются с партией хуже, чем с полом. Они думают, что парта существует для того, чтобы на ней рисовать, выцарапывать и вырезать.

Вместе со Скворцовой вожатый осмотрел все парты. На одной из них был нарисован корабль. Впрочем, сказать «нарисован» будет не очень точно. Корабль был выцарапан чем-то тонким и острым — не то пером, не то шилом.

Максим наклонился над партией и долго молча рассматривал рисунок. Потом он поднял свою круглую голову с коротко стриженными волосами, торчащими, как иголки у ежа, и отрывисто спросил:

— Олег Башмачный сидит?

Скворцова утвердительно кивнула головой.

У вожатого светлые глаза с золотыми точечками, и эти точки светятся с утра до ночи. Но сейчас они не такие. Скворцовой показалось даже, что глаза у Максима Чепурного сразу потухли, будто он услышал что-то очень неприятное. Девочке захотелось в эту минуту сказать ему что-то хорошее, чтобы ему сразу стало и веселее и легче. Но вожатый хмуро посмотрел на нее и молча покачал головой.

Он быстро вышел из класса, а Скворцова почувствовала, как краска зажгла ей щеки, словно она сама сделала эту гадость.

Большая перемена в школе — хорошее и веселое вре-

мя. Омелько Нагорный предложил даже начать сбор средств на памятник тому, кто придумал большую переменку. Но его предложение товарищи отклонили, так как автор большой переменки был неизвестен.

Да — это самое лучшее время. Тридцать минут, целых тридцать минут имеет каждый ученик в своем распоряжении. И столько при желании можно сделать за эти полчаса!

Во-первых, можно пробежать шестьдесят раз из одного конца коридора в другой. Во-вторых, можно забраться в физкультурный зал и вертеться на трапедии мельницей, покуда не закружится голова. Конечно, насладиться этим вволю можно только тогда, когда поблизости нет никого из преподавателей.

Впрочем, силушку свою можно испробовать и не заходя в физкультурный зал. Для этого достаточно возможностей и в классе, и в коридоре. Для этого не нужны ни трапедии, ни брусья, ни обитый желтой кожей «конь». Наоборот, все эти приспособления в данном случае только мешают. Здесь нужно присутствие кого-нибудь из товарищей по школе, на кого мог бы напасть пробующий силушку. Наскакивать на «противника» нужно сзади (а то можно неожиданно получить сдачу) и валить наземь. Можно подставить кому-нибудь в коридоре ножку, если это сделать ловко, противник непременно полетит.

Да что и говорить: большая перемена — это чудесное время! И это прекрасно знал Олег Башмачный — высокий и сильный парнишка. Во всем шестом классе не найдется такого силача, который мог бы побороть Олега.

Но самое большое удовольствие Олег Башмачный получает тогда, когда ему удастся положить на обе лопатки Сашка Чайку, Олег не любит его. Во-первых, Чайка очень задается, что он первый ученик в классе. Во-вторых, самым большим авторитетом в классе пользуется Чайка, а не он, Олег Башмачный. В-третьих, Чайка сочиняет какие-то «пустяковые» стихи, а Олег и «пустяковых» стихов писать не умеет. В-четвертых, вообще Сашку Чайку иногда нужно проучить, «чтобы знал». Жалко только, что бывает это не часто. Сашко Чайка избегает единоборства.

На дворе январь, а солнце сегодня греет, как в марте. Против окон, залитых солнечным светом, весело танцуют в коридоре голубоватые столбы мельчайших пылинок.

В такие дни чувствуешь, как быстро бежит кровь по жилам, как наливаются мускулы, и так хочется сделать что-то необыкновенное или героическое — не то слетать на Марс, не то поймать живого тигра...

Так чувствовал себя в этот день и Олег Башмачный. А тут, кстати, была большая перемена. Олег шатался по коридору, решая важную задачу: чем бы удивить сегодня весь мир. Кругом бегали шумливые ребята, но мальчик не обращал внимания ни на кого. Немного помешал Олегу только вожатый. Он прошел мимо и с укором покачал головой.

— В чем дело? — спросил Олег.

— Потом поговорим, — бросил, не оборачиваясь, Максим.

Ну, да это мелочь! А вот то, что за окном по-весеннему светит солнце, это важнее! И, того гляди, в саду запоеет синица.

Коридор поворачивает налево, туда, где начинается лестница на второй этаж. Олег смотрит на широкое окно и останавливается. На подоконнике сидит Сашко Чайка. Возле него примостилась Галина Кукоба, и Сашко читает ей по тетрадке стихи.

— А-а! — протянул насмешливо Олег. — Дружья-приятели косить наладили! Стишки читаете? Вроде как Пушкин Онегиной Татьяне? Да?

Олег ждал, что Сашко непременно сорвется с места, а Кукоба покраснеет и убежит. Но все обернулось по-другому. Чайка фыркнул и залился веселым громким смехом.

— Как ты сказал? Да разве Пушкин читал стихи Татьяне? Ха-ха-ха!..

А Галина, смеясь, прибавила:

— Олег слышал звон, да не знает, откуда он!

— И звона не разобрал, и «Онегина» не читал! — подхватил Чайка.

Это было последней каплей.

— Поцелуйся со своим Евгением! — отрубил Олег. — Задаешься на полторы копейки с половиной! Зубрила несчастный! Мне говорили, что в море акула подохла от твоих стишков. По-эт!

И, чувствуя, что слова мало трогают Чайку, Олег тут же приступил к решительным действиям. Он вырвал из рук Сашка тетрадь и бросил ее на пол. Эффект получился

совершенно неожиданный. Сашко сорвался с подоконника и бурей налетел на обидчика. Сплетенные тела клубком покатались по полу. Испуганно крикнула Галина, но не успела она опомниться, как Сашко уже лежал на обеих лопатках, а на нем в позе победителя возвышался торжествующий Олег.

— Сдаешься? — спрашивал он.

— Нет! — глухо отвечал Сашко.

— Сдаешься?

— Нет!

— Все равно моя сверху!

Ребята уже окружили борцов, уже спешил по длинному коридору Василий Васильевич. Но Олег все же успел крикнуть:

— Смотрите, как лежит подо мной зубрила и поэт! А я на нем все равно, как мунумент! Ага! Еще и в рифму сказал.

— Во-первых, не «мунумент», а «монумент», — поправил кто-то из ребят, — а во-вторых довольно!

— Пусти Чайку!

— Хватит!

— Пусти! — крикнула Кукоба.

Башмачный бросил на нее торжествующий взгляд:

— Видела поэта?

— Хулигана вижу! — с вызовом ответила ему Галина.

Подошедший Василий Васильевич внимательно посмотрел на раскрасневшиеся лица противников.

— Дрались?

Сашко и Олег молчали. Зазвенел звонок. Большая перемена кончилась.

— Идите в классы! — сказал Василий Васильевич. — А обо всем поговорим сегодня на собрании.

На уроке Сашко боялся даже оглянуться, чтобы не увидеть Галю Кукобу, сидевшую на задней парте. Ему казалось, что Галя теперь навсегда потеряла к нему всякое уважение. Недаром же она была свидетельницей его позора. Он лежал на спине, придавленный к полу коленкой Башмачного. Правда, он не покорился неприятелю, но это не имело значения. И все это видела Галина. Как же она будет теперь дружить с ним, с таким слабосильным и ничтожным!

И стыд, и злость переполняли его сердце. Но злился

Сашко больше на себя, чем на Башмачного. Он ругал себя самыми обидными словами, он не мог простить себе, что так по-дурачки позволил одержать над собой верх. Разве нельзя было подставить Олегу ножку? Правда, такие приемы сурово осуждались неписанными школьными законами, но, если эту борьбу видит Галя Кукоба, можно пойти на все! Только бы не позор!

Кто-то легонько толкнул Сашку в спину. Через плечо протянулась рука с измятой синей тетрадью. Он узнал тонкую руку девочки. Это была тетрадка со стихами, которые Сашко Чайка читал Кукобе как раз за минуту до схватки в Башмачном.

Горячее чувство благодарности к Гале шевельнулось в сердце мальчика. После всего, что произошло, после всего этого срама она еще обращается к нему, она подняла с полу его стихи, спасла заветную тетрадку! А ведь сам Сашко в пылу битвы забыл о тетрадке.

Мальчик хочет обернуться, чтобы крепко пожать Гале руку, но на пороге класса стоит Евгения Самойловна.

Сейчас начнется урок географии. Поверх доски повесили карту, преподавательница переворачивает страницы классного журнала. А на улице, возле школьных ворот, уже, наверно, сидят и поджидают конца уроков овчарки и дворняжки. Они боятся пропустить Евгению Самойловну. Пропустят — и прощайте поджаристые хлебные корочки!

Галя поспешно перечитывает сегодняшний урок. Она так и не выучила его. Вчера вечером снова плакала мать, снова уговаривал ее отец, и девочка напрасно смотрела в раскрытую книгу. Как ни старалась она сосредоточиться и хоть что-нибудь понять из прочитанного — ничего не выходило. Нет! Сейчас уже не выучить! Правда, на большой перемене она успела прочесть заданные страницы, но разве с одного раза запомнишь все?

«Южный Китай расположен в бассейнах рек, впадающих в Южно-Китайское море,— торопливо читает Галина.— Самая большая из этих рек — Сицзян, в устье которой стоит город Кантон». Сицзян, Кантон, Сицзян, Кантон... Ну, Кантон еще можно запомнить, Галя знает смешную скороговорку: «Пекин, Нанкин и Кантон сели вместе в фэзтон и поехали в Шанхай покупать шанхайский чай». Кантон не страшно, а вот Сицзян куда страшнее. Попробуй найти на карте... А еще порт Гонконг,

а еще целая глава «Главнейшие сведения о хозяйстве и политическом устройстве».

Есть, правда, надежда, что Евгения Самойловна не вызовет ее сегодня. Может, пошептать про себя: «Не вызовет, не вызовет, не вызовет!» В младших классах так делают. Вдруг поможет! Только при этом надо смотреть прямо на педагога, не спуская с него глаз. «Не вызовет, не вызовет, не вызовет...»

Но Евгения Самойловна тоже глядит прямо на Галю.

— Кукоба что-то шепчет, она, верно, хочет первой рассказать нам сегодняшний урок,— говорит, весело улыбаясь, преподавательница.— Правда, Галя?

Галя густо краснеет и молча кивает головой. Она чувствует, как к горлу ее подступает какой-то клубок, и она напрасно старается проглотить его.

— Ну, Кукоба, подойди к карте и расскажи нам, что ты знаешь о сельском хозяйстве Китая и его промышленности.

— О сельском хозяйстве? — переспрашивает Галина и чувствует, что у нее что-то оборвалось внутри.

— Да, о сельском хозяйстве.

— Ну вот... значит, так... Там разводят чай. И пьют его. И вот... рис...

Галина замолкает. Она безнадежно глядит на класс, на ряды голов над партами и на лица своих одноклассников видит настороженность и удивление.

— Ну? — удивленно поднимает брови Евгения Самойловна.— Что с тобою, Кукоба? Ну, скажи, чем замечательно сельское хозяйство Китая?

Галина молчит. В классе нависает тяжелая тишина. Слышно, как звенит где-то перо, воткнутое в парту, и тут же затихает. Подсказывать не решается никто. То, что одна из лучших учениц, отличница Кукоба, не выучила урока, поражает всех.

— Ты... не читала заданного?

Галина молчит. Еще секунда — и она не выдержит, заплачет. Слезы, горячие слезы подступают к горлу.

— «Очень плохо»,— шелестит по классу, будто беспокойный ветер пробегает по партам. Галина садится, и ей кажется, что тяжелая и бурная волна сердитого моря швырнула ее наконец на берег. Щеки горят, дрожат пальцы. «Какой стыд! Какой позор! Что подумает обо мне теперь Сашко и все другие?..»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Разговор с директором школы

«Чрезвычайное» собрание, как выразился Василий Васильевич, началось в шестом классе сейчас же после окончания занятий. На последнем уроке — уроке украинского языка, Василий Васильевич раздал ученикам тетради с диктантом.

Галина не решалась сразу открыть свою тетрадь. Она знала, что ошибок наделала много. Взяв тетрадь двумя пальцами за нижний уголок, осторожно заглянула в середину. Вся страница была испещрена жирными черточками красного карандаша. У Гали больно сжалось сердце. Слабая надежда на «посредственно», еще тлевшая до сих пор, быстро исчезла. На одной странице было не меньше пятнадцати ошибок. Нет, за такую диктовку никакой учитель не поставит «посредственно». Значит, что же? «Плохо»?

И, чтобы не мучиться страшными догадками, девочка сразу раскрыла тетрадь. Внизу страницы красным карандашом было написано: «Очень плохо».

Предстоящее собрание сильно волновало Галю. Она хорошо знала повестку, состоящую из одного вопроса: успеваемость в ученье и дисциплина. И, конечно, на этом собрании первым делом будут говорить о ней, об отличнице Галине Кукобе, которая так позорно провалилась сегодня.

Василий Васильевич и в самом деле прежде всего начал говорить о ней. Он, конечно, уже узнал, что Кукоба получила «очень плохо» не только за диктант. Евгения Самойловна взволнованно и удивленно рассказала ему, как «отвечала» Галя сегодня по географии. Но, как ни странно, о Гале Василий Васильевич сказал только вскользь, называя и других учеников. Вот, мол, даже отличница Кукоба и та осрамилась. Надо, значит, выяснить, почему так случилось!

И сразу же после этого стал говорить о том, что нужно сделать, чтобы шестой класс, в котором все без исключения ученики были пионерами, стал в самом деле лучшим в школе, чтобы был он примером для других, чтобы мог он по заслугам получить замечательную награду — парусную лодку пограничников.

— Не забываете, ребята: я не только директор, но и руководитель вашего класса,— усмехнулся Василий Васильевич.— Вот почему я не могу оставаться равнодушным и к поведению Олега Башмачного, который сегодня катался по полу вместе с Сашком Чайкой. От Сашка Чайки я такого не ожидал.

— Это он первый! — буркнул Чайка.

— Не будем лучше говорить об этом сейчас.

Олег сидел молчаливый и задумчивый. Но и он встретился, когда выступил вожатый и заговорил об изуродованной парте.

— Если мы будем терпеть таких «художников»,— закончил свою речь Максим,— не видать шестому классу парусной лодки. Башмачный выцарапал на своей парте корабль, но пусть он помнит, что никогда не быть капитаном тому, кто не хочет учиться и работать.

Заговорив о корабле, вожатый затронул самое чувствительное место в сердце Олега. Конечно, не тот корабль, который нацарапал Олег на парте, но настоящий могучий ледокол не покидал мыслей мальчика. Мощный ледокол, на котором он непременно поплывет в поисках новых островов в Арктике. И ему самому стало непонятно и неприятно — и зачем надо было царапать свою парту?

Кроме вожатого, говорили еще Люда Скворцова и Нагорный, а потом выступил Сашко Чайка и коротко сообщил о том, что в шестом классе будет выходить литературный журнал «Рассвет», переписанный на пишущей машинке. Тут же изменили название на «Отличник». Все захопало. Хлопала и Галя Кукоба, хотя на душе у нее было невесело. Ей не хотелось ни возвращаться домой, ни оставаться здесь. Среди веселых товарищей она чувствовала себя одинокой. Ей хотелось рассказать кому-нибудь о себе, о семье, о матери, которая тяжело заболела и должна ехать лечиться. Но говорить об этом почему-то неловко. Вдруг расскажешь подруге, хотя бы даже Люде Скворцовой, а она не поймет... Нет, Люде нельзя говорить... Она и слушает-то невнимательно, и говорит только о себе...

Когда кончилось собрание и Галя уже выходила из класса, чья-то рука легла на ее плечо. Посмотрела — Василий Васильевич.

— Кукоба, зайдем-ка на минутку ко мне,— сказал он и как-то странно—и печально, и задумчиво посмотрел на Галину. И так же печально и ласково посмотрел на нее и потом, когда они вошли в учительскую.

— Садись, Кукоба,— сказал он, указывая ей на стул и сам сел за письменный стол. Он смотрел не отрываясь на эту светловолосую девочку, пионерку и отличницу, как бы пытаясь прочесть все, что таилось в глубине ее сердца.

— Ну, давай, Галя, поговорим начистоту. Расскажи мне, как старшему другу, что случилось с тобой? — спросил Василий Васильевич.— Может быть, у тебя случилось что-то такое, о чем ты не хочешь рассказывать всем. Я не узнаю тебя. Как это произошло, что у тебя вдруг два «очень плохо»? Мне кажется, что тебя что-то гнетет. Может быть, у тебя горе какое-нибудь или обидел кто?

Галина молчала. Директор слышал только ее взволнованное, тяжелое дыхание.

— Ты понимаешь,— снова начал он тихо и ласково,— что дальше так продолжаться не может. Ты обязана быть такой же отличницей, какой была раньше. Почему ты наделала столько ошибок в диктанте? Раньше с тобой этого никогда не случалось. Что тебе помешало выучить урок по географии?

Девочка не ответила. Целую минуту продолжалось напряженное молчание. И вот она наконец подняла голову:

— Василий Васильевич... Я... я... Нет, не спрашивайте меня! Мне тяжело...

И, едва сдерживая слезы, готовые брызнуть из глаз, Галина добавила шепотом:

— Мама... Мама может умереть. Она тяжело больна. И поедет делать операцию...

Василий Васильевич встал и с грохотом отодвинул стул. Он молча прошел из угла в угол и, остановившись возле девочки, положил на ее опущенную голову широкую теплую ладонь.

— Вот что. Мы вот как сделаем. Не надо печалиться. Завтра я приду к вам в гости. Можно?

Этот короткий разговор с директором успокоил Галину. Ей почему-то стало казаться, что теперь все будет хорошо. Как это будет, девочка еще не знала, но, раз Василий Васильевич знает, все будет по-старому, все наладится снова — и дома, и в школе.

Галя вышла на улицу. Ей показалось, что и солнце светит совсем как весной, что пройдет месяц, и снова зазеленеет трава, снова нальются пухлые почки на деревьях и из-за моря прилетят ласточки.

Галина вспомнила, как прошлой весной большая стая ласточек опустилась на прибрежные камни. Ласточки были так измучены долгим перелетом, так обессилели, что их можно было брать просто руками. Она вспомнила, как пионеры охраняли ласточек, как прогоняли хищных котов, охотившихся за беззащитными птицами.

Сразу же за школой раскинулся большой сад. Он опускался до самого обрыва, повисшего отвесной стеною над морем. Теперь сад был прозрачен и гол, с черными безлистыми деревьями, между которыми темнело море. Прямо из школьных окон видно, как синее оно в конце главной аллеи. Правда, это еще не та синева, нежная и спокойная, какая бывает летом. Стоит только тучам набежать на зимнее небо, и от этой синевы не останется и следа. Потемнеют волны, посереет даль, неприятным свинцовым оттенком блеснет море.

Домой идти Гале не хотелось. Солнце светило, небо было голубым и безоблачным. Захотелось пройтись по прозрачному зимнему саду, побродить между его деревьями, посмотреть с обрыва на море.

Галя медленно шла по главной аллее. Под ногами чернела влажная земля и желтел песок — недавняя буря смела тонкую пелену неокрепшего снега. По краям аллеи зеленели сосны. Их ровные стволы казались рыжими, почти красными и горели, как медные, в солнечном свете.

...После собрания Сашко зашел в физкультурный зал. Максим Чепурной упражнялся на трапедии. Тут все было знакомо, но Чайка зашел сюда вовсе не для того, чтобы «пофизкультурить», как говорили ребята. Да, и по правде говоря, не очень-то любил Сашко физкультуру. Но сегодня какая-то новая мысль мелькнула у мальчика. И даже знакомый турник, и брусья, и кожаный «конь» предстали перед ним в неожиданном свете.

Он подошел к брусьям и попытался выжаться на руках. Было очень тяжело. Сашко напрягал все силы...

— Нужно тренироваться,— услышал он голос во-

жато. — Вот посмотрел бы, как управляется Башмачный...

«Башмачный!» Максим словно высказал вслух его мысль.

— И я смогу... так, как он? — почему-то несмело и смущаясь спросил Сашко.

— А почему бы нет? — усмехнулся вожатый. — Мышцы будут точно из железа.

В одно мгновение Чайка увидел: он, Сашко, лежит распростертый на полу, а над ним торжествующий Башмачный...

...Когда шел по коридору, ему показалось, что кто-то заскочил в шестой класс. Он даже услышал, как скрипнула дверь, а она всегда скрипит, когда ее закрывают. Сашко вошел в класс и подозрительно огляделся по сторонам. Никого! Может быть, кто-нибудь спрятался за доской или под партами? Нет, за доской тоже никого. Заглянул под парты — пусто. «Верно, показалось!» — подумал мальчик.

Он вышел на крыльцо и издали еще увидел знакомую фигуру Галины. Она была в саду, в самом конце широкой аллеи. Размахивая связанными книжками, Сашко бежал догонять Гаю. Девочка удивленно оглянулась на звук его шагов, и глаза ее радостно заблестели. Сашко схватил Гаю за локоть и остановился перед ней, задыхаясь от смеха и быстрого бега.

— Галя, ты... не смеешься надо мной? Ну, вот за то, что меня Башмачный поборол... Дразнить не будешь?

— А ты что ж, не слышал, кого я дразнила? Ох, и не люблю я этого Башмачного! Он и на пионера не похож. Не такие у него привычки!

Она замолчала и потом нерешительно, тихо спросила:

— А ты... не будешь смеяться? За то, что я так отвечала на уроке географии. И за... диктант...

— Нет, Галя, что ты. Только мне так больно, что ты...

— Что?

— Скажи почему ты такая грустная?

— Вот увидишь, я не буду больше такой.

Они шли, взявшись за руки, по аллее к обрыву над морем. Море синело перед ними — бескрайнее и величественное. На горизонте чернел дымок — шел пароход. Они сели на скамейку, не отрывая глаз от дымка. Сколько может быть километров до этого парохода? Сашко

говорил — пятнадцать, Галя — пять. Впрочем, такое расхождение особых споров у них не вызвало. И было спокойно и весело. Стали бросать с обрыва камешки: кто дальше. Камни падали в воду и поднимали хрустальные фонтанчики.

Возле скамейки рос молодой клен. Он был черным и голым, и только кое-где дрожали на нем сухие, желтые листочки. Один листок сорвался и, кружась, полетел с дерева. Галя подпрыгнула и поймала его на лету.

— Вот тебе,— протянула она листочек Сашку.— Давай загадаем. Потеряешь листок — я в море утону.

— Не хочу. Страшно...

— Значит, потеряешь?

— Ни за что на свете!

Домой идти не хотелось. В лиловой дали садилось солнце. Стало холоднее. Сорвался ветер, и за их спинами тревожно загудели деревья.

— Галя, знаешь, что я придумал? Давай вместе будем заниматься.

— Знаю, знаю зачем: боишься, чтобы я опять «очень плохо» не получила. Угадала?

— Вот и нет! Просто так. Разве не хорошо будет? А заниматься можно у нас. Придешь ко мне? У нас дед Савелий есть и мой брат Ивасик есть, и щегольчик.

— Какой еще щегольчик?

— Ну как, какой! Обыкновенный. В клетке. За ним Ивасик ухаживает. У Ивасика еще морские свинки есть. Рыжие и черные! И еще всякие. Придешь, Галя, а?

— А в классе смеяться не будут?

— Ну и пускай смеются! Я на них в журнале такие стихи напишу, что сразу перестанут.

Темнело. Надо было возвращаться. Да и есть уже хотелось не на шутку. Сашко спросил:

— Завтрак в школу берешь?

— Беру.

— И я беру. Пирожки с калиной и колбасу. А ты?

— И я тоже колбасу. Только медовые пряники вкуснее. А ты осиный мед ел?

— Нет, никогда!

— Хочешь — дам?

И она щипнула его за руку.

— Вот тебе осиный мед. Вкусно? Другой раз не проси!

Сашко проводил Галю до самого дома.

— До свиданья! — крикнула она с крыльца.

— До завтра!

Лиловые сумерки спускались на Слободку. С моря дул свежий ветер — «широкий».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первая попытка Олега найти клад пана Капниста

Сашко не ошибся, когда подумал о том, что в классе кто-то спрятался. За последней партой, в самом углу, лежал мальчик. Сашко не заметил его и вышел из класса. Мальчик еще долго лежал на полу под партами, пока не убедился окончательно, что в школе больше никого не осталось. Тогда он осторожно вылез из своего убежища в коридор. Это был Олег.

Минуту он стоял неподвижно, прислушиваясь. Ни звука. Значит, кроме сторожа и Кажана, в школе нет никого! Но сторож сейчас у себя в комнате, а Кажан — на втором этаже. Позже придут уборщицы, и тогда Олегу при-

дется удирать. Надо, значит, спешить, пока не поздно.

Сегодня Олег решил обследовать каморку под лестницей, ведущей на чердак. Наверное, каморка служила когда-то кладовой. На низкой двери висел ржавый замок — верный признак того, что в каморку давно уже никто не заходил. Теперь в нее, наверное, заглядывает только Кажан, но делает это лишь тогда, когда нет кругом ни души, а на дворе стоит глухая ночь.

Давно уже присматривались к замку на дверях пытливые глаза Олега. Не раз уже на переменах он изучал этот таинственный замок и даже заглядывал в щелку. Из щели пахло плесенью и пылью, и это еще больше разжигало любопытство Олега. Нет, здесь, наверное, кроется какая-то тайна! Та самая тайна, о которой упоминалось в письме к Кажану.

На первый взгляд, в письме как будто не было ничего загадочного.

«Дорогой Вячеслав Романович!

Рад, что Вы по-прежнему тверды духом и привязаны ко мне и моей семье. Берегите дачу, сад и все остальное. Ваш брат скучает по Вас и в скором времени будет у Вас в гостях. Встречайте.

Ваш К.»

Вот и все письмо! Олег сразу обратил внимание на подпись: «К». Конечно, это была начальная буква фамилии «Капнист», а упоминание про дачу и сад только подтверждало догадку.

— Вот гад! — тихо выругался, читая эти строки Олег. — Он еще надеется вернуться и забрать себе дачу! Дудки, не дожدهшься никогда!

Теперь ясно, что старый Кажан поддерживает связь со своим хозяином, живущим за границей. Как верный пес, он охраняет бывшую барскую дачу, в которой сейчас помещается школа, охраняет сад и ждет того дня, когда пан вернется. И, кроме того, Кажан охраняет еще что-то, о чем пан боялся написать более подробно и назвал в письме только двумя словами: «все остальное».

Пан недаром подчеркнул эти слова. Но что бы они могли означать? Впрочем, сметливый Олег быстро разгадал и эту загадку. Речь идет о кладе, в этом нет сомнения. Других разгадок быть не может.

Все хорошо помнят, как спешил пан Капнист со своим отъездом. В одну ночь он упаковал чемоданы и выехал с ними в город. Говорят, что он едва не опоздал на последний пароход. И старый Кажан остался на даче один.

Да, конечно же,— клад! Разве он успел захватить с собою серебряную посуду, дорогие ковры и ткани? Наверное, он взял с собою только деньги и золотые вещи. Бросил же он ценные старинные картины, которые потом переслали в город, в музей. Все понятно: те ценности, которые пан Капнист не мог вывезти с собою, он оставил на даче, поручив охранять их своему верному слуге — старому Кажану.

Тайна теперь была в руках Олега. В письме еще упоминался брат Кажана. Олег до сих пор не слышал, что у этого панского лакея был какой-то брат. Но это как раз неинтересно. Главное — это клад!

Нет, только представить себе — Олег приходит в милицию... Нет, лучше в Слободской сельсовет. Или нет. Он пойдет к директору школы, к Василию Васильевичу. Придет и скажет:

«Доброе утро, товарищ директор!»

Он обязательно поздоровается с Василием Васильевичем за руку. Тот удивится и спросит, в чем дело. И тогда Олег скажет ему:

— Василий Васильевич, на небе все спокойно! И все Юпитеры и Марсы стоят на своих местах — это вы можете проверить с помощью своего «телескопа», — а вот в нашей школе, товарищ директор, в нашей школе найден ценный клад бывшего пана Капниста.

Тут Василий Васильевич удивится еще больше и спросит, кто же именно нашел клад. И тогда Олег ответит:

— Этот клад, товарищ директор, нашел я, Олег Башмачный! Я передаю его школе, а себе прошу только одно: командировку в капитанский техникум. Я даю слово, что окончу его на «отлично»! А окончив, сейчас же пушусь в путь на ледоколе. Среди вечных льдов я проложу новые дороги! Тот, кто нашел клад пана Капниста, тот сумеет найти и новые острова и новые архипелаги, новые проливы и новые моря, новые мысы и новые бухты, новые Америки! Прощайте, товарищи, прощай, школа, прощай, Слободка, прощайте, Василий Васильевич! Не скучайте, не грустите без меня. Я вернусь героем!

Только там, в пустынной Арктике, можно стать настоящим героем!

Ох, и пожалееет же Василий Васильевич, что поставил Олегу за диктовку «плохо»! Ох, и пожалееет же вожатый, что рассказал о рисунке на парте! А как пожалееет Галя!

Какие мечты! Какие сладкие мечты! Но клад еще не найден, и Олег начнет искать его, не теряя ни одного дня. Он не остановится ни перед чем. Будет нужно, и он обыщет каждый уголок, каждый закоулок школы.

Сегодня утром, во время перемены, увидев, что Кажан вышел в сад, Олег бросился наверх, к его комнате.

Дверь была заперта. Мальчик припал к замочной скважине, но его ждало глубокое разочарование. В комнате, кроме постели, стола и дырявого кресла, не было ничего. На столе стояла тарелка с гречневой кашей, рыба и хлеб. Нет, клада здесь не было никакого. Но Кажан, конечно, не дурак, чтобы держать клад в своей комнате, где и повернуться-то трудно.

А сейчас Олег на цыпочках идет по длинному коридору. Но как ни тихо старается он ступать, ему кажется, что звуки его шагов разносятся по всей школе. Скрипят половицы, и Олег поминутно останавливается, прислушиваясь: не идет ли сторож.

Олег поднимается на второй этаж. Как тень, проскальзывает мимо комнаты Кажана и, повернув налево, останавливается у маленькой дверцы. Рядом — крутая лестница, ведущая на чердак. Темное отверстие чердака кажется пастью какого-то хищного зверя.

Олег вынимает из кармана клещи и принимается за работу. Дверь надо открыть без малейшего шума. Если дернуть хорошенько клещами, кольцо не выдержит и выскочит, а вместе с ним выскочит и замок. Громко стучит сердце. Будто игрушечный кузнец стучит там изо всех сил своим молоточком.

Звякнули, сорвавшись, клещи. Однако кольца привинчены куда крепче, чем думал Олег. Надо напрячь всю силу, чтобы расшатать хотя бы одно. Олег захватывает кольцо клещами и что есть мочи дергает к себе. Готово! Замок у него в руках. Теперь нужно только открыть дверь и войти в каморку. Олег нащупывает в кармане спички, еще раз оглядывается по сторонам и тянет к себе дверцу. Дверца открывается легко.

Мальчик очутился в темной и тесной каморке. Тяжелый запах плесени обступил его. Олег тихо закрыл за собой дверь и чиркнул спичкой. Слабый мерцающий свет, разгораясь, озарил облупленные стены и сваленный в кучу какой-то ненужный хлам. Тут громоздилось в беспорядке несколько безногих стульев, поставленных один на другой, поломанное кресло, рваный матрац с вылезавшими клочьями ваты, поднятая на дыбы полуразбитая парта. Старое перевернутое корыто прикрывало груды грязных лохмотьев, из которых торчали обрывки меха изорванного кожуха.

Олег стоял среди этого склада утильсырья и внимательно рассматривал каморку. В его сердце закрадывалось разочарование. Здесь не было ничего, похожего на клад. Ну, хоть бы какой-нибудь дряхленький сундучишко примостился в углу! Ну, хотя бы один таинственный крепко закупоренный чугунок!

Спички догорали и гасли, а Олег все стоял на одном месте, не решаясь нарушить покой этого кладбища старого хлама. Пахло цвелью, мышами, пылью и еще чем-то, чего Олег не мог определить сразу. И только усиленно втянув в себя воздух, он догадался, что пахнет жареной рыбой.

Рыбой? Это открытие удивило Олега. Откуда тут взялась жареная рыба?

Мальчик вспомнил, что только сегодня он видел жареную рыбу в комнате Кажана. Но как она могла оказаться здесь, в этой облупленной, пыльной каморке?

Впрочем, как совершенно правильно рассудил Олег, к кладу рыба никакого отношения иметь не могла, и присутствия сокровища, конечно, не означала. Разочарованный Башмачный уже хотел уходить из каморки, как вдруг зажженная напоследок спичка ярче, чем другие, осветила старую черную парту. Олег вздрогнул. На ней он увидел отпечаток человеческой руки с четырьмя пальцами. Густой слой пыли, накопившийся здесь не за один год, делал отпечаток особенно отчетливым. Рука была определено только с четырьмя пальцами! Вместо пятого, большого, на отпечатке виднелся совершенно ясно короткий, маленький обрубок.

Олег зажег новую спичку и наклонился над партой. Отпечаток был свежий. На него еще не успела сесть ни одна пылинка. Значит, кто-то был здесь совсем недавно.

Может быть, Кажан? Но у него на руках весь десяток, ни на четверть пальца меньше. Сторож? Но у него тоже все пальцы налицо! Кто же еще?

Мальчик погрузился в размышления, совсем как Робинзон, наткнувшийся на человеческий след на песке. И зачем четырехпалый незнакомец заходил сюда, в эту каморку? А может быть, за кладом, кроме Олега, охотится еще кто-то? Кто-то настойчивый и догадливый? Если Олегу удалось открыть тайну Кажана, то почему этого не мог сделать другой? И не только открыть тайну, но, может быть, и завладеть самим кладом?

Эта мысль только подстегнула мальчика. С удвоенной энергией он зачиркал спичками, оглядывая углы каморки. И вдруг новая неожиданная находка приковала его к месту. Прямо перед собой он увидел миску с недопитым молоком и рядом с ней кусок хлеба. Мальчик растерянно огляделся вокруг и, наклонившись, взял миску в руки.

Да, это молоко. Миска стояла в углу каморки, за старым тюфяком. Кто-то не допил молоко, кто-то не доел хлеб! Должно быть, неожиданный визит Олега помешал кому-то спокойно поужинать сегодня. Рядом с миской желтела старая газета. Олег дрожащими пальцами приподнял ее, и... видно, каморка заготовила ему на сегодня немало неожиданностей... под газетой стояла тарелка с рыбой!

— Рыба! — вырвалось у мальчика. Теперь для него не было уже никакого сомнения, что кто-то был в этой каморке. Уж не четырехпалый ли незнакомец? А как же замок, который висел на двери? И зачем незнакомцу нужно было приходить именно сюда? Нет, здесь что-то не так...

А не стережет ли кто-нибудь клад, кроме старика Кажана? Тот днем, а этот, неизвестный, — ночью? Мысли, одна безрассуднее другой, лезли в голову взволнованному мальчику. Сейчас он был уже совершенно уверен, что клад должен находиться в этой каморке и нигде больше. Но надо спешить. Надо действовать как можно быстрее! Если четырехпалый незнакомец неожиданно застанет его здесь, ничто не спасет Олега. Мальчик, наверное, не выйдет тогда отсюда живым!

Надо спешить. Надо скорее перебросать этот хлам. Олегу вдруг начинает казаться, что все эти груды лох-

мotiveв — только маскировка. А может быть, за продавленным креслом притаился окованный железом сундук? Клад прячут именно в таких обитых железом тяжелых сундуках. Это Олег знает точно.

Мальчик торопливо хватал безногие стулья, переворачивал матрац, передвигал с места на место кресло, отодвигал парту. Пыль столбом поднималась вверх, но клада не было. Оставалось только осмотреть кучу лохмотьев у стены. Олег поставил набок корыто и, подняв в одной руке зажженную спичку, другой потянул к себе за рукав драный козух. Козух не поддавался. Олег рванул его сильнее, и тогда...

Тогда случилось что-то неожиданное и страшное. Ледяные мурашки побежали по спине мальчика, ноги окаменели...

Груда лохмотьев зашевелилась, и из-под дырявого козуха на Олега глянуло чье-то бородатое лицо. В неверном свете догорающей спички глаза незнакомца блистали зелеными искорками.

Олег вскрикнул и опрометью бросился из каморки.

Он вихрем пронесся мимо комнаты Кажана, скатился

на первый этаж и побежал длинным коридором к выходу. Навстречу ему отворилась дверь, и из своей комнаты вышел сторож. Его, наверное, встревожил гулкий стук Олеговых сапог. И, видно, такое испуганное лицо было у мальчика, что Данилыч и сам крикнул испуганно и глухо:

— Что такое? Что случилось? Ты белый, как...

Олег схватился за сердце, пытаясь передохнуть.

— Данилыч, я... я... Там... в каморке... кто-то лежит, и... глаза горят...

— Что ты болтаешь? Кто лежит?

— Н-не знаю...

— Это в каморке под чердачной лестницей? Да она уже два года, как заперта!

— Н-не знаю... Волосатый такой... Заросший... Под кожаном...

— А ну, пойдем, посмотрим. Только ты скажи: что ты сейчас в школе делал?

— Я... того.... я тетрадь в классе забыл. Пошел за тетрадью и, того... и заглянул в каморку. А она открыта была...

— Странно, странно, хлопчик. Класс твой на первом этаже, а ты вон на втором очутился..

— Да я так... прогуляться захотелось...

Они поднялись на второй этаж. Олег остановился, а Данилыч подошел к каморке. Дверца была закрыта, хотя Олег помнил отлично, что, выскочив из каморки, оставил ее распахнутой.

— Спички есть? — спросил Данилыч.

Олег, дрожа всем телом, подошел к сторожу и протянул коробок, причем Данилыч сейчас же заворчал что-то нелестное по адресу школьников, которые курят и для этого таскают с собой спички. Но Олег его не слушал. Он напряженно ловил хотя бы какой-нибудь знак, хотя бы малейший шорох. Но в каморке за дверью царила ненарушимая тишина.

Сторож зажег спичку и вошел в каморку. Олег замер на месте, ежеминутно ожидая чего-то необычного и страшного. Он слышал, как ворчал Данилыч, перекидывая вещи.

— Никого тут, хлопчик, нету. Совсем никого,— слышался его голос.

Олег встрепенулся:

— Как нет? А под старым кожаном? В лохмотьях?

— Смотрел. Нет.

Мальчик не выдержал. Он нерешительно вошел в каморку. Данилыч держал в руках дырявый кожан. Куча лохмотьев была разбросана по сторонам.

— Ну, где ж твой домовой? — насмешливо спросил он.

— Нет, нет, не домовый. Человек был.

— Привиделось тебе.

— Привиделось? А миска с молоком? А жареная рыба?

Олег заглянул за матрац. Ни тарелки с рыбой, ни миски не было. Исчез даже кусок хлеба, лежавший возле миски.

Олег не верил своим глазам. Что это, сон? Нет, это не сон! Пять минут тому назад все это было здесь, в каморке. А в груди лохмотьев лежал страшный, волосатый незнакомец с кошачьими зелеными глазами.

У мальчика было такое растерянное и смешное выражение, что сторож не выдержал и захохотал:

— Ну-ну, и шутник ты, хлопчик! Малый, а такой шутник! Ну, где же ты видел здесь человека?

Данилыч с силой швырнул кожан в угол.

— Надо все это барахло сжечь к бесу! — сказал он. — Одно мне только непонятно: кто это кольца из двери выкрутил? Два года ведь не отпиралась каморка.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Отец и дочь остались вдвоем.

Галя остановилась у дверей. В комнату идти не хотелось. Свежий морской ветер обвевал покрасневшее лицо и трепал у самой щеки выбившийся из-под шапочки локон. Сашко уже скрылся за углом. Лиловые сумерки, сгущаясь, меняли свой цвет и оттенки. Лиловое постепенно заменялось синим, затем невидимый художник бросил на синее полотно новый мазок черной краски. Мазок расплывался, заливал далекий горизонт моря и наконец могучей смоляной рекой хлынул на притихшие улицы Слободки...

Галина дотянулась рукой до звонка и тут только за-

метила, что двери не заперты. Она вошла в переднюю. Необычная тишина в квартире поразила ее. Дрожащей рукой толкнула дверь в комнату матери — в комнате было пусто. Может быть, мать на кухне? Но Галина почему-то боится позвать ее, а вдруг она не услышит ответа. Она начинает понимать, что случилось. Ее маленькое сердце готово выскочить из груди.

— Галина! Галя!

Девочка вздрагивает. Она бросается вперед на голос отца, но ноги не слушаются ее. Галя с трудом переступает порог. Отец лежит на диване.

— Не зажигай огня,— устало говорит он.— Сядь возле меня. Вот так!

Минуто они молчат. Отец гладит шелковистые волосы дочери.

— Сегодня я делал операцию вот такой же девочке, как ты. Ее привезли из соседнего села. У нее началось заражение крови, и, если бы не операция, она бы умерла.

— А где же... где... — начинает Галя, но отец ее перебивает:

— Ты хочешь спросить о маме? Она уехала, Галя. Поехала мама...

Что-то горячее сжимает Галино горло. Ее пальцы начинают дрожать в отцовской руке. В комнату неслышно вползает лохматая темнота. Она выползает из всех углов, пытается закрыть широким рукавом синий четырехугольник окна.

— Не надо, Галя, не надо. Не грусти! Мама... мама вернется. Она обязательно вернется, доченька, ей сделают операцию, она выздоровеет.... Как ни тяжела болезнь, а наука сильнее...

Неожиданно что-то горячее капает на руку врача. Он вскакивает:

— Галя, ты плачешь! Ты плачешь, дочка?

Девочка молчит. Отец взволнованно проводит пальцами по ее лицу и мокрым щекам. Слеза за слезой тихо катится из глаз Галины.

— Ну, вот! Галя, так же нельзя. Вспомни — ты пионерка, и должна быть мужественной. Пионеры не плачут, дочка. Запомни — пионеры никогда не плачут.

Доктор достает платок и бережно вытирает лицо дочери. Он чувствует, как горячий комок сжимает горло и в сердце словно кто-то загнал острую иголку. И ста-

раясь проглотить этот непрощенный, ненужный комок и заглушить особенную боль, нарочито громко, чтоб не заметила дочка, говорит:

— Довольно, дочка. Зима скоро пройдет. Совсем не долго ждать. Пройдет половина января, потом февраль, март. А март — это уже весна! Засинеет море, дни станут теплые, ясные. И мать приедет. Обязательно приедет. Может быть, даже раньше. Ведь она даже не попрощалась с тобой. Волновать тебя не хотела. Значит, скоро приедет, обязательно приедет, я уже знаю.

Галина вспомнила, что сегодня утром, когда она собиралась в школу, мать быстрыми шагами подошла к ней и порывисто обняла. Потом посадила Галину к себе на колени, смотрела в ее лицо, целовала щеки — и все молча, без единого звука, без единого слова. А когда девочка посмотрела на мать тревожными, пытливыми глазами, еще жарче, еще сильнее стала ласкать ее мать, и тогда вырвалось у нее против воли:

— Галя, Галинка!

Она замолчала и быстро-быстро пошла к себе в комнату.

Только теперь поняла Галина, что это-то и было прощание.

Отец гладил ее по голове, стараясь успокоить. Его пугало молчание дочери. Пугали ее стиснутые губы, дрожащие руки и молчаливые, суровые слезы.

— Дочка, — снова говорил отец, — ты никогда не должна плакать. Ты не должна забывать, что у тебя есть отец, и ты своими слезами ранишь его сердце. Мне радостно, что ты лучшая пионерка и отличница. Вся твоя жизнь впереди — чудесная и счастливая. Наверно, и сегодня получила не одну «пятерку». Так ведь, дочка? Вот это настоящая радость, настоящее счастье. Дочь — отличница.

Галина перестает плакать. Сухими, горячими глазами она тупо смотрит в темноту. Как сказать отцу о своих отметках по географии и диктанту? Она понимает, что для него это будет новое горе.

И Галя чувствует себя виноватой перед отцом. Отец целый день работает. Отец спасает жизни столько людей. А она?.. Бедный папа даже и не подозревает, что дочка получила «очень плохо». «Настоящая радость — дочка отличница».

Боль от тяжелой разлуки постепенно утихает. Но именно в эту минуту Галина всем сердцем поняла полученные оценки — «очень плохо». Неужели нельзя было взять себя в руки и не думать ни о чем, кроме уроков?

...Голубоватый свет заливает комнату. Галина лежит в постели. Уроки выучены. Девочка захватила с собой «Зоологию». Нужно еще разок прочитать главу «Строение и жизнь ракообразных».

Отец в своем кабинете. Наверно, работает. Наконец покончено с ракообразными. В гостиной часы бьют десять. Еще можно почитать что-нибудь хорошее... и чтобы было грустно и красиво.

Из-под подушки девочка достает «Княжну Джаваху». Прочитала последнюю страничку, потом начало. Нет, сейчас это не годится... Вот бы хорошие стихи. Но не такие, как у Сашка. У него тоже хорошо получается, есть и смысл, и рифмы, но сейчас нужно что-то другое.

Рука тянется к столику. Галина раскрывает маленький томик Пушкина. Заглядывает в середину. «Кавказский пленник».

И долго пленник молодой
Лежал в забвении тяжелом.
Уж полдень над его главой
Пылал в сиянии веселом;
И жизни дух проснулся в нем,
Невнятный стон в устах раздался.
Согретый солнечным лучом,
Несчастный тихо приподнялся.

Незаметно бежит время. Стихи льются, как звонкий, прозрачный ручей. Встают снежные вершины гор. Утро. Над горными скалами стелется розовый туман. Орлы кружат над бездонными ущельями. Пленник смотрит на недостигаемые горные вершины.

...Прости, священная свобода!
Он раб.
За саклями лежит
Он у колючего забора.

Прочитана последняя строка. Тихо. Который час? Должно быть, уже поздно. Захваченная чтением, Галя не слышала, как били часы.

Она гасит свет. И... вдруг прислушивается. В комнате матери слышны заглушенные шаги. Уж не вернулась ли

мать? Вот она ходит из угла в угол. Вот остановилась. Вот села...

Галя встает с постели. За столом в маминой комнате сидит отец. Гале видна его широкая спина и наклоненная голова. Он не слышит скрипа дверей, не видит, как подходит к нему дочка.

Комната кажется нежилой. Голубоватый свет лампы холоден и мертв. Одиноко светлеет в углу мамина кровать. Белеет подушка, и кажется, что вот-вот глянет оттуда родное, любимое лицо. Каждая вещь здесь напоминает мать. Вот ее столик с зеркальцем, с небольшим письменным прибором. На спинке кровати еще висит забытый шелковый платок. Ее, мамин, платок. И кажется, что каждая вещь хранит в себе тонкий запах любимых маминых духов. И все же здесь холодно и пусто. Чем-то чужим веет из каждого угла комнаты, будто пришел сюда кто-то неприветливый, чужой.

— Папа!

Отец вздрагивает и быстро оборачивается к Галине.

— Зачем ты пришла сюда? Почему не спишь?

Глаза отца с красноватыми веками — это от бессонницы — горят сухим, металлическим блеском.

— Так поздно, а ты... Почему не спишь?

— Папа, а ты... Почему ты?.. Тебе пора спать...

— Спать?.. Да... да... спать...

Высокий и неловкий, он обнимает дочку и выходит с ней из комнаты.

— Ну, иди, дочка, не надо тосковать... Вот придет весна: март, апрель. Ну вот, ну вот... я же говорил, что пионеры не должны плакать... Пионеры — это...

Он не договаривает и закрывает лицо руками.

* * *

На следующее утро Галина проснулась поздно. Сразу поняла, что опоздала в школу. Проспала! Быстро оделась. На столе нашла записку от отца и ключ от квартиры. Отец писал, что сегодня вернется поздно вечером.

Галя посмотрела на часы — без четверти десять. Что делать? Она опоздала уже больше чем на час! Пока добежит до школы — еще десять минут!

В зеркале увидела себя. Под глазами синяки, глаза от слез и от позднего чтения в постели красные. Пред-

ставила себе, как встретят ее товарищи, как будут дразнить за опоздание. А что она им ответит? Что скажет преподавателям? Может, лучше сегодня совсем не ходить в школу?

Галина осталась дома. Время тянется бесконечно долго.

Девочка бродит по комнате и сама удивляется непривычному одиночеству. Как странно! Все ее товарищи в школе, и только она одна дома, и даже не больная. А может быть, она заболела? Почему такая тяжесть в руках и ногах? Почему такая слабость во всем теле?

Галя берется за книжку, но читать не может. Не хочется. Ничего не хочется. Настежь открыта дверь в мамину комнату. А мамы нет...

Отец прислал обед, но девочка почти ничего не ела. Она стояла возле окна и смотрела на улицу. Радостное восклицание вырвалось у нее из груди: на углу улицы маячил Сашко Чайка. В руках у него были связанные ремешком книжки, он стоял и смотрел прямо в окна докторского дома. Галя быстро отступила назад. Из-за штор она следила за мальчиком. Ей не хотелось, чтобы он ее видел: было стыдно, что не пошла в школу.

— Сашко! Сашко! — шепотом звала она, будто тот мог ее услышать.

Чайка медленно пошел. Что-то теплое и хорошее осталось в душе девочки. Это, верно, ее хотел видеть Сашко. Зачем бы ему стоять и смотреть на окна? Наверное, хотел узнать, почему ее сегодня не было в школе.

В передней звякнул звонок. Галина бросилась открывать и смущенно отступила. Перед ней стоял Василий Васильевич. Девочка потупилась, краска залила ее щеки. Директор застал ее на ногах. Она не в постели, она здорова и — не в школе!..

Василий Васильевич поздоровался и снял пальто. Нерешительно, будто чего-то опасаясь, вошел в гостиную. Узнал, что отец будет только поздно вечером. О матери не спросил ни слова.

Сегодня, не увидев Гали в классе, Василий Васильевич взволновался не на шутку. Он догадывался о причине ее отсутствия и волновался, сумеет ли найти такие слова, чтобы успокоить девочку?

— Вот я и пришел, Галина! — весело сказал он. — Жаль, что не увижу твоего отца. Ну, да не беда. Думаю,

что и ты меня не прогонишь. Так ведь? Ну, вот и чудесно.

Но в глазах Василия Васильевича не было никакой веселости. Галя видела в них тревожный вопрос и догадывалась, что именно беспокоит директора.

Посмотрев на Галю, Василий Васильевич сразу понял, что мать уже уехала. Но директор не хотел спрашивать об этом. Зачем волновать девочку? Он хотел найти подтверждение своей догадке. В передней быстро взглянул на одежду, висевшую на вешалке. Может быть, Галина мать вышла куда-то и скоро вернется?

Василий Васильевич увидел на стуле «Княжну Джаваху». Он взял в руки книжку и заметил, как смутилась и покраснела Галина.

— Когда-то я тоже читал книги Чарской, — просто сказал он. — Ну, а теперь — не то время. Жизнь кажется такой короткой, что не успеваешь прочитать лучших мировых писателей. Ну, а Чарская — кто же умный будет тратить дорогое время на чтение ее сладеньких произведений?

Василий Васильевич спокойно отложил в сторону «Княжну Джаваху» и словно забыл о ней. Он больше ни словом не обмолвился об этой книге.

Но решительная минута все же приближалась: Василий Васильевич посмотрел на Галину.

— Ты помнишь, Галя, наш вчерашний разговор? Ты больше не грустишь? Твоя мать...

— Она уже уехала... — прошептала девочка.

— Уехала, — повторил Василий Васильевич, будто он знал об этом раньше. — Ну, что же... с тобой остался отец, которого мы все любим и уважаем. Отцу, я уверен, тоже тяжело. Не прибавляй ему огорчений плохими отметками, Галя. А маму обязательно вылечат. И я знаю, когда она приедет, ты ее сможешь обрадовать... Знаешь чем? Покажешь свои отличные отметки. Как ей будет радостно целовать свою дочку-отличницу.

Сердце девочки сжалось. Она вспомнила, как отец сказал: «Это настоящее счастье, настоящая радость — дочь отличница».

Бедный папа, он и не знает, что у дочки есть плохие отметки!

— А кроме того, — прибавил Василий Васильевич, — ты не должна забывать своих обязанностей перед классом. Шестиклассники тебя не поблагодарят, если из-за

твоих отметок лодка пограничников (знаешь — «Буревестник») достанется другому классу. Тут уж дело чести!

— Тут уж дело чести,— про себя повторила Галя.

Директор говорил спокойно и убедительно, словно продолжая вчерашний разговор. И все было очень просто и ясно — нужно и в дальнейшем оставаться отличницей. Иначе и быть не может. Диктант, за который она получила «очень плохо»,— это тяжелый минувший сон.

Когда Гале было семь лет, она часто видела во сне противную рыжую обезьяну. Та прыгала на постель и заросшей лапой крепко зажимала рот спящей девочке: Галя дико кричала спросонок, и тогда в темноте раздавался родной успокаивающий голос.

— Я тут, дитя. Не бойся. Мама с тобой...

Мать наклонялась над ней, целовала.

— Мамочка, мне опять приснилась рыжая обезьяна...

К ней вызвали врача-специалиста, товарища отца. Он поблескивал стеклышками пенсне и говорил:

— Вот мы начнем принимать ванночки, и больше нам ничего не приснится.

Все вещи выходили у него с уменьшительными суффиксами: ванночка, градусничек, и даже противную ночную обезьяну он называл обезьянкой.

Полученные плохие отметки казались Гале сейчас похожими на эту «обезьянку».

Прощаясь с Василием Васильевичем, девочка сказала задумчиво и серьезно.

— У меня больше никогда не будет плохих отметок.

Василий Васильевич посмотрел ей в глаза и понял — Галя сказала правду.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пограничники замечают подозрительный огонек на берегу

Катер пограничной морской охраны, быстроходный и серый, похожий на щуку, отчалил от пристани и сразу исчез в темноте. Сеял мелкий, тихий дождь. Электрический фонарь на берегу боролся с темнотой, которая, казалось, сплошной стеной наплывала с моря.

Ждут нарушители границы таких темных, мрачных ночей. Это прекрасно знает весь экипаж катера, и нет в такие ночи ни одного моряка, который бы особенно остро не ощущал всей важности порученного ему дела.

Командир катера плотнее надвинул на фуражку капюшон плаща. Дождь усиливался с каждой минутой. Тяжелые тучи висели так низко, что, казалось,— их можно достать рукой прямо с мостика. Давно уже в тумане скрылась пристань. Дождь упрямо барабанил по палубе. От него, казалось, не спасет ни плащ, ни теплый бушлат.

Командир катера знал свой участок превосходно. Граница на море — это для него невидимая, но отчетливая линия, нанесенная на бурные волны, и эту линию командир ощущает так же ясно, как свои пальцы, как свой катер.

Перед выходом в море его вызвал начальник отряда.

— Товарищ Чертков,— начал он,— ночь темная, на море туман. Вы понимаете, почему я говорю об этом?

— Прекрасно понимаю, товарищ начальник!

— Случаи нарушения границы за последнее время участились. Я нисколько не сомневаюсь в вашей зоркости. Будьте внимательны, как всегда, и помните: ночь очень темна...

— Ее осветит, если будет нужно, прожектор с моего катера! — ответил Чертков.

И теперь, напряженно вглядываясь в море, командир вспоминал свой ответ начальнику отряда. У Черткова была особая тактика: он не бороздил беспрерывно моря лучами прожектора, но в нужную минуту голубоватый сноп слепящего света неожиданно врезался в ночную темноту, и нарушитель границы, застигнутый на месте, сразу понимал, что он обнаружен.

Моряки говорили, что у их командира есть какое-то внутреннее чутье присутствия врага. Но сегодня ночь так темна, что Чертков и сам не верит в свое чутье. То и дело на угрюмые волны ложится длинная дорога света. Она то уменьшается, обрываясь у самого катера, то вдруг протягивается в бесконечную даль, и тогда кажется, что конец ее уже не здесь, а где-то далеко-далеко, за горизонтом.

— Ну и ноченька! — сердится командир. — Неба от моря не отличишь.

Он не оставляет мостика. И вдруг слева замечает зеленую точку. Что за чорт! Откуда же здесь взялся маяк?

Через тьму, сквозь густой туман где-то на берегу мерцает огонек.

— Дозорный! Видите огонь?

— Не вижу, товарищ командир!

— Боюсь, что вы прозевали, товарищ Чайка!

Командир замолчал. Огонек погас. И через минуту замигал снова, далекий и едва заметный, как звезда в тумане.

— Вижу, товарищ командир! Огонь на берегу.

— Сам знаю, что на берегу. Только что-то подозрителен мне этот огонек.

— Мы сейчас находимся как раз против Слободки, товарищ командир. Может быть, это из какого-нибудь дома? На костер не похоже?

— Ну, какой там костер! Не забывайте, что сейчас глубокая ночь! Кто будет жечь огонь в такой поздний час? Да и домов отсюда почти не видно.

Не отрывая внимательных глаз от далекого огонька, командир с силой трет свежевыбритый подбородок. В этом жесте чувствуется скрытое волнение.

— Огонь зеленый, ярко-зеленый и... большой силы. Обыкновенный свет из окна не пробил бы такой темноты.

Чертков вызвал на мостик помощника. Далекая зеленая точка начала двигаться. Она описывала что-то, похожее на круги.

— Не кажется ли вам, что свет горит на каком-то высоком месте на скале, а может быть, на крыше? — спросил командир.

— Весьма возможно. Во всяком случае, это напоминает какую-то световую сигнализацию. — ответил тот.

— Мне тоже кажется, что это сигналы. Вы посмотрите: огонь не стоит на месте, он описывает круги. И им, несомненно, водит человеческая рука.

— В таком случае...

— Вы хотите сказать, что нужно ждать ответа с моря?

— Не знаю, но какие-то меры предпринять все-таки нужно.

— Это мы сейчас и сделаем. Я думаю взять курс прямо на огонь.

Чертков отдал короткую команду. Катер повернул влево. И в ту же минуту далекий огонек исчез.

— Черт! — вырвалось у командира. — Будто кто подслушал!

Немного подождали. Но огонь больше не появлялся.

— Мне тоже кажется, товарищ командир, — сказал Чайка, — что этот свет и в самом деле условный знак. Не что иное, как сигнал.

Командир задумался.

— Может быть, — сказал он. — Но водить нас за нос я никому не позволю!

Ночь прошла спокойно. Бледный рассвет раскрывал над морем свои свинцовые, мутные глаза. Далеко в тумане чернел берег.

Командир внимательно рассматривал в бинокль лежащую перед ним Слободку. Немного поодаль от поселка виднелось из-за деревьев двухэтажное здание бывшей панской дачи. Всего здания видно не было, но над верхушками деревьев ярко краснела высокая крыша и блестели окна второго этажа.

«Ничего подозрительного, — подумал командир. — Но огонь... зеленый огонь... Кто теперь разберет, где он был?»

Чертков вспоминает, как он увидел огонь, как окликнул дозорного. Он вспоминает, как спокойно мерцал сначала этот огонек сквозь туман и какие короткие круги начал он вычерчивать потом. И чем дольше думает командир катера, тем отчетливее и яснее становится, что таинственный зеленый огонь — это, конечно, сигнал. Сигнал, но кому? Уж не нарушителю ли границы, чтобы знал, куда ему плыть, где пристать без боязни? А может быть, на этом самом месте кто-то встречает врага?

В очередном рапорте начальнику отряда Чертков подробно доложил о ночном огоньке. Сначала он сомневался: стоит ли упоминать об этом? Может быть, это не представляет никакой важности? Но начальник, прочитав рапорт, вызвал командира катера к себе.

— Я придаю этому серьезнейшее значение, — сказал он. — Зеленый огонь замечали не только вы. Я должен выяснить это дело. И некоторые меры уже приняты.

На слове «меры» начальник сделал ударение, и Чертков понял, что меры эти, наверно, должны быть решительными и основательными.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Обладатель великой тайны

— Сашуня! Пора вставать, Сашуня!

Сон мигом слетает с Сашкиных ресниц. Мальчик вскакивает. На постели возле него сидит Ивасик и гладит пятнистую морскую свинку.

— Сашуня, а кто ее так раскрасил?

— Кого, Ивасик?

— Ну, вот эту свинку. Вот желтенькое, вот черное. Вот белое пятнышко. Ма-аленькое!

Сашко весело смеется. У него большая-большая радость. Такая, что и в груди не помещается, рвется наружу смехом, шуткой. И что это еще за радость? Что случилось?

— Природа их раскрашивает. Свинок и все остальное.

— А забор возле сельсовета маляр красил.

— Ну, забор не живой.

— А Леня и живое красит. Кошку сажей вымазал. Была белая — стала черная.

— Это он природе помогает, твой Леня. Все делает природа.

Ивасик представляет себе природу. Она похожа на того маляра, что красил забор, и вся обвешана ведерками. В руках кисть. Вот она идет и красит, идет и красит. И коров, и собак, и морских свинок... Если б и в самом деле была такая природа, Ивасик попросил бы ее непременно перекрасить этих свинок. Вот если бы они были синие, красные или зеленые!

И уже новый вопрос интересует Ивасика:

— Сашуня, а бабка Лукерка говорила, что не дал бог свинье рогов. А почему же он не дал? Он скупой, бог-то?

— Нет бога, — говорит, обуваясь, Сашко.

— И мама говорила, что нет. И дед Савелий. А бабка Лукерка...

— Глупая она, твоя бабка!

— Клепки в голове не хватает. Ага?

— Может, и не хватает.

— А у нашей бочки обручи тоже разошлись...

Наконец Сашко понимает, откуда пришла к нему эта радость. Он вспоминает все сразу: вчерашний день, раз-

говор с вожатым, Галину. Кленовый листочек — залог дружбы с Кукобой — лежит между страницами «Зоологии». Сердце прыгает в груди, как упругий резиновый мячик.

Ежедневные физкультурные упражнения нужно начинать, не откладывая, с сегодняшнего утра! Подожди, голубчик Башмачный, посмотрим, кто еще победит!

Сашко энергично выбрасывает в стороны руки. Пальцы крепко сжаты в кулаки. Он поднимает ноги так высоко, будто хочет достать ими до потолка. Обрадованный необычайным зрелищем, Ивасик хохочет так заливисто и звонко, что даже щегол, запертый в своей темнице, начинает громче щебетать. Сашко останавливается, чтобы вытереть со лба пот.

— Так, так,— похваливает его дед Савелий.— Настоящим рыбаком, выходит, будешь. А? Слышу, слышу. Вот подожди только: якорек тебе принесу, попрактикуешься.

Он приносит в хату старый, заржавленный якорь.

— А ну-ка, сколько раз поднимешь хоть на полметра над землей?

Оказывается — восемь раз.

— Мало,— решает дед.— Нужно двадцать восемь. Вот тогда — да!.. А? Что? Слышу, слышу. Не печалься. Каждый день поднимать надо, каждый день. А сейчас довольно, а то еще навредишь себе, пожалуй. Навредишь, говорю.

Но Сашко, кажется, и не собирается уставать. Он ставит посреди комнаты стул и, опершись на него руками, продолжает свои упражнения. Здесь-то и постигает его авария. Мальчик бежит к зеркалу. Что-то скажет Галина? На носу глубокая царапина и сорвана кожа.

— Не печалься,— снова утешает дед Савелий.— Нос что, нос ерунда, так ему и надо! Лишь бы котелок цел был. А? Какой котелок? Тот, что на плечах, говорю...

Галина в школу сегодня не пришла. Сашко был этому и рад, и не рад. Хорошо, что Галина не увидит его искаленного носа. Плохо то, что Сашко не увидит Галины. «Наверное, заболела,— решил мальчик.— После уроков обязательно пройду мимо ее дома: может, увижу хоть издали».

С Башмачным Сашко сегодня не перекинулся ни единым словом — так, будто и не существует на свете никакого Олега. «Постой, Башмачный! — думал он.— Еще

месяц-другой поупражняюсь, и тогда посмотрим, кто кого!»

Если будет нужно, Сашко готов пожертвовать для этого не только носом, но и ухом и лбом — лишь бы только стать сильным и ловким. Убедившись, что его никто не видит, мальчик энергично щупает свои мускулы. Ему кажется, что после сегодняшних упражнений они уже стали и больше и крепче.

Одна только Скворцова заметила эти Сашкины движения. Кому же и увидеть, как не Люде Скворцовой! Такие уж у нее сорочки, всевидящие глаза!

— Бедный мальчик,— подошла она сзади к Чайке,— тебя что-то кусает? Чухаешься?

Сашко смутился:

— Ну вот, такое придумала. Это я... мышцы щупаю...

— Знаю, какие мышцы. У меня, слава аллаху, никогда таких мышц не было. Я — чистюля.

— Ну и чистюля. Только тетрадь в чернилах и волосы в пуху!

Скворцова поняла, что Сашко избрал лучший метод защиты — он сам перешел в наступление — и решила лучше отступить.

— Я же тебя не трогаю,— сказала она,— чего ты пристал, как смола?

С обиженным выражением лица она отошла к подругам.

На уроке немецкого языка Сашко тайком рассматривал Башмачного. Шея у Олега толстая, мускулы тоже, должно быть, не слабые. И ростом он выше, чем Сашко. Но физкультура — это такая сила, что против нее никто не устоит. Вырастут и у Сашка мускулы, да еще какие!

Но почему Башмачный сегодня такой хмурый? Сидит, упершись глазами в книгу, хоть и видно, что вовсе не читает. Далеко-далеко его мысли. Сидит, как туча, брови сдвинул — не шелохнется. И щеки кулаками подпер. А кулаки ничего себе. И большие и, видно, твердые. Впрочем, все это чепуха! Гвоздя в доску и таким кулаком не забьешь!

В классе никто не знал, о чем думал Башмачный. А мысли у него были тревожные, беспокойные. Заросший зеленоглазый незнакомец не выходил у него из головы. Теперь Олег был уверен, что это был тот самый

четырехпалый, отпечаток чьей ладони он видел на пыльной парте.

Кто же он? Зачем он лежал в каморке, притаившись под кучей лохмотьев? Имеет ли хоть какое-нибудь отношение к кладу! Кто запер его в каморке и зачем? И как он успел так быстро скрыться вместе с остатками своего ужина?

Одно было ясно Олегу: незнакомец захватил с собой миску и тарелку с рыбой, чтобы не оставить после себя никаких следов. Верно, серьезные были у него причины, чтобы так прятаться и замечать следы.

Олег жил сейчас в мире загадок, в страшном, зачарованном мире молчаливой Тайны. За чугунными дверями, за тяжелыми замками спрятано заповедное письмо. В каменном дворце молчаливой Тайны мягко ступает по коврам немая тишина. Вековая пыль покрывает железные решетки на высоких окнах. Из тяжелых бронзовых рам смотрят строго и неотступно темные лица предков с зелеными глазами. Черный бархат на массивных дверях падает книзу тяжелыми складками.

Олега гнетет это глухое молчанье. Ему и страшно и сладко, потому что он обладатель великой Тайны. Гнетет одиночество, потому что Башмачный один в своем молчаливом каменном дворце.

Заветное письмо, письмо старого нелюдима Кажана, Олег положил в папку, найденную дома на чердаке. И эта папка хранится на самом дне Олегова сундука, доверху набитого потрепанными книжками и журналами.

Надежное место! Сундучок, как старинная гробница, никому не выдаст своей тайны. Тайнственное письмо словно было заколдовано. Олег чувствовал, что он и сам становится теперь нелюдимым кажаном, одинокой летучей мышью. Никому на свете не мог он, казалось, рассказать ни об открытой им тайне, ни о своих планах. Он не хотел делиться ни с кем. Урожай он должен собирать один, и лавры победителя должны тоже принадлежать только ему одному!

Ему, правда, было очень тяжело. Башмачный никогда не был одиночкой — он всегда любил быть среди товарищей. А теперь тайна как будто затуманила глаза и отгородила от всех толстой каменной стеной. В глубоких потемках бродил сейчас Олег. Он жил в обманчивом, страшном свете, один был свидетелем непонятных, нераз-

гаданных явлений. Но, хотя он и владел этой тайной, все же новые загадки одолевали мальчика, он не мог их разгадать и не мог от них освободиться. Все это составляло его замыкаться в себе. Постепенно и он становился нелюдимым. А настоящий нелюдим, старый Кажан, как нарочно, казалось, снова возвращался к людям. Он теперь чаще работал в саду, обрезывая сухие ветки, чаще показывался на улице и даже охотней брался помогать Данилычу в исполнении его несложных обязанностей.

Эту перемену заметили даже школьники.

— Кажан! Смотрите, Кажан из норы вылез! — перешептывались они между собой.

Данилыч, как-то встретив Олега в школьном коридоре, спросил:

— Ну что же, хлопче, не видел больше своего волосатого? То-то оно. Теперь весь хлам в каморке уничтожили, и никакой чорт не заведется. Но я все же думаю, что там кто-то был.

Олег вздрогнул. Выжидательно поглядывал на Данилыча.

— Да, да. Может быть, и не тогда, когда ты его видел, а все-таки был. Вот когда каморку очистили, я нашел там две пачки папирос. Две пачки. Среди тех лохмотьев, на которые ты показывал. Кто же принес папиросы туда...

Олег хорошо знал, чьи это были папиросы. Милый Данилыч, они принадлежали волосатому незнакомцу с зелеными глазами. Но как это доказать? Да и стоит ли? Пусть Данилыч думает, что хочет — Олегу все равно...

На уроке немецкого языка Башмачный был по-прежнему погружен в свои мысли: что же делал в каморке неизвестный?

Кто же он такой? И почему прячется? А может быть... может быть, он шпион?

Эта внезапная мысль заставила мальчика задуматься. Диверсант? Но что же делать ему тут, в школе? А разве он, Олег Башмачный, не сможет помочь разоблачить шпиона?

Вспомнился рассказ начальника заставы о нарушителе границы. А что если в каморке прятался тот самый шпион? Нет, он же убит. Начальник рассказывал, как срезали нарушителя из пулемета.

Но может быть, он только был ранен и успел добраться до берега? Ему бы только доплыть, а там уже легко спрятаться между скалами.

Да и не только между скалами...

И новая мысль пронзила Олега: «Теперь ясно, почему так испугался Кажан, услышав выстрелы на море! Вот почему он сразу бросился по тропинке, ведущей к берегу...»

Кажан... выстрелы... незнакомец в каморке...

А может быть, сам Кажан прятал волосатого и кормил его? Очевидно, этому зеленоглазому человеку нельзя днем показываться на советской земле. Возможно, он вынужден прятаться, чтобы его не поймали... Ну, конечно, не все время, а пока Кажан не достанет одежду, поддельные документы... Разве не ясно, что в каморке прятался шпион? Может быть, в эту ночь Кажан переправил его дальше, показал дорогу в город...

Теперь Олег знал, как ему поступить. Он завтра же должен рассказать обо всем учителю.

«Василий Васильевич, какое приключение со мной было! Я видел диверсанта!» А вдруг Василий Васильевич станет расспрашивать, зачем Олег полез в каморку. Да и Данилыч скажет, что все это выдумки, никого, мол, там не было. Ну, а найденные там папиросы — это еще не доказательство.

И что же получится? Узнают об этой истории школьники — на смех поднимут! Никогда не поверят они Олегу, скажут, что Олег захотел похвастать и придумал эту небывицу... Нет ничего хуже, когда смеются над тобой.

И пусть смеются. Олег знает, что он должен рассказать о знакомце. И обязательно сделает это. Пойдет к начальнику заставы и непременно захватит с собой письмо Кажана...

Но клад пана Капниста надо искать! Появление неизвестного в школьной каморке еще раз подтверждает, что таинственный клад существует.

Зеленоглазый, наверно, не появится больше в школе. Но на всякий случай нужно вооружиться. Лучше всего для этого взять молоток. Чем плохое оружие? Хорошо бы достать охотничий нож. Как бы там ни было, но искать клад Олег не перестанет.

— Башмачный! Башмачный!

Кто-то окликает его над самым ухом. Олег вскаки-

вает и смотрит вокруг непонимающими глазами. Кругом смеются товарищи. Он в классе. Перед ним стоит учительница немецкого языка Ольга Кирилловна.

— Читай дальше, Башмачный,— говорит она.— Почему ты не следишь? О чем ты думаешь? Или ты, может, спишь на уроке?

Она поворачивается к классу:

— Ребята, неужели вы думаете выйти на первое место с такими учениками, как Башмачный? Нет, должно быть, вам никогда не видать парусной лодки!

Вековая тишина страны молчаливой Тайны неожиданно нарушена. Обладатель ее смущенно хлопает глазами. Но великая Тайна живет! Никто не проникнет за каменные стены ее заколдованного двorca.

* * *

— Заходи, паренек, заходи!

Начальник заставы пропустил Олега в свой кабинет и плотно закрыл двери. Потом он показал ему на стул и сам сел за письменный стол.

Олег посмотрел на начальника, увидел его внимательные, заинтересованные глаза.

— Тебя зовут Олег Башмачный? Ну, Олег, рассказывай. По тебе вижу, что хочешь сообщить что-то интересное. Правда?

Голос его был спокойный, приветливый и еще такой... ласковый, отцовский...

Олег вынул из кармана письмо Кажана и положил на стол.

— Вот... нашел...

И он рассказал все, что знал о Кажане, каморке и неизвестном. И о жареной рыбе, и о миске с молоком, и об отпечатке с четырьмя пальцами...

Начальник слушал очень внимательно. Олег заметил, как насупились его брови и как он тер рукою лоб.

— Спасибо тебе,— сказал он.— Ты хорошо сделал, что пришел ко мне. Мне только непонятно, зачем ты лазил поздно вечером в каморку?

— Я... я искал клад пана Капниста...

— Ах, вот в чем дело! — усмехнулся начальник.— Ну, тогда желаю тебе успеха. Только с одним условием:

самые большие успехи должны быть в учебе... Так... И должен сказать, что клад, возможно, найдется!

Слово «клад» начальник заставы проговорил как-то особенно, с ударением, и при этом даже улыбнулся.

А потом продолжал:

— Когда мне было тринадцать, я тоже любил всякие тайны, пещеры, рассказы о кладах... А теперь, видишь, уже взрослый и тоже должен раскрыть одну тайну. Очень важную. Твой рассказ поможет мне...

Со спокойным сердцем возвращался Олег домой. Он вспомнил как начальник заставы улыбнулся, услышав о кладе. Но ведь он же не запретил Олегу продолжать поиски, не засмеялся, а только хорошо, по-отцовски, улыбнулся и пожелал успеха.

Да не только пожелал успеха, но и сказал, что, возможно, клад отыщется. Вот даже как!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Новые планы Олега Башмачного

Сашко Чайка выбрал удобную минуту, когда Кукоба была одна, и подошел к ней.

— Здравствуй, Галина. Я думал, ты и сегодня не придешь в школу. А вчера... я проходил мимо твоего дома.

— Я тебя видела, Сашко. Ты стоял и смотрел на окна.

— А ты даже знака не подала?

— Зачем?

— Ну, чтоб я знал, что ты меня видишь... Думаешь, я не скучал?

— И я тоже...

Сашко ладонью прикрыл свой раненый нос.

— Знаешь что? — сказал он. — Пойдем домой вместе? Хорошо?

Галя молча кивнула головой.

Перед первым уроком в класс вошел Василий Васильевич. Вошел он не так, как всегда. Во всех его движениях было необычайное оживление. Его голубые глаза блестели по-особенному. Ребята притихли и ждали с любопытством, что им скажет директор.

— Дети! Я знаю, что вы будете радоваться вместе со мной! — сказал он. — Все вы любите вашего одноклас-

сника Сашка Чайку. Все вы, верно, знаете и его мать, Марину Савельевну, бригадиря рыболовецкой артели. Она повезла рапорт в Москву. И вот сегодня...

Василий Васильевич вынул из кармана «Правду» и развернул ее.

— Сегодня в газете напечатан ее портрет и указ о награждении орденом Трудового Красного Знамени...

Все ребята, как один, повернули головы в ту сторону, где сидел Сашко. А он, красный как мак, поднялся из-за парты и стоял смущенный и в то же время счастливый и гордый — гордый за свою мать, лучшего бригадиря рыболовецкой артели.

Директор быстро подошел к Сашку, и... мальчик не успел опомниться, как Василий Васильевич взял обеими руками его голову и, наклонившись, крепко поцеловал в лоб.

— Поздравляю тебя, Чайка! — сказал он и передал смущенному школьнику газету с портретом его матери.

На переменах Сашко важно ходил по длинному коридору, окруженный ребятами, и показывал всем газету. Мальчик чувствовал себя настоящим именинником, будто не мать, а он сам получил сегодня орден.

Неожиданно подошел Олег. Ребята расступились, и он остановился перед Сашком.

— Смотрите на него! — фыркнул Олег. — Он и в самом деле думает, что он герой! Ведь не тебе же дали орден, а Марине Чайке.

— А она — моя мать! — гордо ответил Сашко.

— Ну и задавака! — засмеялся Башмачный. — Матери-то дали орден, а ты никогда ничего не получишь за свои стишки! Чего ж тебе героя разыгрывать?

Олег отошел с гордо поднятой головой. Он не мог спокойно видеть, как все поздравляют Сашку. Зависть жгла сердце. И почему не он сын героя труда, орденоносца? Олег не мог спокойно слышать слово «геройство». Он мечтал о славе, хотел быть героем.

Слова Башмачного мало повлияли на настроение Сашка. Конечно, досадно ему. Но такой уж у Олега характер — приставать ко всем. И товарищи тоже сказали: «ему досадно...»

Он искал в толпе ребят Галину. Наконец он увидел ее. Девочка сидела в уголке на скамейке. Сашко подошел к ней и сел рядом.

— Слышала, Галя?—спросил он. — Видишь, какая у меня мать! Так мне радостно, Галя! Увидишь, напишу об этом стихи. И такие будут стихи — как песня...

Он замолчал. Галина не отвечала ему. Она сидела от-
вернувшись.

— Галина! — тревожным шепотом окликнул он ее.

Девочка не шевельнулась. Тогда он бережно повер-
нул ее голову к себе.

— Галинка... Что с тобою?

По щеке Гали катилась прозрачная, дрожащая слеза.
Сашко ничего не понимал.

— Галинка, может быть, я что-нибудь сказал? — до-
пытывался он.— Что-нибудь нехорошее?..

Кукоба молча покачала головой. Нет, он не сказал
ничего плохого. Она взяла газету и посмотрела на порт-
рет его матери. С широкой газетной страницы улыбалось
лицо знатной рыбачки Марины Чайки. Она была в теп-
лом платке, концы платка закрывали ее плечи. На груди
красовался орден.

Вдруг Галя запинаясь проговорила:

— А моя... моя мама уехала...

Сашко встрепенулся.

— Куда?

Галина грустно махнула рукой.

— В город. Она заболела... Тяжело заболела. Я теперь
без матери...

Мальчик притих. У Галины большое горе. Ее мать по-
ехала в город, ей нужно лечиться. А Галя так пережи-
вает и волнуется... Она, наверное, думает, что с матерью
может случиться несчастье.

— Операция может не помочь,— проговорила девоч-
ка,— и тогда...

Она не досказала, но Сашко все понял...

Ему стало невыносимо жалко Галю и стыдно за себя.
Ведь он только что показывал ей портрет матери, смеял-
ся, а у нее такое горе. Как же утешить ее?

На Галиных ресницах задрожали слезы, она про-
шептала:

— Наверное, я ее больше никогда не увижу...

А в это время в другом конце коридора сидел задумав-
шийся Олег Башмачный. И чего он, в самом деле, при-
цепился к Сашку? Тот зубрила? Ну и пусть! Зазнайка?
Ну и что же! А может быть, он и не зазнайка. Пишет

стихи — так это его дело. У каждого свой путь. Чайка хочет стать поэтом, а он, Олег Башмачный, капитаном ледокола и героем Арктики. Сашка Чайку можно только пожалеть: ведь он никогда не узнает о чудесном кладе и не станет героем.

Нет, Олег не был испорченным и злым мальчиком. Наоборот, у него часто появляется вот такое добродушное настроение, вроде как сейчас. Одно лишь выводит его порой из равновесия — неотступная мысль прославиться. Когда же на этом пути у него появляется интересное решение, он становится даже ласковым. Вот и сейчас он решил очень важную задачу и на радостях готов был обнять даже Сашка, над которым только что смеялся. Ему захотелось сделать что-то хорошее, сказать кому-нибудь ласковое слово. Мимо проходит карапуз — должно быть, из первого класса.

— Эй, малыш, как звать? — спрашивает Олег.

Карапуз останавливается, смотрит на незнакомого верзилу (Олег кажется ему, наверное, не меньше каланчи) и цедит сквозь зубы:

— Кирюха. А по отчеству Федорович.

— Кирюха Федорович, значит? Вот что, Кирюха: хочешь пуговичку? Хорошую пуговицу, железную. А резинку — чернила стирать? А наконечник для карандаша? А пробку для пугача?

Кирюха Федорович после каждого вопроса утвердительно кивает головой. Но в глазах его ясно светится недоверие к этому незнакомому старшекласснику, который или шутит с ним, или даже замышляет какой-нибудь подвох.

Малыш; наверное, уже удрал бы куда глаза глядят, но бежать тоже страшно: у этого хлопца такие длинные ноги, что от него и не убежишь. Малыш решает стоять смирно и послушно отвечать на все вопросы, но, когда Олег вручает ему все четыре вещи, недоверие сменяется самой бурной радостью. Малыш берет и пуговицу, и резинку, и наконечник и уж, конечно, не может отказаться от пробки для пугача.

Кирюха Федорович, пораженный и подавленный таким богатством, немеет от восторга. Он даже забывает поблагодарить своего благодетеля и стрелой мчится в класс, чтобы похвастаться неожиданным счастьем. Олег смотрит ему вслед и весело смеется.

Задача, которую решал Олег, сводилась к следующему — где дальше искать клад? В каморке его нет, и кроме незнакомца, там нет ничего интересного. Да и неизвестный где-то пропал. Не будет же он оставаться в школе, где его убежище открыто, и ему грозит арест. Провалился — и дал стрекача!

Вчера после уроков Олег обследовал школьный подвал. Он незаметно пробрался туда из сада через разбитое окно. В подвале было холодно, в одном углу лежала куча картошки, а в другом битое стекло, кирпичи. Олег внимательно ощупал все стены в поисках тайника. Ничего подозрительного. Нет, это место не подходит для клада. Закопать тут, к примеру, ковер, так он через месяц сгниет. Нет, не в земле надо искать клад пана Капниста. Не в подвалах.

Но где же?

Может быть, есть еще в школе какие-нибудь потайные каморки с узкими дверцами? Или ниша, и в ней — тяжелые железные двери, а за ними...

Непреодолимое любопытство тянуло Олега к узким дверям каморки, где он увидел неизвестного. Башмачный выбрал удобную минуту и пошел на второй этаж. Замка на двери не было. Олег слегка потянул ее к себе, дверь отворилась, и мальчик осторожно заглянул внутрь. Каморка и в самом деле пуста. В ней осталась только поломанная парта. Олег хотел уже возвращаться назад, как неожиданно его взгляд остановился на лестнице, ведущей на чердак.

Олег даже вздрогнул. Чердак! Вход туда напоминает раскрытую пасть чудовища, поджидающего здесь свою жертву. Страшновато, но капитаны арктических ледоколов умеют побеждать все страхи на земле.

Чердак!

И почему он не подумал о нем раньше? Ну, где же быть кладу пана Капниста, как не на чердаке! Сухой воздух, темнота, укромные углы... Никому и в голову не придет искать клад там.

Олег убежден, что он близок к цели. Нужно только поздно вечером пробраться в школу и по лестнице подняться на чердак. Легонький холодок пробегает у мальчика по спине при одной этой мысли, но отступать нельзя. Лишь смельчаки добывают клады, а трусы сидят на печке и только оближаются, поглядывая на героев.

Жаль, что этого нельзя сделать сегодня же. Но действовать надо обдуманно: следует разработать подробный план поисков, вооружиться, подумать об освещении. Спички не годятся, это уже доказано: они слишком часто гаснут и не дают даже оглядеться как следует. Надо взять фонарик. Это нетрудно — у отца есть подходящий. Оружие? Ну, здесь можно будет захватить молоток и нож, которым отец чистит рыбу. Отменный нож.

Мысль о волосатом незнакомце не покидала Олега.

Вспомнился ему и Кажан. А что, если правда, как говорят в Слободке, тот по ночам вылезает на чердак и перекликается с сычами? Веселая может быть у Олега встреча! Конечно, все это глупости, все это выдумки бабки Лукерки, слободской сороки, не верит Олег этим слухам, а вот все же приходят они почему-то в голову. Такие уж это назойливые, надоедливые слухи!

Но настроение у Олега все же приподнятое. Главное решено, место клада открыто! А то, как его достать, это уж дело второстепенное. Час Олеговой победы приближается.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Научная статья Омелька Нагорного и стихи Сашка Чайки

Объявляя на собрании о выпуске журнала, Сашко Чайка не ожидал таких блестящих результатов. Действительность превзошла все надежды редактора. Уже на другой день к нему начали поступать статьи, стихи, повести и даже романы. Приходили из других классов и спрашивали, можно ли сдавать материал. Для решения этого вопроса пришлось срочно созывать редколлегия. Три члена редколлегии заседали в конце коридора на большой переменке с десяти часов утра до десяти часов пятнадцати минут и решили, что материал следует принимать от всех, но печатать нужно только лучшее.

Роман принес Яша Дереза. Его произведение заняло целых двадцать четыре страницы. Дереза говорил, что он мог бы писать и дальше, да пожалел бумагу — и так на это пошла целая тетрадка! Пришлось на последней странице спешно распротиться с героями и поставить точку.

Роман назывался «Новая сила». Это было научно-фантастическое произведение, посвященное новому замечательному открытию. Дереза рассказывал в романе о советском изобретателе, который, по словам автора, решил использовать стихийную силу движения Земли вокруг оси и придумал аппарат, воспринимающий это движение. Приспособление называлось земнотурбиной, и все заводы и фабрики получали от нее движущую силу.

Роман был принят, и его решили печатать в нескольких номерах, с продолжением.

Трудно пришлось редактору с Омельком Нагорным. Обещание свое он выполнил и статью научную написал. По его словам, это была такая интересная статья, что и на свете такой больше не было. Пользуясь правом члена редколлегии, Омелько добивался безусловного помещения своей статьи, против чего возмущал Сашко Чайка. Уж очень необычайной была статья, да и называлась она необыкновенно: «Тайна гипноза». Начиная от названия и кончая последней строкой, это произведение пыталось объяснить таинственную силу, исходящую из глаз гипнотизера.

— Это выдумки бабки Лукерки,— сердился Сашко.— Никакой таинственной силы ни в каких глазах я не видел!

Маленький и черненький, как жучок, Омелько страстно защищал статью:

— А разве наука знает все? Разве, например, она знает, кто живет на других планетах? Нет, не знает! Вот! И много чего не знает! А гипнотизм — это уже сама наука открыла. А ты, если не знаешь, так молчи. А еще — редактор! Вот возьму и загипнотизирую, тогда узнаешь! Я сам читал такую книжку — про гипноз!

Сашко даже растерялся перед таким решительным наступлением и только что-то неразборчиво буркнул о планетах. Сатурны и Юпитеры — это, мол, одно дело, а гипноз и его тайна — совсем другое.

Но на помощь Чайке неожиданно подоспел Яша Дереза.

— Я тоже против помещения этой статьи,— твердо заявил он.— Какая там таинственная сила! Глупости, и больше ничего. Вот мой роман тоже про новую силу, да вдобавок еще и фантастический; однако смотри, там же все по-научному. Да и о том, что Земля вертится,

вы тоже все хорошо знаете, а о твоей таинственной силе никто ничего и не слышал! Я тебе просто в глаза скажу: это опять твоя «таинственная лига», вот и все!

— Сам ты лига! — вспыхнул Омелько. — Не даете вы ходу большим мыслям! У меня здесь новая идея, а вы их боитесь! Тоже лига! Лига трусов, вот вы кто!

— Идеишник какой нашелся! А тайн твоих нам не нужно! — отрезал Сашко, которому уже надоела эта перебранка. — Я голосую за науку, а ты, если не согласен, неси статью Василию Васильевичу и скажи потом, кто из нас прав.

На этом и порешили, и статья о «тайне гипноза» перешла на утверждение в «высшую инстанцию». Радость за мать, награжденную орденом, на некоторое время отодвинула заботы Сашка о журнале.

Дома у Сашка все уже было известно. К деду Савелию заходили старые товарищи, рыбаки, поздравить старика с высокой наградой, полученной его дочерью.

Дед Савелий с гордостью жал протянутые руки, расчесывал пятернею свою седую бороду и старался помолодецки выпятить грудь. Ему казалось, что он сейчас сам помолодел лет на двадцать и что вид у него самый бравый. С такими же, как он, дедами старик пустился

в воспоминания о давно минувших годах и опасном рыбацком промысле.

— А помнишь, Гурий, как захватила нас буря в... Вот и не помню, в каком году...

Дед Гурий старался помочь ему. Деду Гурию казалось, что это было в тысяча восемьсот девяносто пятом году, с чем дед Савелий дружелюбно не соглашался:

— Может, в девяносто пятом, а может, и в девяностом... Разве запомнишь?

В щепки разбило тогда шаланду, и рыбаки целую ночь носились по волнам, уцепившись за обломки. Под утро их спас корабль.

— А? Знаю! — восклицал дед Савелий. — Разве мало их было, штормов и бурь? Смерти в глаза смотрели не раз... А жили как — на одной ухе...

— Орденов нам за нашу тяжелую работу не давали, — хмурил свои лохматые брови дед Гурий.

И старики снова и снова склоняются над газетой, снова смотрят на портрет Марины Чайки и говорят:

— Молодость и пролетарская власть!.. Орден!

Мать приезжает послезавтра, и у Сашка есть еще достаточно времени, чтобы подумать о подарке. Но дело в том, что мальчик и сам еще не знает хорошо, что он подарит матери. А встретить мать без подарка он не может. Даже дед Савелий — и тот хочет что-то подарить своей дочери.

У Сашка возникает счастливая мысль. Что, если он напишет матери стихи? И назовет их так: «Встреча с моей матерью». Великолепно!

Покончив с уроками, Сашко полез на печь. Был поздний вечер. Дед Савелий в очках, связанных ниточкой, плел сети. Ивась уже лежал в постели. На печи было темно, угол стены заслонял свет лампы, и только в маленькое круглое оконце украдкой заглядывала луна.

Хата Чаек построена давным-давно каким-то их родичем с Полтавщины, и это кругленькое оконце, через которое можно смотреть на улицу прямо с печи, — его выдумка. Луна протянула на лежанку тонкий, как паутина, серебряный лучик — на дворе светло, хотя и дует холодный ветер, — и Сашку приятно лежать на теплой печи.

Ветер гудит в трубе, мальчик прислушивается к его завыванию и думает, думает. Милое лицо матери нахло-

няется над ним и уже плывут первые слова, первые строки только что рожденных стихов:

О мама, вновь твое лицо
Смеется нежно мне...

Буйная радость захлестывает мальчика. Слова, образы, сравнения полноводной рекой обрушились на него... Губы беззвучно шепчут стихотворение, которое рождается и звенит, как тоненькая паутинка лунного света.

О мама, вновь твое лицо...

А в трубе гудит ветер, луна, похожая на маленькую тарелочку, засматривает в оконце. И дед Савелий сидит, согнувшись на лавке, и плетет сети, плетет и шуршит, как мышь. И зимний вечер над морем кажется длинным, как бесконечная дедова нитка.

Первый порыв радости проходит быстро. Теперь Сашко уже старательно подбирает слова. Он примеряет их к размеру, прилежно ищет рифму, чтобы была она и звучной, и звенящей, как лунная золотая струна. Куплет за куплетом складывается в голове, и Сашко запоминает каждое слово, каждую рифму. Он потом все запишет карандашом в своей тетради, в той самой тетради, на обложке которой нарисовано море и скала, на скале сидит чайка, заходит солнце, и белая чайка розовеет, как луч. А внизу — надпись: «Стихи Александра Чайки, ученика шестого класса Слободской школы».

И только тогда, когда луна уже спряталась где-то за углом соседнего дома, Сашко кончил наконец свои стихи. Сначала он повторил их несколько раз шепотом про себя, а потом слез с печи, достал тетрадь и чернила и сел за стол. Дед Савелий удивленно поднял голову:

— До сих пор не спишь? А? Полуночники, говорю, полуночники! Вот приедет Марина — пожалуюсь...

— Да вы тоже, дедушка, не спите.

— А? Со мной равняться нечего. Паруса поставить не можешь, камбалы поймать не умеешь, а со мной на одну доску становишься. А? Слышу... слышу. Все вы такие. Я при своем деде бывало и пикнуть боялся...

Длинные сети шуршали по полу, извивались по хате, как громадный хвост какого-то морского зверя. Сашко быстро записал стихи и полез на печь. И в самом деле, уже поздно, пора спать — завтра рано вставать: надо

будет еще утром повторить уроки на свежую голову. И, уже засыпая, вспомнил Галину, свой разговор с ней, прислушался к шуму моря.

— Дедушка,— полусонно спросил Сашко с печи,— тебе море не надоело?

— Море? Ну, что ты скажешь — такое придумал? А? Слышу, слышу... Нет, море не может наскучить. Живое же оно, всегда живет и... дышит... радуется. И сердится, сердится... полуночник.

«А Галина мама, может, уже никогда-никогда не увидит больше моря»,— подумал мальчик.

И последняя мысль была, что сегодняшних стихов Гале он читать не станет. Очень ей тяжело будет свою мать вспоминать, а от этих стихов она вспомнит, непременно вспомнит...

И в тот самый поздний вечер, когда дед Савелий плел сеть, а Сашко сочинял стихи к приезду матери, в тот самый поздний вечер, когда над морем и Слободкою светила луна и гудел ветер, в тот вечер младший из Чаек, семилетний Ивасик, не мог заснуть тоже долго. Сегодня днем, вернувшись из школы, Сашко сказал ему:

— Вот, Ивасик, придет мать, а тебе и подарить ей нечего. Вот ты какой! Выходит, я маму больше твоего люблю.

— Нет, я! — вспыхнул Ивасик.— Я больше!

— Тогда давай так,— предложил Сашко,— кто prepares маме лучший подарок, тот больше ее и любит.

Ивасик согласился, и теперь его мучила мысль о подарке. Сашко, конечно, и не думал об уговоре с младшим братом. Он попросту забыл о нем. Кто же может сомневаться в том, что победит он, Сашко? Что может подарить Ивасик лучше его, Сашковых, стихов? Напишет Сашко матери стихи — вот и победа! А ну, пускай Ивасик попробует написать такие стихи!

Ивасик лежал на своей постели, повернувшись лицом к стене. Он делал вид, что спит. Он даже зажмурил глаза и старался не ворочаться. Так никто не помешает ему думать, и дед Савелий не будет бранить «полуночником».

На стене от каждого движения деда прыгают причудливые тени: одни из них похожи на медведя, другие на громадную морскую свинку, кое-какие смахивают на акулу, которой никогда еще не видел Ивасик, но слышал о ней много диковинных рассказов... Впрочем, разгля-

дивать все это было очень неудобно, так как дед Савелий мог увидеть, что внук не спит, а время уже позднее.

Дед плел сети и время от времени, забывая, что может разбудить Ивасика, начинал мурлыкать какую-то песенку. Он пел так тихо, даже слов нельзя было разобрать, но это, наверное, была какая-то старинная рыбацкая песня о зеленых волнах и яростных бурях. Мурлыкал ее дед и вспоминал молодость и жизнь, соленую от морской воды и широких ветров.

Ивасик никак не мог придумать, что же он подарит матери? Подарков будет много — подарит что-нибудь и Сашко, и дед Савелий, да и дед Гурий не поскупится сделать подарок лучшему бригадиру рыбаков. Приходили сегодня и мамы подружки; они говорили, что готовят какие-то подарки. Но подарок Ивасика должен быть лучше всех!

Сначала Ивасик хотел подарить матери ящерицу, чудесную зеленую ящерицу с черненькими, как бисеринки, глазками. Но беда в том, что сейчас зима и ящерица еще спит, зарывшись в песок. А сонные они неинтересные, вялые. Может, подарить морскую свинку? Нет, нельзя и свинку: Ивасик помнит, как мать когда-то сказала, что свинка — точь-в-точь, как крыса. А крыс мать терпеть не может!

Ивасик приходит к мужественному решению подарить матери самое драгоценное сокровище — любимого своего щегольчика.

Это было действительно мужественное решение, так как у Ивасика навертывались слезы от одной только мысли отдать кому-нибудь певчую птичку. Но для матери не жаль ничего. Его мать побывала в Кремле, его мать работает лучше всех рыбаков Слободки, и это говорят все: и дед Савелий, и дед Гурий, и все-все...

Много хороших и смелых рыбаков в Слободке, но нет таких, как Марина Чайка! Недаром же в Москве дали маме орден.

Об этом сегодня читали в газетах, а Ивасик слушал, и так ему было весело, что хотелось соскочить с места, крепко-крепко обнять деда Савелия, поцеловать его прямо в седую бороду, а потом побежать и поцеловать и морских свинок, и щегла, и всех на свете...

Конечно, подарок Ивасика будет самым лучшим: никто ведь не подарит маме такого чудесного щегольчика!

Какие у него перышки — и желтые, и красные, и черные, — а как хорошо умеет он петь! А кроме птицы и клетки, подарит Ивасик еще и глиняного петушка. Такой он смешной и интересный, а сбоку у него дырочка, и, если дунуть в нее, петушок засвистит громко-громко!

Нет, ни Сашко, ни дед Гурий ни за что на свете не догадаются подарить матери щегла или глиняного петушка. Все это подарит ей он, Ивасик. Он ничего не пожалеет для матери, и это будет, конечно, самый лучший подарок. Ну, Сашуня, посмотрим, кто больше любит свою мать!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Белое привидение и три черные фигуры

Жизнь в семье Кукобы вошла в свою новую колею. Небольшая это была теперь семья: отец да дочь — двое их, да еще бабуся, какая-то дальняя родственница доктора, наводившая сейчас порядок в опустевшем доме.

Время шло, и Галина понемногу начинала привыкать к жизни без матери. Когда ей становилось особенно грустно, она старалась уйти в книги, в занятия и теперь никогда не получала отметок ниже «отлично». Дважды в пятидневку ходила в школу на репетиции. Школьный драмкружок ставил пьесу из пионерской жизни, где она играла главную роль.

После отъезда матери Галя сильнее привязалась к отцу. Теперь их связывала самая тесная дружба. Гале было приятно, что отец обращается с нею, как со взрослой, во многом советуется. Вернувшись из больницы, он рассказывал ей о самых сложных операциях, которые ему приходилось делать. Увлечшись, отец пересыпал свою речь медицинскими названиями и тут же объяснял их, раскрывая перед дочерью весь сложный процесс операции.

Девочка внимательно слушала, стараясь все понять. И это было не трудно, так как отец говорил просто, приводил примеры, доставал из своего чемоданчика врачебные инструменты. Вначале Гале было немножко страшно смотреть на скальпель, на блестящие зажимы, похожие на ножницы. Их хирург накладывает на перерезанные

вены, чтобы остановить кровотечение. Сперва ее пугали крючки с четырьмя зубцами и металлические лопатки, которые врач вводит в глубокую рану. Раньше отец никогда не показывал инструментов, и теперь они волновали девочку. Но любопытство побеждало и Галя привыкла и к инструментам, и к отцовским рассказам.

— Надо, Галинка, с малых лет,— говорил отец,— научиться смотреть на жизнь широко раскрытыми глазами, чтобы видеть все таким, каким оно есть на самом деле. И эти крючки, и острый, как бритва, скальпель помогают спасти человеческую жизнь, побеждают смерть. Ты не представляешь себе, дочка, сколько бы было трагедий и погибло людей, если бы не было хирургов, ученых, не боящихся ни крови, ни страшных ран на теле человека. А какая радость охватывает меня, когда я вот этим скальпелем отвоевываю у смерти человеческую жизнь! Такая радость, наверно, знакома победителю. Мне кажется, и тебе она знакома. Ведь ты же отличница в учебе, а это тоже нужно завоевать. Это тоже— победа, и ты — победитель...

Мало было у отца свободного времени, но все же иногда они вместе ходили к морю. Подолгу стояли на скале, смотрели на далекий горизонт с дымками пароходов, и каждому становилось тогда спокойно и чуть-чуть печально на сердце.

И почему приходит эта легкая печаль, когда стоит человек на скале в лиловатом свете сумерек и смотрит молча на далекий морской горизонт? Может, грустит тогда он о безбрежных просторах, о недосягаемых мирах. И кажется, что даже чайки кричат по-вечернему устало и печально.

Но Галина не умела долго молчать. Она хватала отца за рукав, и они сбежали с обрыва вниз, к самому морю, где у их ног ложились послушные волны.

Галя смеялась, весело рассказывала о своих школьных делах, но о матери ни отец, ни дочь не говорили, словно был между ними какой-то молчаливый уговор.

* * *

Василий Васильевич прочел статью Нагорного о гипнотизме и только руками развел. Ну и Нагорный! Прочел где-нибудь, а может, и услышал о научных основах

гипноза и сейчас же сделал из этого тайну черной магии. Ну-ну, маг-чародей! Придется еще поговорить с тобою — и в который раз!

В своем «научном произведении» Омелько доказывал, что гипноз — это таинственная сила, недавно открытая наукой. Подобной силой обладают люди с черными волосами и такими же глазами. Они, утверждал Омелько, могут на расстоянии десятков километров передавать молча свои мысли другим, и те покорно будут выполнять их волю.

Много еще небылиц было в этой статье. Конечно, лучше всего было бы сделать из нее бумажного змея. Чудесный вышел бы змей — бумагу Омелько достал плотную, словно боясь, что странички из обычной школьной тетради не выдержат всех глупостей, изложенных на трех страницах.

Но Василий Васильевич уже вышел из того возраста, когда бегают с бумажным змеем, и потому статью Омелька он бережно спрятал в свой портфель.

Весь класс с нетерпением ждал выхода журнала в свет. Возле дверей школы Сашко повесил объявление:

В Н И М А Н И Е!

Готовится первый номер журнала «Отличник»,
издаваемого шестым классом.

Сдавайте материал!

Редколлегия

Материал принимали и из других классов, и таким образом само собой выходило, что «Отличник» должен стать общешкольным журналом. Правда, у шестиклассников нашлось много «патриотов» своего класса. Они доказывали, что редколлегия делает ошибку и что ни в коем случае нельзя помещать в журнале произведения учеников других классов. Эти «патриоты» притихли, когда в спор вмешался Василий Васильевич и объяснил, что чем больше у журнала сотрудников, тем интереснее и популярнее будет он. А честь инициативы и издателей все равно остается за шестым классом.

В портфеле редакции в числе других материалов были рассказы и стихи двух учеников седьмого класса. Вскоре один из них, высокий и насмешливый Чабанчук, известный в школе шахматист, пришел к Сашку с просьбой вернуть ему его произведения.

— Не хочу печататься в вашем журнале,— заявил Чабанчук.— Почему? Очень просто — направление не подходит. Василий Васильевич говорил, что у вас комбинато-капаблано-траекторно-гиперболическое направление, а мой рассказ написан в шахо-мато-гамбитном духе. Тебе, Чайка, как редактору должно быть известно, что это два совершенно противоположных литературных направления и примирить их невозможно, разве только применить ньюто-туро-ферзевую систему. Понял?

Он говорил совершенно серьезно. Близорукий, он носил очки, и вид у него был чрезвычайно важный. Поглядев на ошеломленного Сашку, Чабанчук вежливо извинился:

— Ой, извини, пожалуйста! Я забыл, что в шестом классе этого еще не проходили. Эти направления изучают только в седьмом классе...

Он взял свою рукопись, поблагодарил Сашку и со всей серьезностью, какая может быть свойственна только ученикам седьмого класса, пошел на урок.

Сначала Сашко был просто подавлен этими сложнейшими литературными направлениями, названия которых тяжело даже выговорить и которые проходят в седьмом классе. И только когда Чабанчук исчез, мальчик догадался, что семиклассник просто посмеялся над ним. Конечно, это был просто бессмысленный набор слов. «Ну, подожди! — пообещал Сашко.— Я тебе этого не прощу. Посмеемся и над тобой, задавакой!»

Вскоре забрал свои стихи и другой семиклассник — сильный и неповоротливый парень, похожий на медведя, и фамилия у него была какой-то медвежьей — Логво-Кошеватый. Он не говорил ни о каких направлениях, а коротко буркнул:

— Давай стихи!

Сашко ничего не понимал. Но скоро все выяснилось. В одно прекрасное утро рядом с объявлением «Отличника» появился большой плакат такого содержания:

О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

Готовится к печати большой литературный альманах учеников седьмого класса Слободской школы под названием «Широкий путь».

Просим сдавать материалы Чабанчуку.

Редколлегия

Редакция «Отличника» срочно созвала чрезвычайное собрание. Повестка дня была весьма краткой. На ней стоял только один вопрос: что делать, чтобы не подкачать и чтобы «Отличник» был лучше, чем «Широкий путь».

Прения этого исторического заседания, к сожалению, не были записаны нигде, но они имели громадное значение, так как с этого времени издание журнала было поднято действительно на должную высоту.

Прежде всего решено было сделать «Отличник» богато иллюстрированным журналом. Степа Музыченко, лучший художник класса, взялся нарисовать обложку. Он работал над ней целых три дня, но обложка вышла и вправду замечательной. Он изобразил двух учеников, идущих в школу. Вдали синее море. Над ним летают чайки, и где-то на горизонте белеет парус. Другой художник, Петя Чупрун, и вожатый делали рисунки к тексту.

Следующим решением редколлегии было просить педагогов принять активное участие в журнале. Первой откликнулась на эту просьбу Евгения Самойловна. Она дала для журнала воспоминания о своем детстве. Это были хорошие и очень грустные воспоминания. Евгения Самойловна — дочка шахтера — сильно бедствовала в детстве. В доме часто не бывало ни крошки хлеба. Но еще тяжелее пришлось маленькой девочке, когда отца за организацию забастовки забрала полиция. А учительницей Евгения Самойловна стала уже при советской власти.

Что же касается Василия Васильевича, то его и просить не нужно было. Он охотно написал для журнала коротенькую статью о планетах. Очень хвастались потом шестиклассники: в их журнале сотрудничает сам директор школы!

Сашко Чайка придумал, как отплатить дерзкому насмешнику Чабанчуку. У «чемпиона по шахматам», как величал себя Чабанчук, он скромно попросил биографию Собакевича.

— Собакевича? Какого это Собакевича? — удивился Чабанчук.

— Известно, какого, — скромно ответил Сашко. — То-го, что учил Лермонтова стихи писать. Поэта Собакевича.

— Собакевича? Поэта? — переспросил Чабанчук.

Что-то я того... Ага! Знаю, знаю. Собакевич! Как же! Еще и портрет его видел в какой-то книжке.

— Василий Васильевич говорит,— спокойно продолжал Сашко,— что в «Отличнике» надо поместить биографию этого поэта, учителя Лермонтова. Скоро сто лет со дня его смерти. Разве у вас еще не проходили его биографию?

— Как не проходили? Конечно, проходили. Правильно, умер почти сто лет тому назад. У нас, в седьмом классе, это уже изучали. Но биографии его тебе дать не могу. Самому нужна для «Широкого пути».

Сашка душил смех.

Чабанчук немедленно отправился в школьную библиотеку. Следом за ним туда же поспешили товарищи Сашка, которым тот еще раньше рассказал о своей выдумке.

— Нет ли у вас биографии Собакевича? — спросил Чабанчук.

— Какого Собакевича? — удивился Лука Константинович, преподаватель литературы и библиотекарь.

— Ну, того, известного поэта, который еще Лермонтова учил стихи писать.

Лука Константинович развел руками:

— Что ты выдумываешь? Такого поэта и не было никогда! Собакевич — это известный персонаж из «Мертвых душ» Гоголя. Ты, значит, и Гоголя не читал...

Неудержимый смех раздался в эту минуту за спиной Чабанчука. Хохотали шестиклассники, а больше всех Сашко Чайка, тоже пришедший в это время в библиотеку.

Чабанчук понял все. Красный и злой, он выскочил из комнаты. Не скоро забыли это происшествие школьники. Случай стал известен всей школе, и к фамилии Чабанчука ребята прибавили еще прозвище «Собакевич».

Время шло весело, и только один Олег Башмачный, казалось, не интересовался школьной жизнью. Он сторонился своих товарищей и ходил теперь задумчивый как никогда раньше. Его не интересовал даже журнал. Не повлияло и то, что чванливый Чабанчук получил теперь такое почетное добавление к своей фамилии.

Вяло отвечал Олег на уроках, и хотя «плохо» больше после диктанта не получал, но окончательно съехал на «посредственно» по всем предметам. Ни одного «отлично» или «хорошо» не стояло ни в тетради, ни в журнале против его фамилии.

Казалось, что школьная жизнь проходила мимо Олега, совсем не волнуя его.

Сегодня на большой перемене Башмачный увидел, как в физкультурном зале Омелько Нагорный что-то горячо шептал Степе Музыченко и Яше Дерезе. При приближении кого-нибудь из ребят Омелько сразу замолкал, точно боялся, что кто-либо услышит его слова. Увидя Олега, Нагорный поманил его пальцем. Башмачный равнодушно махнул рукой и вышел в коридор.

— А что я тебе скажу! — крикнул ему вдогонку Омелько. — Очень интересно! Пожалеешь!

Но Башмачный даже не обернулся. Его ничто не интересовало, кроме собственных мыслей. Он решил забраться на школьный чердак сегодня вечером. Олег был уверен, что теперь он непременно отыщет клад пана Капниста.

Мальчик уже выработал подробнейший план похода и даже спрятал в надежном месте оружие — большой нож и молоток — на случай неожиданной встречи с незнакомцем.

Вечером, когда уже совсем стемнело, Олег вышел из дому. За поясом, под кожаным ремнем, у него был заткнут нож, а из кармана штанов торчала ручка молотка. В другом кармане лежали клещи, на случай, если встретится замок, который будет мешать поискам кладов.

С Главной улицы через каменную ограду видно злое, черное море. А над ним по чистому небу плывет полная луна. Она еще бледная, словно прозрачная, но на море уже виднеется серебряная лунная дорожка. И вокруг нее волны кажутся еще более страшными и темными.

Олег шел, нахмурившись и насупив брови. Ведь все таинственные дела, вроде поисков кладов, совершают люди с такими нахмуренными бровями, что глаза у этих таинственных мрачных людей блестят, как узенькие щелки.

Одним словом — обстановка требовала и мрачности, и таинственности. Это чувствовалось не только во всей фигуре Олега, но и в окружающей природе. И если бы не ясная луна — все бы было в порядке, как и нужно в такие необычные минуты.

Входить через калитку Олег не захотел. Где вы видели, чтобы искатели кладов ходили по обыкновенным

дорожкам? Олег перелез через забор. Черный школьный сад стоял молчаливый и, казалось, за стволами старых яблонь прятал волосатых незнакомцев, решивших в этот вечер проследить за каждым шагом будущего капитана арктического ледокола.

Согнувшись и озираясь по сторонам, Олег крался к большому двухэтажному зданию школы. Прелые влажные листья тихо шелестели под ногами, и их шум сливался с другими неясными шорохами. На полдороге мальчик остановился. Ноги его окаменели, сердце чуть-чуть не выпрыгнуло из груди: Олег увидел в нескольких шагах от себя чьи-то зеленые глаза. Они блеснули в кустах и погасли. Напрасный страх — это была обыкновенная кошка.

Вот и школа. Окна высоки и черны. По каменным ступенькам мальчик поднялся на террасу. Когда-то пан Капнист пил здесь со своими друзьями по вечерам чай. Густая стена дикого винограда со всех сторон окружала террасу. Олег стал на перила и дотянулся до окна. Сегодня на большой перемене мальчик незаметно отодвинул шпингалет и оставил окно только прикрытым. Каково же было его удивление, когда он увидел, что сейчас окно распахнуто настежь!

Было похоже, что по этой дороге кто-то уже проходил. И проходил, должно быть, совсем недавно, так как не успел даже прикрыть за собой окно.

Олег остановился, раздумывая, что ему предпринять дальше: идти ли вперед, или отступить? Чьи руки открыли окно?

Луна поднималась все выше и выше. Вот она показалась над садом, облив Олега своим серебряным, призрачным светом и заглянув украдкой в окна молчаливой школы. С моря рванул ветер, зашумел голыми ветками и вдруг стукнул раскрытым окном. Мальчик вздрогнул от этого неожиданного стука и в то же время почувствовал какой-то прилив бодрости. Так вот кто открыл окно! Ветер!

Олег храбро перелез через подоконник и очутился в большой комнате. Однако мальчик ошибся: окно открыл не ветер.

Комната, в которую попал Олег с террасы, была его родным шестым классом. Он знал хорошо, что класс не запирается никогда и двери его выходят в коридор. А из

коридора уже знакомая дорога: на второй этаж, мимо комнаты Кажана, мимо каморки, прямо к крутой лестнице, ведущей на чердак.

Олег нащупал за поясом нож и решительно зашагал по длинному коридору. Мимо комнаты Кажана мальчик прошел так тихо, что тише, кажется, не могла бы прошмыгнуть и мышь. В окна светила луна. Лунный свет такой спокойный и такой знакомый! Будто старый друг протягивает руки, и на сердце у Олега становится все спокойней, все больше и больше вырастает уверенность в себе и в своих действиях.

У лестницы Олег остановился. Прямо над ним чернел четырехугольник — вход на чердак. Задрав голову, он смотрел вверх, на это молчаливое отверстие. Сегодня оно не казалось страшным. Наоборот. Там, в этом четырехугольнике, мерцало бледное лунное сияние, и мальчик понял, что луна светит и на чердаке (наверное, через маленькое оконце), и весьма вероятно, что карманный фонарик, захваченный Олегом из дому, будет сегодня не нужен.

Он огляделся и прислушался в последний раз. Тихо, даже в ушах звенит. Где-то внизу, должно быть, на первом этаже, застрекотал сверчок, и его однообразный треск только усилил тишину, разлитую кругом. Наверное, Данилыч лежит сейчас в постели и читает газету или пьет чай. Кажан... Кто знает, что делает Кажан? Он тоже, наверное, сидит в своей комнате. Пусто в школе. Только сверчок трещит да Олег стоит у лестницы, и лунное сияние гуляет по коридору, по молчаливым просторным классам.

Олег стал подниматься по лестнице. Лез он тихо и осторожно, будто подкрадываясь к чему-то.

Вот и вход. До него уже можно достать рукой. Еще одна ступенька, еще одна... Теперь можно и посмотреть, что там такое.

И, стоя на последней перекладине лестницы, мальчик просунул голову в отверстие.

Луна заливает чердак и освещает три черные человеческие фигуры. Они сидят полукругом, а перел ними на каком-то возвышении стоит высокий белый призрак. Фигуры не двигаются. Кругом царит могильная тишина. Но у Олега вырывается сдавленный крик, и все трое поворачивают к нему свои мертвенно белые лица.

Чей подарок лучше

Настал день приезда матери. С раннего утра стали наведываться в хату рыбаки. Они входили, снимали шапки, важно здоровались с дедом Савелием и только тогда осматривали большую комнату, в которой вечером должен был состояться банкет.

И правда, было на что посмотреть. Маленький Ивасик не узнавал своего дома. Длинный стол был застлан такой белой скатертью, точно она была соткана из снега. На столе, на подоконниках, на скамейках — всюду зеленели цветы. Будто все жители Слободки снесли в эту комнату свои фикусы, фуксии и красные махровые герани. На стенах и дверях заботливые руки любовно повесили вышитые полотенца. Через всю комнату — от дверей до окон — протянулись легкие цепи из разноцветной бумаги.

Каких только цветов здесь не было! И синий, и красный, и желтый и ярко-зеленый, как морская волна под солнцем, и серебряный, и золотой... Целый вечер вчера клеили эти цепи девчата и пели такие хорошие песни.

После обеда дед Савелий с председателем артели поехал в город встречать мать, а в хате стали хозяйничать чужие люди. Они были и на дворе, и в сенях, и в комнатах, и на кухне. Они везде убирали, украшали, застилали коврами пол и скамьи, варили и пекли в печи.

Заглянул Ивасик в кухню — и удивился. И стол, и длинная лавка простогнулись под белыми пальниками. Румяные пирожки на огромных блюдах поднимались над жареными утками, фаршированными гусями, над прозрачным дрожащим холодцом в круглых мисках, над золотой осетриной, камбалой и бычками. Отдельно на длинных подносах лежали жареные и вареные поросята. Они были как живые и держали в губах белые корешки петрушки. Бутылки с вином стояли во всех углах. Кадушечки с кислой капустой, солеными арбузами и мочеными яблоками красовались по сторонам, пузатые и важные, как паны. Шкварчали, шипели, булькали сковородки. В кухне в чаду и пару суетились женщины-кухарки.

«И когда это они успели столько напечь и нажа-

рить?» — удивлялся Ивасик. Он чувствовал себя затерявшимся среди этих суевившихся людей. Даже Сашко — и тот не обращает на него сегодня внимания. У брата выходной день, и он не ходил в школу. Забившись в угол, он без конца читает одну и ту же бумажку.

Ивасик решает напомнить брату про условие.

— Сашуня, а у меня уже есть подарок, — говорит он. — Значит, я маму больше люблю!

— Еще увидим, — нехотя отзывается Сашко. — Вот мой подарок, вот! — и потрясает в воздухе бумагой.

— Вот это? Хо-хо! Так это же бумажка, да еще и исписанная. А у меня...

Но Сашко не дает ему договорить:

— Что ты понимаешь?! На этой бумаге мои стихи. Стихи к приезду матери! Куда тебе до меня!

Стихи! Вот оно что! Стихи!

Ивасик весело усмехается. Ну, теперь, конечно, победит Ивасик. Никакие стихи не устоят перед глиняным петушком и настоящим живым щеглом!

День склоняется к вечеру. Скоро должна приехать мать. В хате уже полно гостей. Все готовятся к встрече и несут свои подарки знатному бригадиру — Марине Чайке.

Ивасик встречает каждый подарок ревнивым взглядом. Тетка Секлета принесла теплый платок, Одарка — глиняный горшок, украшенный узорами, столяр Иван Карпович — столик, раскрашенный синим и зеленым. Только дед Гурий не показывает своего подарка. Он принес что-то большое, старательно завернутое в газеты. Ивасик боится: а вдруг у деда Гурия такой подарок, что лучше всех на свете? А если он придумал что-нибудь лучше и глиняного петушка и живого щегленка?

Ивасик выбирает удобную минутку и чуть-чуть надрывает газету. Теперь-то он все знает! В газете завернут ковер. Ну что такое ковер против щегленка? Против глиняного петушка? Да еще какого петушка! Не простого, а такого, что свистит, если только подуть ему в дырочку на хвосте.

Очень смутили Ивасика подарки от артели: блестящие туфли и новенький патефон. Туфли не страшны — они не умеют петь, как щегол, и не свистят, сколько в них ни дуй. А вот патефон — другое дело. Патефон поет и даже очень громко; пожалуй, он поет громче, чем щегол.

И вдобавок он поет самые разные песни, а щегол, знай, щебечет только одну свою.

Чем дальше, тем больше хмурился Ивасик. Маленькое сердце болело. Нет, не его подарок будет теперь самым лучшим. Нет, не его. Больше всего обрадуется мама патефону. Одиноким и загрустившим мальчуган совсем затерялся среди гостей.

Никто даже и внимания не обращал на него, будто не было его здесь, будто это не его мать получила славный орден. Ивасик чувствует себя чужим и лишним среди незнакомых людей. Все смеются, шумят, вынимают подарки, готовятся к встрече. А про него, про Ивасика, все забыли. И самый лучший подарок — конечно, патефон, а на глиняного петушка и щегла мама, верно, даже и не посмотрит.

Горячие слезы подступают к глазам. Ивасик отворачивается к стене и тихонько плачет, забившись в угол. Но и этого никто не видит. Никто его не окликнет, никто не утешит...

Мальчуган забивается в чуланчик, в свой «зверинец». Тут нет незнакомых людей — здесь живет в клетке его любимый щегленок. Ивасик гладит руками клетку и нежно прощается со своим любимцем.

— Щегольчик! Прощай, щегольчик! — приговаривает мальчик и не может освободиться от тоски. Что уж тут говорить: лучше всех подарков — патефон. Каждому видно...

Гром рукоплесканий известил о приезде матери. Как засуетились, как бросились к ней навстречу! Ивасик остался сзади всех, притиснутый к стене. А мать уже посадили за стол, ее поздравляли, ставили перед ней подарки. Но мамины глаза еще с самого порога искали кого-то. Они искали, смотрели по сторонам, и наконец мама не выдержала и спросила громко:

— А где же мои сыны? Где Ивасик? Где Сашко?

И уже совсем громко, во весь голос позвала:

— Ивасик, где ты?

Даже тревога зазвенела в ее голосе.

— Где ты, мой маленький сыночек?

И тогда все вдруг вспомнили об Ивасике, стали его звать и искать, но мальчуган отозвался сам:

— Здесь я, мама, в уголочке.

И сразу расступились гости, и мама, милая, милая

мама, очутилась возле него. Она ласкала и целовала сына, а он гладил ладошками ее щеки и счастливо усмехался. Тогда с другой стороны из толпы вынырнул и Сашко.

— Мама, мамуся, я стихи тебе написал,— говорил он, целуя мать.

И в ту же минуту опомнился и Ивасик.

— Пойдите! Я сейчас! — крикнул он и побежал в чуланчик.

Из чуланчика он вернулся, неся в одной руке клетку с щегленком, а в другой — глиняного петушка.

— Мама — это тебе, — сказал он важно, подавая подарки.

Председатель артели поставил перед матерью патефон, но та, словно, и не видела его — она взяла клетку и петушка, прикоснулась к петушку губами, и глиняный петушок громко свистнул на всю комнату.

— Вот кто приготовил мне самый лучший подарок! — весело сказала мать и еще раз дунула в петушка. — Какой хороший петушок! А щегол-то какой чудесный!

Она обнимала и клетку с щегленком, и Ивасика, и Сашка. И тогда Сашко вышел вперед, развернул бумагу и начал читать:

ВСТРЕЧА С МОЕЙ МАТЕРЬЮ

О мама, вновь твое лицо
Смеется нежно мне.
И орден твой
Зовет меня,
Зовет меня к борьбе!..

Он на минуту остановился, взволнованный, радостный, и потом закончил громко и уверенно:

Как ты,
Работать буду, не сдаваясь,
И быть отличником везде —
В ученье, в школе и в труде —
Тебе я, мама, обещаю.
Твое лицо передо мной
Веселой, светлой, золотою
Опять улыбкою горит.
Как не гордиться мне тобою
И как тебя мне не любить?
И снова моря шум согласный,
В соленых волнах сеть твоя...
К труду и к радости меня
Зовет твой орден, орден красный!

Раскрасневшийся от волнения Сашко передал матери стихи. Грянули рукоплескания. Хлопали так, что даже в окнах задрожали стекла, и все увидели, как по щеке матери скатилась блестящая, прозрачная слеза.

— Сашуня... И ты, Ивасик... Спасибо вам, дети, за такие хорошие подарки,— проговорила она и платком смахнула слезу.

Мать сидела за столом — на груди у нее блестел орден,— рядом с ней сидел дед Савелий. Он уже выпил вина, ему было весело и радостно. И день тоже был такой веселый и радостный...

— А ну, сыграйте,— просил дед музыкантов,— сыграйте песню, да такую, чтобы как этот день была...

Гости хвалили и Сашка, и Ивасика. Тетка Секлета спорила с дедом Гурием, на кого похож мальчуган.

— И не спорьте,— уверяла тетка.— На мать он похож. Как две капли воды!

— И не в мать пошел, а в отца,— возражал дед Гурий.— И поступью и складом весь в покойника-отца.

— А? Какой заплатой? — вмешивался в разговор дед Савелий.— Хватит! Забыли о заплатах. Не такое время. Без заплат теперь ходим...

Ивасик, обняв мать за шею, заглядывал ей в глаза и шептал что-то на ухо нежное-нежное, хорошее...

И вдруг, на удивление всем, мальчик скривился и горько-горько заплакал.

— Что с тобой? — всполошилась мать.

— Щегла... щегла... жалко... — едва выговорил сквозь слезы Ивасик.

И все засмеялись так громко, что у мальчика сразу высохли слезы. А мать сказала:

— Ивашечка, щегленка я тебе обратно дарю. И еще дарю теплую шапку — в Москве для тебя купила...

Кто-то дернул Сашка за рукав. Сашко оглянулся и увидел Яшу Дерезу.

— Ох и здорово ты написал,— зашептал Яша.— Надо в нашем журнале обязательно напечатать. И орден какой красивый! Большая это честь такая награда... А я только что пришел. Сидел дома и все думал, как бы такой аппарат сделать, чтобы можно было его опускать с людьми в море на самое дно, километров на десять...

Яша замолчал.

— Пока еще ничего не придумывается, Сашко. А вырасту, непременно такой аппарат построю.

Сашко посмотрел в глаза товарищу. И такая была уверенность в них, что он сразу поверил в будущий глубоководный аппарат.

— Непременно сделаешь, Яша.

— И что может быть там, на такой глубине? — задумчиво продолжал Дереза. — Ни один человек еще не спускался глубже чем на километр. Что там может быть, на дне? Рыбы какие-нибудь глубоководные незнакомые, животные необыкновенные, водоросли. И все там светится, Сашко, все живое светится. Я читал об этом книжку. Вот где интересно!

Интересы у Яши непостоянные. Что ни день — новое увлечение. Прочтет о морской войне, о торпедках, о подводных лодках — и вот уже сидит и мастерит модель миноносца. Сделает миноносец — займется полетом на Луну. Сидит и думает об этом, наяву ракетопланом грезит, и мечтает, и фантазирует.

Последнее его увлечение батисфера, подводное царство. Об этом он мог бы говорить целый вечер, но Марина Чайка начала рассказывать о поездке в Москву, и в комнате все притихли. Все слушали, затаив дыхание.

Марина кончила свой рассказ и, налив золотого вина, встала и высоко подняла полную до самых краев чарку.

— И сегодня первая чарка, — сказала она, — пусть будет за нашу счастливую Родину!

И все встали и крикнули «ура». Крикнул «ура» и Ивасик своим звонким, детским голосом. И хоть и не дали ему вина — мал еще очень, — но не пожалел уж зато дед Савелий сладкого квасу: целую кружку налил внуку!

Ивасик был совсем счастлив. Как все хорошо вышло! И подарок понравился маме больше других (все же видели, как она дула в петушка), и щегленок снова вернулся назад, да еще с теплой меховой шапкой впридачу. Ивасик не устал объяснять всем полряд, что и орден получила не чья-нибудь мать, а его собственная, Ивасикова. И что зовут его маму Марина Савельевна, да еще Чайка. Ивасик показывал на мать пальцем и важно говорил:

— Вот она сидит, моя мама. Кто не верит, пусть у людей спросит.

Но все верили. Ивасик удовлетворенно сопел — очень

уж много выпил он квасу, — тихонько вздыхал о том, что не было больше места в животе, чтобы и дальше лакомиться сладкими пирожками, которыми был заставлен весь стол.

Мать обратилась к Башмачному, председателю артели:

— Ну, Давид Ефимович, как у нас с ремонтом? Как сети? Я дала слово в Москве добиться еще больших уловов. Слышала я, что нечем ловить наживку — нет японского невода¹?

Председатель артели ответил, что невод починили, да и остальное снаряжение уже отремонтировали.

Но тут вмешался дед Савелий.

— Плохо будет, дочка, с уловом, — сказал он, — зима теплая, пеламида у берегов появилась, разгонит она всю скумбрию. А? Я уже выверил это, знаю...

— Ничего, отец, скумбрия от нас не убежит!

Сашко увидел, как на щеках матери вспыхнул румянец, как блеснули глаза, как заодно она обернулась к рыбакам из своей бригады.

— Ну что, хлопцы, найдем скумбрию в море?

В ответ ей загудели веселые голоса, захлопали ладоши.

— От Марины рыба не убежит, — промолвил дед Гурий. — Ей и пеламида нипочем. Вот она какая женщина! А раньше, помню, была такая примета у рыбаков: не разговаривай с бабой перед выездом в море — ничего не поймаешь...

— Вспомнил дед Гурий царя Гороха! — крикнула Одарка. И все засмеялись. Смешным показалось им то время, о котором говорил дед Гурий. Смешным и страшным. Чур ему! Не вернуться ему больше никогда во веки веков!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Правдивая история происшедшего на школьном чердаке

Данилыч допил восьмой стакан чаю, вытер полотенцем крупные капли пота со лба и с газетой в руках лег на кровать. Длинный, бесконечно длинный зимний вечер.

¹ Так называемым японским неводом ловят мелкую рыбешку, которую наживляют на крючки.

В окно смотрит полная луна, время от времени срывается ветер, и тогда глухо гудят в саду голые, черные деревья.

Скучно Данилычу. Прочитал всю газету, даже объявления перечел несколько раз, а за окном по-прежнему вечер, длинный и неприветливый. Не с кем и словом перемолвиться. «Хоть бы Кажан пришел,— думает старик.— Все же было бы веселее. Или, может, мне самому к нему заглянуть?»

Кажан теперь чаще бывает на людях. Очевидно, он понял, что его отчужденность вызывает ненужное любопытство и различные толки. А это совсем нежелательно для него, особенно сейчас. На это у Кажана были свои причины. Старик очень хотел, чтоб на него не обращали внимания и совсем забыли о его существовании в Слободке. Потерянное письмо не давало покоя. Не попало ли оно кому в руки?

Но время шло, и Кажан приходил к мысли, что буря могла унести письмо далеко и даже забросить в море. Было бы лучше, если бы его никто не прочитал.

Кажан теперь иногда заходил к Данилычу поговорить о том о сем, чаще всего о саде, о разных сортах яблонь. Но сегодня Данилыч сидел один в своей комнате. От скуки его клонило ко сну, дремота понемногу овладевала им.

И вдруг какой-то шум сразу прогнал дремоту, Данилычу показалось, что где-то близко громко хлопнула дверь.

Данилыч вскочил. Кто сейчас может быть в школе, кроме Кажана? Поздний зимний вечер. Школа пустая. Кружки сегодня не работают, собраний тоже нет. Кто же мог там стукнуть?

Данилыч вышел в коридор. Дверь в шестой класс была распахнута. Было открыто и окно на веранду. На полу и на подоконнике — грязные следы сапог.

— Вот так дела,— покачал головой Данилыч.— Такого еще не бывало...

На полу возле окна лежал черный перочинный ножик. Сторож поднял его и, разглядывая, долго вертел в руках.

— Вот так дела,— бормотал Данилыч.— Ну, об этом уж непременно надо рассказать директору...

Он спрятал ножик в карман и стал закрывать окно.

Приключение на чердаке не выходило у Олега из головы. Мальчик не верил ни в какие привидения. Однако он же собственными глазами видел там высокую белую фигуру. Да и три черных незнакомца, неподвижно сидевших на чердаке, тоже пугали его своей необычайной таинственностью. Кто они и что делали на чердаке поздно вечером? Что у них за дела с белым привидением? А если это не привидение, то кого же, в таком случае, видел там Олег?

Рассказать о своем приключении кому-нибудь из товарищей Олег не решался. Нет, он не дурак! Расскажешь, а потом и не отвяжешься от расспросов. И чего на чердак лазил и зачем вечером в пустую школу ходил?

Но все же Олег не вытерпел и отозвал в уголок Омелька Нагорного.

— Ты знаешь, что я слышал?

— А откуда мне знать?

— Ну, так я тебе расскажу! Мне сегодня один хлопец из нашего класса рассказывал. Такая с ним история вышла, что просто не поверишь. Только чтобы никому об этом... И как хлопца звали, тоже не скажу...

Когда Олег дошел в своем рассказе до того места, как выдуманный им хлопец увидел на чердаке трех незнакомцев и высокое белое привидение, Омелько громко захохотал.

— Ты чего смеешься?—удивился Олег.—Не веришь?

Нагорный ничего не ответил и, продолжая смеяться, сорвался с места и побежал в класс. Ничего не понимая, изумленный Олег Башмачный молча смотрел ему вслед.

Данилыч на другой же день рассказал Василию Васильевичу об открытом окне и отдал найденный нож.

— Это ребяташки, Василий Васильевич, лазили, не иначе, как они...

— Хорошо, Данилыч,—ответил директор,—допустим, что и в самом деле наши школьники. Но что им было нужно в школе, в пустой школе, да еще поздним вечером? У них, наверное, был какой-то план, и притом заметьте, Данилыч, план, обдуманный заранее. Из чего

это видно? А из того, что окно было открыто, наверное, еще днем. Открыть-то его можно только изнутри, из школы.

Но как ни хмурил Данилыч брови, ответить на вопрос, что делали ребята так поздно в школе, он, конечно, не мог. И в самом деле, что им там было нужно?

После большой перемены в шестом классе начался урок украинского языка. Усаживаясь за стол, Василий Васильевич спросил между прочим:

— А что, ребята, никто из вас вчера ничего не терял?

Оказалось, что вещей потеряно много. Больше всего было потеряно карандашей и ручек, а Люда Скворцова потеряла даже пенал.

— Ох, и растеряхи же вы,— покачал головой Василий Васильевич.— И все-то торопитесь, все спешите! А кто из вас потерял нож?

Минуту царил молчание, а потом из-за парты поднялся Омелько Нагорный:

— Василий Васильевич, это я нож потерял. Черненький, и ручка костяная... А вот где потерял, и сам не знаю.

— Твой?

Василий Васильевич показал ножик.

— Мой, мой,— обрадовался Нагорный.

— А может, ты скажешь мне тогда, зачем ты лазил вчера в школу через окно?

Услышав это, Олег Башмачный вздрогнул как ужаленный. Ведь не Омелько, а он, Олег, пробрался в школу этой дорогой. В чем же дело? Откуда такая ошибка? Наверное, кто-то увидел Олега, когда он лез в окно, и не узнал его... Олега приняли за Нагорного.

— Ну, Нагорный,— настаивал Василий Васильевич,— расскажи честно, в чем дело.

Олег посмотрел на Омельку — и окаменел от удивления. Нагорный стоял, наклонив голову, с растерянным и смущенным видом, будто его поймали с поличным.

— Уж не связана ли твоя вечерняя прогулка со статьей о гипнотизме? — спросил Василий Васильевич.

Нагорный кивнул головой.

— Так и было,— тихо сказал он.— Тогда я, верно, и ножик свой потерял.

— Хорошо, об этом мы поговорим после. А сейчас давайте начинать урок.

Сашко Чайка был упрямым парнишкой. Конечно, упрямство упрямству рознь. Можно, к примеру, ежедневно приносить домой плохие отметки. Нельзя сказать, чтобы это очень радовало учителя и родителей такого ученика. У Сашка настойчивость была другого сорта. Он всегда доводил до конца начатое дело. Трудный урок — мальчик все равно не встанет из-за стола, прежде чем не усвоит его. Не получается стихотворение — Сашко не отступится, пока не напишет его.

Так было и с физкультурой. Сашко упорно продолжал свои занятия. Якорь деда Савелия здорово пригодился ему. Каждое утро, схватив якорь обеими руками, Сашко поднимал его с пола. Сначала он не мог проделывать это больше восьми раз. Но мускулы росли с каждым днем, и теперь мальчик мог поднимать якорь уже пятнадцать раз подряд.

Вначале Сашко начал заниматься физкультурой с одной только целью: победить Олега Башмачного и уложить его на обе лопатки. Но теперь эта задача отходила все дальше и дальше. Сашко так привык к ежедневным упражнениям, что без физкультуры ему уже чего-то недоставало. Мальчик стал чувствовать себя бодрым и сильным. Как часто раньше ощущал он усталость после длинного дня в школе, после часов, проведенных за приготовлением уроков! Теперь этого не бывало. И то, что он выйдет победителем из поединка даже с таким «противником», как Олег Башмачный, для него уже не представляло никаких сомнений.

Глядя на ежедневные упражнения брата, не смеялся больше и Ивасик. Он тоже «физкультурничал», переворачивая в комнате стулья.

Вскоре после приезда Марины Чайки пришел домой и старший ее сын, пограничник Лаврентий. У него был трехдневный отпуск. Теперь в хате Чаек каждый день пела гармонь, и каждый день приходили рыбаки послушать музыку и рассказы веселого краснофлотца.

Утром Сашко делал свои упражнения под залиvistые звуки гармошки. Лаврентий пощупал мускулы младшего брата и остался доволен.

— Будешь краснофлотцем! — одобрительно сказал он. Для Сашка это была лучшая похвала.

Однажды Лаврентий увидел на улице старого Кажана.

— Послушайте, товарищи,— обратился моряк к рыбакам,— у вас в Слободке до сих пор живет этот тип? Что он тут делает?

Никто не мог сказать ничего определенного. И чем действительно занимался Кажан? Возится в школьном саду, окапывает деревья, сухие ветки обрезает. Что еще известно о нем? Не передавать же небылиц, придуманных бабкой Лукеркой!

Но Лаврентия не удовлетворил такой ответ. Все заметили, как он вдруг задумался и нахмурился. А вечером неожиданно спросил мать:

— Мама, что ты думаешь о Кажане?

Марина ответила не сразу.

— Думала я не раз, Лаврентий. Какой-то он... непонятный человек, этот Кажан. Одним словом — очень скрытный человек...

В глубоких карих глазах матери Лаврентий прочел какую-то невысказанную мысль.

* * *

Василий Васильевич недаром спросил Омелька Нагорного, не в связи ли со статьей о гипнотизме он лазил вечером через окно в школу. Директор школы и руководитель класса Василий Васильевич хорошо знал Нагорного. Хлопец, конечно, ни за что не откажется от того, чтобы на практике не проверить все «тайны», высказанные им в своей статье.

А дело было так. Омелько уговорил Яшу Дерезу и Степу Музыченко прийти на сеанс гипноза. Самое трудное было — это убедить Дерезу. Но, когда Омелько показал ему книжку «Гипнотизм», Яша тоже решил присутствовать на этом необычайном сеансе. Правда, делал он это с тайной мыслью посмеяться над Нагорным. Хоть и есть, говорят, такая наука, да уж не Нагорному загипнотизировать кого бы то ни было.

Участвовать в сеансе Омелько пригласил также Дмитра Озеркова, пылкого любителя театральных зрелищ и руководителя школьного драмкружка. Озерков охотно согласился. Больше того: он был даже согласен, чтобы его «загипнотизировали». Нагорный велел ему захватить с собой белую простыню.

— Без этого реквизита и не приходи,— заявил «гипнотизер»,— а то ничего не выйдет.

И, когда вечером ребята собрались в школьном саду, в руках у руководителя драмкружка белела простыня.

— Молодец! — похвалил старательного Дмитра Нагорный.— Только не ты будешь сегодня режиссером, а я.

Место для сеанса было выбрано необычайно удачно: школьный чердак. Чудесное место! Тихое, спокойное и, главное, таинственное. Без таинственности здесь ничего не сделаешь, такое уж это дело — гипнотизм!

Само собой понятно, что выбор места целиком принадлежал Омельку Нагорному. Ребята не спорили, и только один Дереза попробовал было протестовать, но Омелько быстро убедил его, заявив, что в другом месте сила гипнотизера может и не проявиться и тогда он, Омелько, снимает с себя всякую ответственность за неудачу сеанса.

В школу проникли через открытое окно. Вход не очень удобный, но зато таинственный. Надо сказать, что эта «таинственность» вообще не волновала только одного Яшу Дерезу. Как и полагается изобретателям, склад ума у него был трезвый и ясный. Он давно уже понял, что не тайна движет мотором и что машины не сделаешь без знания, без книжки, без опыта.

«Ну, подожди-ка гипнотизер несчастный,— думал Дереза.— Вот не загипнотизируешь Озеркова, посмеюсь же я над тобой и над твоим гипнотизмом!»

Но... надо сказать правду, что и у Дерезы были минутами кое-какие сомнения. А что, если Омелько и в самом деле научился гипнозу? Ведь он же показывал книжку, настоящую научную книжку с картинками. Интересно! Очень интересно. Ну, а чердак, конечно, чепуха.

А между тем таинственность обстановки помимо воли начинала действовать и на Дерезу. Вечер, тени, далекая луна, пустая школа, шепот товарищей и чердак! И кроме того, самому старшему из ребят, Озеркову,— всего только четырнадцать лет!

На чердаке было тихо и пусто. В маленькое круглое оконце заглядывала полная луна.

— Ребята, а из этого окошка море видно,— тихо сказал Степа Музыченко.— Посмотрите, как оно блестит вдали. Я люблю рисовать море, когда на нем вот такая лунная дорожка...

Омелько нетерпеливо махнул рукой.

— Мы сюда не рисовать пришли,— отрезал он.— Начнем, что ли? Ну, Дмитро, надевай простыню. Для чего? А уж это я знаю. Так надо.

Музыченко, Нагорный и Яша Дереза присели на корточки, а перед ними на деревянный ящик встал Озерков, закутанный в простыню.

— Стой и не двигайся! — приказал ему Омелько.

— Ну, а дальше что? — шепотом спросил Яша Дереза.

— А дальше — я его загипнотизирую. Десять минут я буду смотреть на него не отрываясь. А может, и двадцать, не знаю. И все время буду думать — вот так, с напряжением.

И Омелько наморщил лоб, чтобы показать, с каким именно напряжением.

— Подожди! А о чем же ты будешь думать? Мы тоже должны знать! — вмешался Степа.

— А я вам скажу.

Омелько наклонился к товарищам и зашептал:

— Вот как я буду думать: «Озерков, сейчас же сбрось простыню и подойди посмотри в оконце!» — И снимет, увидите — снимет!

— А может, ты сговорился с ним? Я не согласен! — запротестовал Яша Дереза.— Пусть лучше снимет простыню и наденет на тебя. Хорошо?

Нагорный согласился. Озерков стоял неподвижно, весь в белом, как привидение. Лунный свет освещал всех участников сеанса.

— Ты не слышал, что мы говорили? — спросил у «привидения» Нагорный.— Не слышал? Ну, тогда начнем.

Три пары глаз впились в закутанную фигуру Озеркова. Тишина. Где-то пискнула мышь, и снова все стихло. Минуты шли.

— Мне страшно! — прошептал Музыченко.— А вдруг и в самом деле...

— Тсс! — толкнул его в бок Нагорный.— Смотрите, начинается шевелиться!

И тут ребята услышали какой-то страшный звук. Будто кто-то крикнул, или, вернее, хотел крикнуть, зажав рот ладонью. Нагорный первый увидел, как из четырехугольного отверстия высунулась чья-то голова. В ту же минуту эту голову увидели и Музыченко и Яша Дереза...

Мы знаем, кто помешал ребятам окончить их «сеанс». Когда Олег Баимачный, испуганный белым привидением и тремя незнакомцами, стремглав удирал из школы, на чердаке тоже начался переполох. Страшная голова исчезла, но, может быть, она ждет внизу? А у головы, как известно, есть и туловище, и руки, и ноги. Выходит, это человек. Но кто же он?

— Может, это Кажан? — сказал Музыченко. — Говорят же, что...

Но Дереза не дал ему договорить.

— Кто бы там ни был, а надо спускаться, — перебил он.

Больше всех испугался Нагорный. С чердака он спустился последним: хорошо еще, что перепуганный Олег не уронил, убегая, приставленную лестницу. А это, конечно, могло случиться.

Любитель таинственного, Омелько долго не мог опомниться и забыть голову, которую увидел в темном чердачном отверстии. И вот почему он так хохотал, когда Олег рассказал ему о приключениях «одного хлопца из нашего класса». Впрочем, Олегу совсем не следовало обижаться за этот безудержный смех. На этот раз Нагорный смеялся над самим собой.

Когда после уроков Василий Васильевич позвал «гипнотизера» к себе в кабинет, Омелько, не скрывая ничего, откровенно рассказал ему все, как было. Директор посмотрел мальчику в глаза. Нагорный потупился. Несколько секунд оба молчали, а потом Василий Васильевич спросил:

— Понимаешь, что делал глупости?

Омелько молча кивнул головой.

— Я вижу, что тебе это неприятно, — продолжал директор. — Тебе даже стало грустно, не так ли? Я не хочу сказать, что в твоей выдумке есть какое-то преступление, но мне все же хочется, Омелько, чтобы ты стал хоть немного серьезнее. Тебя интересуют только «тайны». Но пойми, что таинственное нужно искать вовсе не на чердаках. Разве в природе мало таинственного? Не все еще исследовано. И гипнотизм нужно изучать не на чердаке, а в кабинете врача, в связи с медициной, без всяких привидений. Мне хочется, чтобы на днях ты зашел с ребятами ко мне домой. Приходи с товарищами, которые были с тобой на «сеансе». И еще позовем кое-кого.

Нагорный удивленно посмотрел на директора.
— Ты хочешь спросить, для чего я вас зову? Нет! Сейчас не скажу. Пускай и у меня будет тайна. Скажу только, что жалеть не будешь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Олег решает не отступать

Март наступил незаметно. Как-то вечером подул теплый влажный ветер. Целую ночь он шумел голыми ветками в школьном саду, а утром нагнал такие густые тучи, что, казалось, они легли серой ватой на самые крыши слободских домиков. А потом хлынул дождь. Он шел, не переставая, целый день, и утих только к вечеру. И тогда с земли, клубясь молочными волнами, поднялся густой туман. На улицах Слободки в двух шагах ничего нельзя было увидеть перед собой.

Три дня боролось солнце с туманом и тучами. Выглянет на миг, бросит на землю сноп лучей, и снова закроют его лохматые тучи. И наконец солнце победило. Радуюсь своей победе, оно брызнуло таким ослепительным золотым светом, что даже дед Гурий, человек очень осторожный в своих утверждениях, сказал, что теперь началась настоящая весна. Море быстро меняло свой цвет. Из свинцового оно сделалось синим, потом голубым. На его безбрежной, спокойной шири засверкали мириады золотых блесков.

Ивасик принес в хату сорванные с тополя набухшие почки. С увлечением исследователя он раскрыл их и нашел внутри крохотные липкие листочки. А на берегу ему посчастливилось увидеть двух одичавших серых кроликов, притаившихся между камнями. Исхудавшие, с облезлой шерстью, они жадно грызли первые зеленые ростки, протянувшиеся из земли.

Спрятавшись за камнем и притаив дыхание, Ивасик следил за зверьками. Но они скоро шмыгнули обратно в нору, испугавшись собственной тени.

Весна началась. Казалось, даже рыба почувствовала приближение теплых дней. Она словно поглупела от радости и все жадней и жадней кидалась на приманку. Улов увеличивался с каждым днем. Бригада Марины

Чайки ставила переметы и собирала богатую добычу. Большую колючую камбалу «калкан» ловили мережею¹, и в сеть стали попадаться громадные рыбы, иногда больше двадцати килограммов весом.

По вечерам, когда Марина бывала дома, она садилась возле Сашка и принималась за вышивание. Странно было видеть знатного бригадира бесстрашных рыбаков за таким спокойным, тихим рукоделием. В эти часы дед Савелий тоже садился рядом с дочерью и, улыбаясь, спрашивал неизменно одно и то же:

— Что, Марина, приплыла к тихому берегу? Вышиваешь?

— Передыхаю, тату,— отвечала Марина.— Завтра опять поднимем парус.

На что дед Савелий никогда не забывал сказать:

— Ага, слышу, слышу... Был и я когда-то молодым...

Сашко часто готовил уроки вслух, и мать, вышивая, слушала сына. Слушали его и дед Савелий и маленький Ивасик, причем дед Савелий никогда не мог удержаться, чтобы не дополнить собственными соображениями или воспоминаниями того, что читал внук. Учит, например, Сашко урок про пчел — и о них расскажет дед Савелий. Например, хотя бы о том, как не любят пчелы запаха чеснока. Поел кто чеснока, лучше к улью не подходи — зажалат. А как не переносят они вонючего табака!

— Скажу прямо,— делал вывод дед,— панский у них, у пчел, нос, вот что!

И тут же рассказывал о каком-то воре, забравшемся на пасеку за медом и до полусмерти закусанном пчелами.

Собственной пасеки у деда Савелия не было никогда, да и во всей Слободке ни у кого не водилось ни одного улья, но дед говорил о пчелах так, как будто он всю свою жизнь только и был что пасечником. У деда Савелия была еще и теперь хорошая память, а за свою долгую жизнь он наслушался немало самых разнообразных рассказов. Разговаривал он и с пасечниками, и с профессорами, и с царскими жандармами (записан этот разговор на дедовой спине), и с панами, и с бондарями, и с кузнецами, и с Шаляпиным, и с Айвазовским, и с шахтерами, и с товарищем Буденным... И так же,

¹ М е р е ж а — сеть для лова крупной камбалы.

как о пчелах, может рассказать дед Савелий и о добыче угля в шахте, и о том, из какого дерева надо гнуть обручи для кадок, из каких черепашек делают пуговицы, и даже о том, как едят китайцы ласточкины гнезда. Только ласточки те, говорят, какой-то особенной породы и гнезда склеивают собственной слюной.

Рассказы деда — настоящий клад для Ивасика. Больше всего нравились мальчику рассказы о животных. С одинаковым вниманием слушал Ивасик и о пчелах, и о китайских ласточках. Ему и самому хотелось бы попробовать ласточкиного гнезда, хоть кусочек, хоть крошечку, да где же его возьмешь, если эти ласточки водятся только в Китае.

Проходит неделя, другая, и вдруг Ивасик спрашивает у деда Савелия:

— Дедуся, а они не горькие?

— Кто? — не понимает дед.

— Да ласточкины гнезда.

— Гнезда? А, слышу, слышу. Не иначе как сладковатые... И немного того... сырой рыбой пахнут. Эти ласточки, говорят, рыбью икру любят.

А откуда дед знал такие подробности, это уж, конечно, неизвестно.

Однажды, слыша, как Сашко готовит вслух урок по естествознанию, Ивасик сказал матери:

— А я завтра тоже в школу пойду.

Он сказал так серьезно и уверенно, что не было никакого сомнения, что он не только говорит, но и сделает это.

Мари́на обняла сына и засмеялась:

— Смотрите на него — в школу! А читать умеешь?

— Не умею, так в школе научат. А только я уже и буквы знаю. Целых четыре. Жи-жук, си-змея, о-бублик, ги-гусячья шея...

В представлении Ивасика каждая буква была похожа, как две капли воды, на какую-нибудь вещь. Взять хотя бы «с»: и похожа на змею и шипит, как змея.

— Ой, Ивашечка,— смеялась мать,— да ты и вправду уже школьник!

Она называла сына десятками имен и не знала сама, какое ласковее и нежнее. Ее Ивасик был и Ивасиком, и Ивашечком, и Ивасенькой, и Иванчиком, и Иваненькою, и Иванцем, и Иваночкой, и Ванюсей... И в каждом

из них Марина находила новый оттенок, новую нежность и музыку.

Она целовала белую головку сына. Детские волосики пахли солнцем, птичьим гнездышком, теплым пухом,— так пахнут желторотые воробьята.

Утром Ивасик принялся за свое:

— Пойду в школу с Сашуней!

Напрасно уговаривали его и мать, и дед Савелий. Мальчуган даже заплакал, и, когда Сашко ушел все-таки один, Ивасик решил схитрить. Сказал, что пойдет к морю, а сам побрел прямо к бывшей даче пана Капниста.

Ивасик был уверен, что если он попросит учителя записать его в школу, да еще скажет при этом, что уже знает четыре буквы, да к тому же прибавит себе лишний год (скажет, что ему не шесть, а семь лет!), как все школьные двери сразу же раскроются перед ним, и он сядет вместе со всеми школьниками учить уроки про животных, изображения которых рассматривал каждый день в учебнике Сашка.

В школе шел урок. В коридоре, куда зашел Ивасик, не было никого. Мальчик стоял растерянный, не зная, в какую дверь ему войти. А дверей было много. Коридор поразил мальчика своей длиной, а количество дверей совсем сбilo с толку.

И вдруг знакомый голос за дверью остановил Ивасика.

«Сашуня! — хотел закричать он. — Сашуня, я тут!»

Это в самом деле был голос Сашка. Мальчик больше не колебался. Он повернул дверную ручку и вошел. В классе сразу стало тихо. Ивасик увидел возле доски брата и спокойно сказал:

— Вот и я...

Тишина разорвалась веселым хохотом школьников. Учительница Евгения Самойловна взяла Ивасика за руку и спросила:

— Чей ты, мальчик? Зачем пришел?

— Да это же Ивась, Сашка Чайки брат! — крикнули школьники.

В классе поднялся шум и веселый смех. Смущенный этим шумом, Ивасик исподлобья поглядывал то на брата, то на учительницу.

— Я хочу записаться в школу, — наконец выговорил

он.— Я уже знаю жи-жук, си-змея... И потом о-бублик и ги-гусячья шея...

Новый взрыв хохота прокатился по классу. Едва удерживая смех, Евгения Самойловна крикнула ученикам:

— Тише, ребята! Не забывайте, что и вы когда-то были такими малышами.

И, положив руку на плечо Ивасика, переспросила его:

— Так какие, ты говоришь? Ги-гусячья шея? В какой же класс ты хочешь поступить?

Ивасик немножко подумал, посмотрел на брата и серьезно ответил:

— Да в какой запишете, только чтобы вместе с Сашком.

Задребезжал звонок. Ребята веселой толпой окружили нового «школьника».

— Вот что, Ивась,— сказала Евгения Самойловна,— давай уговоримся: ты подрастешь, и тогда мы тебя примем в школу. Ну, скажем, через год или два. Согласен?

Ивасик подумал и торжественно согласился.

*

Настал наконец день, когда литературный журнал шестого класса «Отличник» вышел из печати. Это был журнал большого формата, каким и следовало быть настоящему серьезному журналу. Искристое море синело на обложке, на первом плане которой весело смеялись лица двух пионеров. Уже при одном взгляде на такую обложку каждый читатель должен был непременно сказать: «Вот это да!» Но главное было, конечно, содержание. И содержание «Отличника» нисколько не уступало обложке. Оно было таким же ярким и таким же сочным.

После передовой под названием «От редакции», с приветствием читателям новорожденного журнала на второй странице красовались стихи Сашка Чайки «Встреча с моей матерью». Вскоре многие школьники декламировали это стихотворение, его переписали себе даже несколько преподавателей, и слава школьного поэта прочно утвердилась за Чайкой.

Как-то в класс вбежал возбужденный Степа Музыченко.

— Ребята! Вышел «Широкий путь»! — крикнул он.

Больше всех взволновало это известие Чайку. Как-никак, а он редактор «Отличника». Если окажется, что «Отличник» хуже альманаха семиклассников, краснеть придется всему шестому классу. Сашко не выдержал и на большой перемене побежал к Чабанчуку. Тот с торжественным видом показал альманах. Это была толстая тетрадка, и материала в ней было, наверное, втрое больше, чем в «Отличнике». Одних рассказов не меньше десятка, не говоря уже о стихах.

— Ну, как? — самоуверенно усмехнулся Чабанчук.— Шах и мат вашему журнальчику. Куда вам! Тут и сравнивать нечего...

— Сравнить и в самом деле нельзя,— поддержал его Сашко.

Чабанчук насторожился.

— А что? Я же говорю...

— Так и я же говорю,— так же спокойно продолжал Сашко: — не альманах, а общая тетрадь...

— Почему? — вспыхнул Чабанчук.— Это безответственное заявление.

— Очень просто. Оформить вы его не сумели, вот что. Видели, какая обложка у «Отличника»? Какие рисунки в тексте? А у вас? Картиночки мелкие, рисунки плохие, несуразные.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Чабанчук.— Картинки! Ха-ха-ха! Ты, голубчик, забываешь, что это альманах седьмого класса. Ты понимаешь — седьмого! Нам не нужно картинок. Это только шестиклассникам может быть интересно. А нам важнее всего содержание.

Чабанчук понемногу терял свою самоуверенность. Сашко увидел, как захлопал он глазами под стеклами очков. Наверное, он и не думал получить неприятные замечания от какого-то шестиклассника.

— Содержание... Посмотрим и содержание,— сказал Сашко,— хотя и внешность важна. Приятно взять в руки красивую книгу. А содержание... Стой, что это за стихи!

И Чайка прочел вслух:

Шумит сине море,
Шумит и шумит,
Будто у него горе,
Будто оно не спит.

— Это такие стихи в вашем альманахе? Такие стихи? — вырвалось у Сашка.

— Стихи? Ну и что же? Хорошие стихи, — неуверенно ответил Чабанчук.

— Это хорошие стихи? Да тут же и размера нет и все это больше на прозу похоже, чем на стихи. А это «горе» и совсем уж ни к чему. Верно, только для рифмы.

Чабанчук все еще пытался защищаться:

— Не смейся меня, дорогой Чайка, а альманах давай назад. Я не допущу, чтобы произведения семиклассников обсуждались какими-то бездарными критиками. Конечно, я не говорю о присутствующих, но тебе тоже надо знать, что в морском шуме нет никакого размера. Значит, и стихи о море автор обязан писать без размера.

— А мне кажется, что автор обязан писать хорошие стихи, — спокойно ответил Сашко.

— Если так, нам с тобой и говорить не о чем. — И, вырвав «Широкий путь», Чабанчук повернулся к Чайке спиной. Это было, конечно, не доказательство, и скоро вся школа узнала, что альманах седьмого класса и по виду, и по содержанию вышел слабее «Отличника». Не было в альманахе ни хороших стихов, ни прекрасных воспоминаний Евгении Самойловны, ни статьи Василия Васильевича о планетах, ни фантастического романа Яши Дерезы. А все это было в «Отличнике».

Взяв в руки аккуратно переписанный на машинке журнал, вожатый сказал:

— Вот это понимаю! И в руках приятно держать. Напрасно Чабанчук носится со своим альманахом, как баба со ступой.

Вожатый был прав. Но нужно сказать, что если бы не он, «Отличник» выглядел бы куда хуже. Двенадцать рисунков сделал Максим для журнала. Прекрасные рисунки в красках, иллюстрировавшие и стихи, и роман Яши Дерезы, и статью Василия Васильевича.

Даже Олег Башмачный, и тот радовался победе своих товарищей. Ведь же «Отличник» — это шестой класс, это лицо учеников шестого класса. Впрочем, очень уж долго радоваться у него не было времени. Человеку, у которого мысли заняты более важным, некогда думать о каких-то журналах. Олег теперь уже знал, какое привидение видел он на школьном чердаке. Слухи о «сеансе гипноза» стали известны всему классу, и ребята вдоволь

посмеялись над Нагорным. И только Олег злился. Если бы не Омелько со своими глупыми выдумками, наверное, клад был бы уже в руках Олега.

Какая обида! Теперь снова лезь на чердак, снова волнуйся, снова жди и надейся. Надеяться — это еще хорошо, но гораздо хуже, если за надеждой придет горькое разочарование. Но этого, конечно, не может случиться. Клад на чердаке и, наверное, припрятан неплохо, а когда знаешь, где искать, дело можно сделать вдвое быстрее и легче.

Впрочем, «сеанс гипноза» имел и свою хорошую сторону. Теперь уже можно сказать с уверенностью, что четырехпалого зеленоглазого незнакомца на чердаке нет и что Олегу нечего бояться этой встречи. Если бы на чердаке кто-нибудь был, ребята наверняка увидели бы его в тот вечер. А вдруг неизвестный так хорошо запрятался, что его не заметили. Однако зачем ему так долго укрываться в школе. Но пока Олегу не везет. Он уже частенько проклинает тот час, когда нашел это несчастное письмо. Не было бы письма — не было бы и тревог, разочарований. Впрочем, все это только мимолетные колебания. Кто сказал, что сокровища сами даются в руки?

Хоть и не везет пока Олегу, но все это временные трудности и неудачи. Разве не счастливый случай — находка письма Кажана? Нельзя только отступать от своих намерений, нужно быть настойчивым и энергичным, и цель будет достигнута. И Олег решил не отступать. С еще большим рвением он принялся готовиться к новому походу на школьный чердак. Теперь уж никакие Омельки Нагорные, никакие дурацкие «привидения» не станут у него на пути.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой рассказывается, как крепнет дружба Сашка с Галиной и как Омелько Нагорный смотрит в подзорную трубу

— Галина! Подожди, Галина!

Вожатый крепко проводит рукой по низко остриженным волосам. Спокойно светятся в глазах золотые искорки. Минуту Максим молчит и смотрит на девочку, словно решает, с чего начать разговор.

— Скажи мне, Галя,— наконец спрашивает он,— как твои дела? И что у тебя... дома?

— Мама поправляется,— радостно отвечает Галина.— Скоро приедет...

— Я уже знаю,— спокойно говорит вожатый.— Мне рассказывал Василий Васильевич. Я очень рад, Галя, за тебя, что ты все-таки справилась со своей бедой. Молодец! Я смотрел сегодня твой табель. По всем «отлично».

Он улыбается, глаза его становятся узкими, как щелочки, но золотые искорки не исчезают, они блестят у него в зрачках, теплые и светящиеся.

И, глядя на вожатого, смеется и Галина. А потом они берутся за руки и идут в физкультурный зал.

На днях у Галины была большая радость. Ее выбрали звеньевой.

Среди других ребят в ее звене оказался и Олег Башмачный. Ребята давно уже заметили, что он стал почему-то сторониться товарищей, на переменах бродил по коридорам хмурый, как сыч, или сидел где-нибудь в углу. Что же случилось с Олегом? И что он скрывает от товарищей?

А между тем ведь Олег Башмачный — пионер, и если случилось у него что-нибудь или какое-нибудь горе, почему он тогда молчит? Разве товарищи-пионеры ему не друзья?

Галина решила поговорить с Башмачным начистоту. После уроков она догнала его возле ворот школы.

— Пойдем вместе,— сказала Галина, делая вид, что поровнялась с Олегом совершенно случайно. Мальчик шел тихо, опустив голову. Увидев рядом с собой Галину, он удивленно посмотрел на нее и тряхнул головой, словно отгоняя от себя назойливую мысль. Его серые глаза смотрели на девочку, но казалось, что Олег и сейчас еще не может понять ни где он, ни кто с ним.

— Ты чего? — спросил он наконец.

— Что «чего»?

— Да так, вообще... Чего идешь со мной?

— Вот чудак! А разве нельзя?

— Я так...

— И я так,— ответила Галина.— А только у тебя это «так» какое-то другое... Не «так»... Разве нет?

— А что?

— Да просто хочется знать, о чем это ты думаешь?

Почему все молчишь? Все ребята видят, как ты изменился. И отметки у тебя неважные. Много «посредственно»!

— Спроси лучше у своего Сашка!

— Брось Сашка, Олег. Он такой же мой, как и твой. Товарищ наш и пионер. Да и о чем его спрашивать? У него и без того одни «отлично».

— Да чего ты пристала, как смола?

— Я пристала, а ты отстал! От товарищей отстал. Сказал бы ты, Олег, все по правде. Может, что случилось? Или тебе помочь надо? Вот, например, о «посредственно». Так мы тебе все поможем. А то, смотри, проплывет парусник у нас мимо носа.

Олег вспыхнул:

— И чего вы все ко мне цепляетесь? И Василий Васильевич с отцом говорил и вожатый меня допрашивал... А теперь еще и ты. Ну, что я вам сделал?

— Плохо стал учиться, Олег. И вдобавок еще что-то скрываешь.

Глаза мальчика загорелись холодным, металлическим блеском, и сросшиеся брови сдвинулись еще ближе. Какую-то мысль, тайную и глубокую, увидела Галя в серых глазах Олега.

— Скрываю! — отвечал мальчик. — Правда, скрываю! А что именно, сейчас не скажу. Никому не скажу! Не могу сейчас. А придет время, может и скоро, все узнаете. И тогда поймете, кто такой Олег Башмачный!

И сегодня на большой перемене, шагая вместе с вожатым в физкультурный зал, Галина рассказала ему о своем разговоре с Башмачным.

Максим задумался.

— «Все поймете, кто такой Олег», — повторил он Олеговы слова. — Кто ж он такой, Галина?

— Кто знает! — пожала плечами Галина. — Так и не сказал ничего.

— Не надумал ли он, чего доброго, убежать куда-нибудь?

Девочка подняла на вожатого удивленные глаза.

— Ну, скажем, на Луну... Или куда-нибудь поближе, в стратосферу, что ли. А может, и на Северный полюс... Олег, я знаю, давно мечтает о героических подвигах и полюсе. Будто нельзя быть героем и здесь, ну хотя бы в нашей Слободке.

Однако ничего определенного не было в этих словах.

Странное поведение Башмачного так и осталось невыясненным.

О соображениях вожатого Галина рассказала Сашку Чайке. Сашко задумался.

— Куда он убежит? В Одессу? Ну, а дальше? У него и денег нет на билет.

— Максим говорит, что Олегу хочется быть героем.

— А тебе не хочется? А мне? Разве я не хочу быть героем? А другие ребята? Только для этого мы вот все вместе держимся и учиться стараемся получше. А он... А он на «посредственно».

Но что же случилось с Олегом — Сашко Чайка тоже не мог объяснить.

Теперь Чайка часто приходил к Галине учить уроки. Они помогали друг другу решать трудные задачи, потом мальчик читал вслух географию или литературу, а Галя слушала и быстро-быстро записывала карандашом в тетрадке — делала конспект.

Возле печки Сашко увидел несколько страничек с рисунками из какой-то книжки. Первая страничка уцелела, и мальчик прочитал: «Княжна Джаваха».

— Чарская,— пояснила Галина.— Я хотела прочитать да не успела. Василий Васильевич говорил, что не стоит тратить время на чтение подобных книжек.

И они заговорили о книгах. И у Сашка, и у Галины были любимые книги, о которых они вспоминали с горящими, влажными глазами. Судьба Дубровского из повести Пушкина вызывала у Галины острую жалость. Она рассказывала о ней Сашку и тот слушал, широко открыв глаза.

— Галя,— шептал он,— я знаю еще такого же. Только он был из крестьян. Слышала о Кармалюке?

Вдвоем они читали Пушкина и Лермонтова, Некрасова, Марка Вовчка, «Энеиду» Котляревского, замирали от восторга над повестями Гоголя. Сколько книжек на свете! Каждая из них по-своему волнует, и каждая оставляет в сердце неизгладимый след.

Волнуясь, они считали, сколько страниц оставалось до конца, им тяжело было расставаться с героями понравившихся книг.

Сашко Чайка достал в библиотеке «Мартина Идена» Джека Лондона. За шесть вечеров они прочитали книжку. Незабываемые вечера! Как волновала, как радовала

эта трагическая повесть юных читателей! Как радовались они каждому успеху Мартина! А когда Сашко дочитал до того места, где редакция журнала впервые принимает в печать рассказ Мартина, мальчик не выдержал. Он схватил горячими руками тоненькую руку девочки, в глазах его блеснули слезы. И оба они и смеялись и плакали, и в эту минуту им совсем не было стыдно этих слез...

А когда дочитали последнюю страницу, долго сидели неподвижно, взявшись за руки, бледные, с широко раскрытыми глазами. Конец книжки потряс детей. Они видели несчастного самоубийцу Мартина, одного в южном ночном море. Теперь ничто не спасет его. Далеко-далеко пароход с людьми, а над Мартином — только холодные голубоватые звезды...

— Мартин, зачем ты это сделал? — шепнула Галина.

Она смотрела куда-то в угол, поверх головы Сашка. Ее губы дрожали, глаза потемнели и стали еще глубже.

— Зачем ты это сделал, Мартин? — повторила девочка с такой тоской в голосе, с таким отчаянием, что у Сашка похолодело сердце.

Дружба Чайки и Галины крепла с каждым днем. Больше всего их сближало общее чтение. У них не было друг от друга никаких секретов. Сашка только очень сердило желание Галины скрыть их дружбу от товарищей.

Галя не хотела, чтобы их часто видели вместе. Она сердилась, когда Сашко при всех брал ее за руку. Она взяла с Чайки честное пионерское слово, что никто не узнает о том, что они вместе готовят уроки.

— Ну что ж тут такого, Галина? — допытывался Сашко.

— Не хочу! — коротко отрезала она.

— Разве это что-нибудь плохое?

— Не хочу!

Раздосадованный Сашко краснел и замолкал. Надутый, он сидел минуту-другую. Молчала и девочка, искоса поглядывая на него. Потом тихо брала его за плечо:

— Сашко...

Насупленное и застывшее, как из воска вылепленное, лицо Сашка понемногу менялось. Воск таял, из-за нахмуренной маски уже улыбалось добродушно лицо Чайки — улыбалось до новой стычки.

Однажды Сашко попросил:

— Галина, напиши мне письмо.

— Зачем это?

— Ну, просто так. Все пишут письма, когда дружат.

— Вот чудак! Для чего же писать, когда мы все время вместе, когда никто из нас никуда не уехал?

— Галинка, а ты так... словно... словно я далеко-далеко, за морем, а ты здесь одна. Напиши, Галина. Ну какая ты — не хочешь! А мне... мне так хочется получить от тебя письмо! Хоть записочку, хоть два словечка...

Галина кивнула головой.

— Напишешь? — обрадовался Сашко.

— А ответ будет?

— Три ответа, десять, сто!

— Ну, хорошо!

В скором времени и у Галины случилась большая радость. Вернувшись из школы, она увидела на столе письмо, адресованное отцу. Почерк был знакомый. Девочка сразу побледнела, у нее перехватило дыхание. Дрожащей рукой Галина взяла запечатанный конверт. Родной, знакомый почерк. Будто повеяло в комнате запахом маминых духов, будто мелькнули в воздухе широкие рукава ее домашнего голубого халата.

Конверт дрожит в ее руке. Это письмо от мамы.

— Мама,— шепчет Галина,— мама...

Отец вернется домой нескоро. Ждать столько времени невозможно. Ведь это вечность! (И почему так дрожат пальцы?) Мама! Родная, любимая мама! Галина думала о ней каждый день, только не говорила об этом, никому не говорила — ни отцу, ни Сашку... Она старательно учила уроки и никогда уже больше не получала плохих отметок. Она отличница, но кто знал, как часто просыпалась она по ночам, как горько плакала, зарываясь в подушки, от жгучего горя.

Галина стискивает зубы и разрывает конверт. Ее лицо горит, глаза блестят. Как сквозь туман, читает девочка дорогое письмо. Мать пишет, что она уже почти совсем выздоровела, целует свою любимую девочку, свою школьницу, спрашивает о ее успехах в школе. И, главное, собирается скоро вернуться домой.

Мама придет!

Галина чувствует неожиданно страшную усталость. Бессильно падает на стол рука. Как долго она ждала

этого дня, этой радости... Мама приедет... Она здорова.

И вдруг буйная радость заслоняет все на свете — и разорванный конверт, и отца, и усталость от неожиданных переживаний. Девочка кружится по комнате в каком-то фантастическом танце, дробно стучат по полу ее маленькие каблучки.

Отец пришел поздно, как всегда. Галина выбежала ему навстречу. Взглянув на возбужденное лицо дочери, доктор сразу понял — что-то случилось.

— Ну? — пылливо посмотрел на Галину.

— Угадай, папа!

Отец увидел, как прячет девочка за спиной руки, и сразу неясная догадка взволновала его. Но он молчал. Он боялся отгадать. Неужели письмо? Письмо от жены?..

Галина не выдержала:

— От мамы!..

Конверт мелькает в воздухе, у отца чуть заметно вздрагивают губы.

— Прости,— говорит девочка,— я распечатала без тебя...

И вдруг в восторге бросается ему на шею.

— Мама выздоровела!

* * *

Над морем безудержно буйствовала ранняя весна. Зеленая трава покрывала весь берег, лезла на обрывы, на прибрежные скалы. Казалось и серые камни наполнились живительными соками и вырастили на своей суровой груди первые нежные росточки. Словно само море вышло из берегов и хлынуло на Слободку зелеными волнами.

Тихими вечерами вспыхивали в темном небе изумрудные звезды, но и они были не такие, как зимой. Они сделались больше и налились трепетным искристым светом и, точно сорвавшись с вышины, низко повисли над морем и Слободкой. С неба порой долетал до земли далекий крик гусей — под весенними облаками летели дикие гуси, курлыкали журавли, и долго звучало их призывное курлыканье в теплом и тихом воздухе.

С наступлением темноты Василий Васильевич со звоном открывал стеклянную дверь на балкон и выносил свой «телескоп». Он заботливо и любовно устанавливал

его на треножнике и направлял на звезды. Ребята тесным кольцом обступали Василия Васильевича, и занятие кружка юных астрономов начиналось.

Позвав к себе Омелько Нагорного, директор был уверен, что мальчик серьезно заинтересуется астрономией,— недаром нет ни одной науки, полной таких тайн и нерешенных загадок, как астрономия. И Василий Васильевич не ошибся. В кружок, кроме Нагорного, записались Сашко Чайка, Яша Дереза, Галина Кукоба, Дмитро Озерков, Люда Скворцова и Степа Музыченко. Нагорного выбрали старостой кружка, и он с первого же дня показал себя завзятым «астрономом».

... Омелько нетерпеливо припал глазом к «телескопу». И какое странное чувство охватило мальчика, когда он увидел перед собой величественный желтый шар Луны.

Молчаливая пустынная планета одиноко плыла в холодном межзвездном пространстве. Омелько застыл. Затаив дыхание, он смотрел на бесконечные далекие горы и ущелья, на круглые лунные кратеры. Новый мир раскрывался перед ним... Какими ненужными и жалкими казались ему в эту минуту все «тайные лиги» и все «тайны гипноза» по сравнению с этой великой тайной мертвой планеты!

Вместе с тем трепещущее сердце школьника было полно невысказанной гордости за человека, за науку, за ученых, создавших могучие телескопы. Они изучили каждую точку поверхности, описали и дали название каждому кратеру на далекой ночной планете... Человек считал расстояние до каждой звезды, их пути в безграничных просторах вселенной! А не будет ли он, Омелько Нагорный, тем первым межпланетным путешественником, который смело опустится на ракетоплане на усыпанной кратерами бледной планете, называемой Луной?

Мальчик, не отрываясь, смотрел в подзорную трубу. Товарищи напрасно дергали его со всех сторон.

— Дадим ему еще пять минут,— сказал Василий Васильевич.

Он понимал, что творилось сейчас в душе Нагорного. Он сам переживал минуты немого восторга, когда увеличенная во много раз планета как бы приближалась к глазам и становилась доступной для наблюдения.

Когда Нагорный наконец оторвался от «телескопа»,

он казался пьяным. Глаза блестели, будто в них еще оставалось лунное сиянье. Лицо было бледным, голос звучал глухо и неестественно.

— Я был на Луне,— тихо сказал он.

— Ну и как там? — серьезно спросил Василий Васильевич.

В ответ Нагорный порывисто схватил руку директора:

— Василий Васильевич... Спасибо вам...

И, замолчав от волнения, больше не прибавил ни слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*из которой читатель узнает, кто посещает ночью
школьный чердак*

В напряженной, глубокой тишине что-то зашелестело. В густой темноте внезапно метнулся свет карманного фонарика и вырвал из мрака часть грязной стены. Светлая дорожка легла на деревянный пол, протянулась дальше, осветила маленькое окошко, упала на кучу трухлявого сена... Черная фигура присела на корточки и, присвечивая фонариком, начала старательно рыться в углу.

— Нету,— недовольно проворчал голос Олега.

Это был чердак. Чердак двухэтажного дома, где спрятан клад пана Капниста.

— Нету!.. — снова пробормотал мальчик. «Тут и искать негде,— подумал он.— Кругом голые стены».

Горькое разочарование (в какой уже раз!) медленно охватило сердце. Не пора ли бросить эту затею? Но воспоминание о письме отгоняло сомнения. Клад, конечно, существует. Дело только в том, что Олег не умеет его отыскать. Такой уж вредный этот клад, точно заколдованный — не дается в руки.

Хлопец не верил в колдовство. Это сказки. Однако же пан сумел-таки с Кажаном спрятать — днем с огнем не найдешь, а ночью и искать не стоит!..

Олег поворошил в углу кучу сена. И откуда оно здесь? Уж не спит ли в нем незнакомец с зелеными глазами?

Нет, в сене тоже ничего нет. Свет фонарика снова метнулся по стенам.

«А нет ли здесь какого-нибудь тайника?» — вдруг мелькнула мысль.

Олег начал ощупывать холодную стену. Да нет, глупости! Какие там тайники! И все же мальчик не перестает искать. Кое-где он постукивает. Если за стеной есть какая-нибудь каморка, по стуку можно узнать. А тогда... Каморка эта, понятно, будет не пустая. Но вот как ее найти?

Олег увлекся. Он простукивает стену. И вот... Что это? Нет, это не стена. Тонкая дверца гудит под рукой, как барабан. Сердце Олега едва не выскочит из груди. Он всем телом нажимает на стену. Трещит деревянная перегородка. Еще одно усилие. Еще...

Мальчик направляет свет фонарика в маленькую комнату. Ее дверцы незаметно замаскированы в стене. Олег застыл на пороге. Клад перед ним: тяжелые сундуки стоят один возле другого... В углу лежат толстые старинные книги в прочных кожаных переплетах. О каких путешествиях и опасных приключениях рассказывается в них?

«Книги надо отдать в библиотеку,— решает он.— Пусть все школьники прочитают...»

С потолка свисает большая люстра. Хрусталь переливается и блестит, словно фонтан из самых лучших в мире диамантов.

— Люстру возьмем в пионерский клуб,— шепчет увлеченный Олег.— Вот как все обрадуются! А Василий Васильевич скажет: «Ну, Олег, не думал я, что ты такой молодец! Чудесный клад нашел! Мы выполним твою просьбу. Ты поплывешь путешествовать на огромном ледоколе. К Северному полюсу, дорогой Олег! Я уверен, что ты вернешься героем!»

«Иначе и быть не может, Василий Васильевич,— отвечает ему Олег,— я буду героем!»

«Но что же в этих сундуках? — думает мальчик, направляя на них луч фонарика.— Что же в них?»

Ладонь Олега ложится на железную крышку сундука. Ой, какая она холодная! Словно стена! Стена... Это вовсе не сундук. Ладонь прикоснулась к холодной стене.

И нет никакой люстры...

Никаких книг...

Никакой комнаты...

Это были мечты... Только мечты...

Олег вздыхает. Усталость овладевает всем телом. Нет никакого клада. Ничего не найдет, видно, Олег. Разве нельзя поехать на Север и не найдя клада? Конечно, можно!

Олег садится на кучу сена в углу. Он сидит в темноте и думает, опустив голову. Мальчик забывает обо всем на свете. Забывает даже о том, что он на пустом чердаке и что на дворе ночь. А Олег пришел сюда в сумерки. Сколько же он тут пробыл времени? Час? Два? Наверное, не меньше. Уже ночь...

И вдруг мальчику становится ясно, что не поедет он ни на какой полюс. Неудача с кладом гнетет его. Он падает духом. «Кто возьмет меня на ледокол? — думает Олег.— Какой из меня герой? Клада, и то не нашел! И разве школьник может быть капитаном ледокола? Глупости, конечно, нет! А вот если бы попасть в такую школу... В капитанский техникум... Вот тогда бы другое дело! Ого! За год бы выучился на капитана. Разве не бывает детей-героев? Да и какой я ребенок? Подумаешь — «ребенок»! Небось, скоро четырнадцать лет!»

Ну, конечно, — в капитанский техникум! Вот это правильная дорога!

Мысли Олега то перегоняют друг друга, то текут спокойно, мирно. Капитанский техникум!..

Но идти все-таки надо. Пора!

Олег хочет нажать на кнопку электрического фонарика, но фонарик выскальзывает из рук и бесшумно падает в кучу сена.

— Вот тебе и на! — вырывается у мальчика.— Я без огня и дороги не найду!

Он торопливо обеими руками перерывает сено. Но фонарика нет. Так можно искать и до утра!

Олег озирается. Ему кажется, что на чердаке уже не так темно, как было раньше. Неужели светает? Нет, не может быть!

Мальчик видит на противоположной стене чердака сероватое неясное пятно. «Это окошко», — догадывается он. Но светлей же не от него. На дворе темная ночь. Просто глаза привыкли к темноте. Он продолжает искать, ощупывает руками вокруг себя, роется в сене.

«Так когда-то и Кажан искал письмо на улице,—

мелькнула мысль.— Но где же фонарик? Ага, наконец!»

Рука Олега нащупывает в сене какой-то твердый предмет. Нет, это не фонарик. Но что же?

Мальчик стоит, ошеломленный и растерянный. Он узнает неожиданную находку. Револьвер! Браунинг!

Мирная тишина чердака становится сразу зловещей и страшной. Тишина осторожно притаилась в углу. Кто-то враждебный и загадочный следит за каждым движением Олега...

Только бы найти фонарик... При свете можно было бы лучше осмотреть это стальное холодное оружие. Олег не знает, что ему делать дальше: слезать ли с чердака, или искать фонарик? И что делать с револьвером? Мальчик осторожно держит его в руке. Можно нечаянно нажать на курок, и тогда грянет выстрел. Револьвер, наверное, заряжен.

Посторонний звук приковал мальчика к месту. Скрипнула лестница. И снова скрип. Сомнения не было — кто-то лез на чердак.

Олег похолодел. И в ту же минуту бесшумно отступил в сторону. Он быстро крался вдоль стены. Вот широкий дымоход. Олег прижимается к нему всем телом. «Если что случится, буду стрелять»,— испуганно мелькает мысль, и... мальчик прячет револьвер в карман.

А затем настает такая тишина, что Олег ясно слышит, как колотится его собственное сердце.

Может быть, это напрасная тревога? Нет, снова скрипнула лестница. И снова тишина. И снова звуки. Что-то зашуршало, кто-то тяжело засопел и вылез на чердак. В темноте послышались тихие шаги. Кто-то осторожно ступал, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. И наконец, убедившись, что кругом нет ничего подозрительного, незнакомец уверенно направился в ту сторону, где было оконце.

Затаив дыхание, Олег выглянул из-за дымохода. Шагов за восемь от себя он увидел фигуру незнакомца и скорее угадал, чем узнал старого Кажана.

Первой мыслью Олега было — бежать. Но сейчас он ни за что бы не сказал, где находится вход на чердак. В эту минуту все перепуталось в голове.

Что-то шелкнуло под рукой Кажана, и ослепительный сноп света вырвался из фонаря. Старик стоял у стены и направлял свет в маленькое оконце. Высоко подняв

фонарь, он водил им по воздуху, то выключая, то снова включая свет.

«Не иначе как штепсель на стене», — подумал Олег, напряженно следя за каждым движением старика.

Вся фигура Кажана пряталась в темноте, темнота клубилась на чердаке черной сажей, и только яркий зеленоватый огонь посылал через оконце свой свет в далекий ночной простор...

«Что же это такое? Что же это? — думал тревожно Олег. — Это он кому-то подает сигналы... Сигналы подает...»

Стоя за дымоходом, Олег прижимал обе руки к груди, чтобы не слышно было бешеного стука его сердца. Что же будет дальше? А вдруг Кажан посмотрит за дымоход.

И, совсем как тогда, когда он стоял за калиткой с найденным письмом, мальчик снова пережил те же самые чувства. Ему захотелось сейчас очутиться дома, в тихой комнате, где ни одна вещь не напоминает ни этот чердак, ни старого Кажана. Мелькнули на мгновение лица матери, отца. И такими родными, такими недостижимыми показались они в эту минуту Олегу...

Кажан погасил фонарь и долго еще стоял неподвижно, всматриваясь в оконце и, может быть, ожидая ответа на свои сигналы. Эти минуты показались мальчику настоящей вечностью. Мучил вопрос: что же будет дальше? Откроет Кажан его убежище? И если откроет, тогда что?

Теперь уже не таинственность старого Кажана пугала Олега. Старик казался мальчику страшным злодеем, атаманом какой-то шайки убийц. Вот сейчас он подойдет к сену и начнет искать свой револьвер. Или, может быть, снова заскрипит лестница и на чердак соберется вся банда! И это очень вероятно. И, наверное, сигналы Кажана были каким-то условным знаком. Тогда конец Олегу, пощады не будет.

Мысли вихрем метались в разгоряченной голове мальчика. Напрасно он напрягал всю свою волю, чтобы найти выход из положения, в котором так неожиданно и бессмысленно очутился. Выход был только один — бежать, но Олег боялся двинуться с места.

Кажан повернулся, и мальчик услышал его шаги рядом с собой. Олег слышал тяжелое дыхание, слышал, как старик что-то проворчал про себя и пошел дальше. Заскрипела лестница, и все стихло.

Не сразу вышел мальчик из своего убежища. Только окончательно убедившись, что Кажан ушел и больше не вернется, охотник за кладом пана Капниста спустился по лестнице вниз. О своем фонарике, потерянном в сене, он забыл и думать. В кармане его лежала теперь новая находка, грозная и опасная.

На следующий день с самого утра Олег пошел к морю. В школу идти было рано. Наверное, Данилыч и двери еще не открывал.

Было чудесное апрельское утро. Олег шел, оглядываясь по сторонам. По дороге он то и дело встречал рыбаков, и это мешало ему разглядеть хорошенько найденный вчера револьвер. Тогда Башмачный повернул от берега и стал подниматься в горы по едва приметной тропинке.

Тропинка вилась между скалами и грудями серых камней, заросших кустами бузины и колючей дерезой. Всюду зеленел молодой бурьян, нежились на солнце бабочки, а под глиняным обрывом желтели кустики ранних весенних цветов.

Вчерашнее приключение на чердаке сейчас казалось таким же далеким и ненастоящим, как и ушедшая зима. Может быть, все это лишь приснилось? Нет, и вот — вещественное доказательство. Карман оттягивает тяжелый, завернутый в газету револьвер.

Олег бродил между скалами, перелазил через камни, любовался сверху огромным голубым полотном моря. Он уже рассмотрел находку. Револьвер был не заряжен. Но это не меняло положения, и мальчик понимал, что должен отдать оружие. Но кому? Конечно, пограничникам.

Надо сегодня же после уроков пойти к начальнику заставы и рассказать о Кажане, о его сигналах.

Теперь Олегу было ясно, что Кажан — враг, поддерживающий связь с неизвестными, он их прячет, подает им сигналы в темные ночи.

Острая тревога мучила Башмачного. Как хорошо, что он рассказал начальнику заставы о незнакомце в каморке и Кажане!

Конечно, можно было бы отдать револьвер и Василию Васильевичу, а тот бы сам отнес его, куда следует.

Но...

И тут все дело в этом маленьком «но». Несомненно, после правдивого рассказа Олега последуют вопросы: «А что ты делал ночью на чердаке?» Признаться, что искал клад? Ни за что! Стыдно. Вот если бы он нашел клад. Тогда был бы героем. Так по крайней мере думал сам Олег Башмачный. Но теперь, когда его постигла неудача, сказать правду о своих поисках — это значит накликать на свою голову насмешки всех школьников. Они то уже обязательно узнают обо всем! А насмешек Олег боялся больше всего.

А не лучше ли сначала рассказать все Максиму? Если его попросить, он никому не расскажет о том, как Олег искал клад. И с ним вместе пойти к начальнику заставы.

Возможно, так и нужно сделать. Но пока что револьвер надо спрятать. Не идти же с ним в школу! Ну, а после уроков вдвоем с Максимом — к пограничникам! Вот удивится начальник заставы, когда Олег положит перед ним на стол черный браунинг!

Блуждая в горах, Олег случайно набрел на пещеру. Вход в нее прятался в кустах дерезы, и, несмотря на близость тропинки, пещеру было очень трудно заметить.

Олег обрадовался. Лучшего места для того, чтобы спрятать оружие, нельзя и найти. В пещере стояла полутьма, было тихо и пахло сыростью. Мальчик спрятал револьвер в уголок и положил на него камень.

«Вот где хорошо играть в красных партизан,— подумал Олег.— Устроить тут партизанский штаб — и белые никогда не найдут».

И в самом деле, это был чудесный уголок, но Олег ошибался, думая, что пещеру открыл именно он, что знает о ней только он один.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О буре на море, неизвестном и исчезнувшем браунинге

Солнце припекало, как летом, и море, похожее на искрометный сапфировый ковер, чуть-чуть дышало, спокойное, убаюканное горячим солнечным светом. Все предвещало прекрасную погоду, но дед Савелий, провожая утром дочку в море, посмотрел на небо и сказал:

— Ну и духота! Дождь будет? Слышу, слышу. Да еще какой дождь! Гроза...

Дед Савелий Чайка не ошибся. Перед заходом солнца на горизонте стали собираться тучи. Тучи росли, закрывая вечернее солнце, и только там, где оно спустилось, еще долго дрожала и светилась розовая, зеленая и оранжевая полосы. Последние зеленоватые лучи как будто не хотели умирать. Они вырывались из черных облаков, высоко взметнувшись в небо. Но тучи поднимались все выше и выше, густой ватой висели над морем. Последние лучи заката побледнели и незаметно растаяли.

Ночь подходила черная, лохматая. В полночь, словно сорвавшись с цепи, налетел «широкий» и погнал на берег высокие буруны. Море заревело, запенилось. Где-то далеко, на самом горизонте, блеснул луч прожектора сторожевого катера, но и этот луч захлестнули разозленные волны и непроглядная ночь.

Небольшая лодка танцевала на гребнях высоких валов. Это был страшный танец — танец ореховой скорлупы в открытом море. В лодке сидел человек. Впрочем, слово «сидел» было бы неверно. На самом деле он стоял на коленях и изо всех сил боролся с бурунами. Лодка

медленно, но уверенно шла к берегу. Человек греб двумя веслами, казалось, не обращая внимания на холодные струйки, бежавшие по спине.

Незнакомец был совершенно спокоен. И только когда вдали широкий луч прожектора рассекал темноту, он невольно нагибал голову и даже на мгновение переставал грести. Незнакомый знал — это прожектор катера пограничной охраны. Он знал: задень только ослепительный луч хоть краем его маленькую лодку — и тогда конец! Ему никуда не убежать от быстроходного советского катера, вооруженного пулеметами.

Незнакомец напряженно вглядывался вперед, в темноту. Он скрипел зубами и от неимоверных усилий и тревоги, которая с каждой минутой становилась сильнее и сильнее.

— Ни одного огонька! — хрипло выговорил он. — А, ч-черт!..

Лодка едва не перевернулась. Боковая волна ударила неожиданно.

— А, ч-черт!..

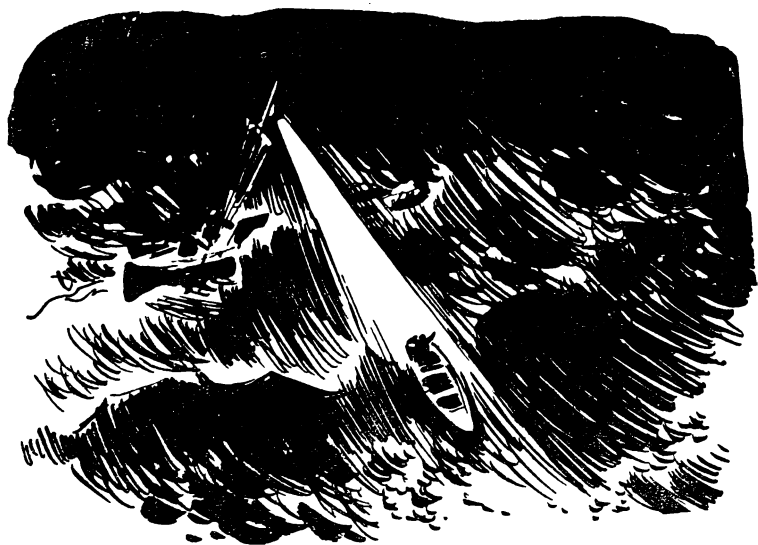
И снова лодка то взлетала на крутой гребень, то с размаху падала вниз, в черную кипящую бездну.

Незнакомец знал, что до берега оставалось не больше двух километров. Он был прекрасным гребцом. Последние три месяца были посвящены упорной ежедневной тренировке. Два километра — чепуха, но море с каждой минутой становилось все страшнее. И теперь это расстояние начинало казаться бесконечной дорогой, пройти которую уже не хватит сил.

А больше всего волновало то, что на берегу не видно условного сигнала. Ни один огонек не блестел в той стороне, где должен быть рыбацкий поселок Слободка.

Голубоватый свет прожектора снова пронзил ночной мрак. Незнакомец тревожно оглянулся и из последних сил налег на весла. Луч прошел мимо, не задев лодки.

Вдали слышался грохот, похожий на пушечную пальбу. Незнакомец знал, что означает этот грохот. Он давно уже прислушивался к нему, жадно и нетерпеливо. Это морские буруны с силой штурмуют скалистый берег. Берег! Он все ближе и ближе! Это придает незнакомцу новые силы. Он уже не думает о том, что встретит его там, на берегу. Только бы скорее кончилась эта качка, эта упорная борьба с разгневанной стихией! Свет про-

жектора снова и снова нашупывает бурную поверхность моря. И каждый раз незнакомец невольно пригибается и сжимается, словно волк, почуявший занесенный над собой топор. И разве он не хищный и опасный зверь, который ползет на животе, подкрадываясь к кошаре?

Грохот уже близко. Незнакомец может уже рассмотреть в темноте седую бороду прибой. И в ту же минуту ослепительный свет падает сверху в кипящую морскую бездну. От страшного взрыва, казалось, расколосось небо. Молния ослепила глаза, гром упал на темя тяжелым, чугунным молотом. Хлынул ливень. Бурун подкатился сбоку и ударил в борт, вырвав весло из уключины. Лодка вздрогнула, завертелась и, перевернувшись, накрыла незнакомца. Но человек успел вынырнуть. Предвидя это, он еще раньше сбросил с себя башмаки и часть одежды, что его и спасло. Он мог плыть. Но новый, еще более сильный бурун подхватил его и бросил на камни...

В молодости дед Савелий был не только рыбаком. Частенько хаживал он и на охоту. Как-то вместе с товарищами забил он на охоте волка. Зверь упал, пронзенный несколькими пулями. Он лежал, бездыханный

и неподвижный. Но, когда охотники подошли ближе, волк поднялся и, шатаясь, побежал. Вслед ему загремели выстрелы, но было поздно: зверь исчез в лесу...

Должно быть, такая же волчья живучесть была и у незнакомца. Целый час лежал он на берегу, на камнях. И только отлежавшись, оперся на локти и стал на колени. Он пополз. Каждое движение удаляло от бурунов, но ползти было трудно.

Обессилов, упал и снова лежал долго-долго. Потом перевязал разбитую ногу обрывком рубашки и попытался встать. Это ему не удалось, и он снова пополз между скалами. Над самой головой грозно грохотал гром, гремел и громил черные гребни туч. В непроглядном мраке выросла внезапно каменная стена. Что это? Неужели какое-нибудь жилище?

Незнакомец подался влево, потом вправо, но всюду его рука встречала только камень и камень. Уж не попал ли он в ловушку? Ощупывая стены, убедился, что земля под рукою сухая. Ни одна капля не попала сюда. Значит, вверху есть какая-то защита. Может быть, крыша?

Незнакомец прислушался. Далеко-далеко внизу ревели море, но сюда его грохот доносился глухо, едва слышно. Тогда незнакомец понял: это пещера. Лег и вытянулся. Что-то давило в бок. Вспомнил — часы. И вдруг снова проплыла последняя мысль: «А почему же не было сигнала?»

* * *

В горы поднимались двое — Олег и Максим. Дорожка ползла все выше и выше, то исчезая за поворотом, то снова появляясь среди скал. В теплой солнечной лазури поворотно кружились стрижи.

— Эх, ты!

Олег вопросительно посмотрел на вожатого:

— Что?

Максим усмехнулся.

— Мой клад лучше. Несомненно. Я говорю о сказках, которые записываю от старых людей... И разве они не сокровище? Ты только представь себе — столетняя народная мудрость, подлинные жемчужины живого творчества! А клад пана Капниста, во-первых, не найден, во-вторых...

— Ты же обещал никому не говорить...

— Помню, помню, нас сейчас никто не слышит. Напрасно ты мне раньше не рассказал о письме. Что же касается браунинга...

— Уже близко,— перебил Олег.

Вскоре они остановились перед круглым широким отверстием между скал. Олег раздвинул кусты дерезы и, наклонившись, шагнул вперед. За ним — вожатый.

— Ничего себе, хороший тайник,— сказал он, оглядываясь.— Ну, где же твое оружие?

— Где же твой револьвер? — повторил свой вопрос вожатый. Но Башмачный не ответил. Он растерянно стоял посреди пещеры.

— Вот тут я положил его. Под этим камнем,—наконец пробормотал мальчик. И, вдруг сорвавшись с места, бросился лихорадочно переворачивать все камни, какие были в пещере. Затем он выпрямился и молча посмотрел на Максима, потный и сбитый с толку. Револьвер исчез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Профессор межпланетной авиации находит браунинг на Марсе

Марс приближался со страшной быстротой. Казалось, ракета стоит на месте и это сама черно-красная планета мчится мне навстречу. Правда, теперь она уже была не красной. В круглое окошечко из прозрачного кварца я уже мог различить оранжевые равнины пустыни, зеленые полосы растительности, белую шапку снегов на полюсе.

Рука не отрывалась от рукоятки управления, но глаза жадно вбирали в себя приближающуюся планету. Я видел то, что всю жизнь больше всего волновало меня. Я видел глубокие величественные провалы. Они пересекали Марс по всем направлениям. Вот они, широкие трещины, которые у нас на Земле столько лет принимали за каналы. Я видел уже и светлые пятна озер, видел море... Но водных просторов было мало. Всюду желтели пустыни.

Я приготовился ступить на поверхность Марса. Не буду рассказывать подробно, как свершилось само приземление (или, может быть, надо сказать «примарсение»!)

Ракета села в море. Волна ударила в окошечко иллюминатора. Это была самая обыкновенная зеленая морская волна, как и в родном Черном море.

Но не успели волны перекатиться через ракету, как она уже легко и быстро мчалась по воде, рассекая острым носом гребни бурунов. Скорость ее уменьшалась довольно медленно, и я боялся наскочить с разбегу на какой-нибудь островок или риф. И в то же время упорно, сантиметр за сантиметром, выпускал щит Цера. Наконец четырехугольный стальной щит закрыл весь нос ракеты. Это был прекраснейший тормоз. Скорость уменьшалась с каждой минутой. Теперь приходилось бороться с бурунами, встававшими стеной перед стальным щитом. Еще полчаса... Еще час... Ура! Ракета остановилась! Теперь она плавно покачивалась на волнах, эта металлическая сигара, межпланетный корабль, чудесное изобретение социалистической техники!

Измученный вконец, я не нашел больше сил, чтобы причалить к берегу, и заснул крепко тут же, в покойном кресле. Спал я, должно быть, очень долго. Меня разбудил непонятный шум. Кто-то царапал металлическую поверхность ракеты. Я вскочил и бросился к иллюминатору. Ракета спокойно покачивалась на воде. По-прежнему было светло. Может быть, настал уже новый день — я не знаю. Какой-то всплеск в нескольких шагах от иллюминатора привлек мое внимание. Вдали маячил берег. Я сел за руль. Голова была совершенно ясной, я чувствовал себя чудесно. Нажал кнопку и почувствовал легкий толчок. Ракета плавно и быстро поплыла вперед.

Возле берега затормозил ход с помощью щита Цера и стал готовиться к выходу. Воздух! Воздух тут слишком разрежен для наших легких, и я заранее надел на себя скафандр из специальной ткани абецеи. За полчаса я отвинтил крышку люка и до пояса высунулся из ракеты. И снова заметил легкие всплески, будто кто-то стремглав бросился в воду, прячась от моего взгляда.

Берег был высокий, глинистый и неприветливый. Неподалеку росли какие-то незнакомые мне деревья с красноватыми стволами и узкими, стрельчатыми листьями. На расстоянии одного-двух километров поблескивало озеро. Очень длинное, оно пересекало рыжую равнину и терялось где-то на горизонте. Я решил совершить небольшую прогулку к этому озеру. Кислородный аппарат

сбоку скафандра действовал великолепно, я шел легко и быстро.

Трудно рассказать о тех чувствах, которые охватили меня. Я был первым человеком, попавшим на Марс! Правда, двадцать шесть лет назад с Земли поднялся в ракету знаменитый Бруно Циони со своим учеником Демидом Семиряжко, но нам неизвестно до сих пор, что случилось с ними. Долетел ли до Марса их межпланетный корабль? И, конечно, весьма вероятно, что оба аэронавта стали жертвой какой-то неизвестной катастрофы.

Я стоял на берегу озера. С края, на отмели, тихо колыхались красные водоросли, дальше темнела глубина. Нигде не было видно ни одного живого существа. Да и есть ли они на Марсе?

Мороз пробежал у меня по спине. Я вспомнил о ракете, оставленной у берега на произвол судьбы. Правда, я бросил надежный якорь, но разве я знаю, что может случиться в мое отсутствие с межпланетным кораблем?

Стремглав я кинулся бежать. И тут в первый раз меня охватило то неприятное чувство, когда ощущаешь всем своим существом чьи-то внимательные, стерегущие каждый твой шаг невидимые глаза. Спеша вдоль озера, я невольно оглянулся на спокойную, словно застывшую воду. Несколько десятков кругов быстро разбежались во все стороны — будто кто-то только что бросил туда камень. Я не слышал ни одного всплеска, но теперь уже был уверен, что это оттуда, из глубины озера, следят за мной настроженные, неотступные глаза.

Я повернул налево и побежал по глинистой равнине прямо в ту сторону, где была ракета. Отбежав довольно далеко от озера, остановился и огляделся снова. Приблизительно за полтора километра (там, где я только что был) шевелились на солнце какие-то черные существа. Я поднес к глазам бинокль и увидел этих животных так близко, будто они были всего в нескольких шагах от меня.

Животные. Так я их называл сначала. Но уже через минуту я был уверен в том, что имею дело с разумными существами, которые ведут на меня правильное наступление. Издали их движения были похожи на прыжки лягушек. Неизвестные существа подтягивали длинные задние ноги к коротким передним, затем поднимались на задние ноги, делали движение вперед, вытягивались,

снова опускались на передние ноги. (Может быть, правильнее было бы их назвать руками. В свой прекрасный бинокль я мог разглядеть и на таком расстоянии длинные развитые пальцы с перепонками для плавания).

Но это не походило ни на прыжки, ни на шаги, ни на ползание. Если хотите, это было и ползание, и ходьба, и прыжки вместе взятые. Это было медленное, размеренное, но неудержимое методическое движение вперед.

Продолговатое тело неизвестных существ оканчивалось маленькой круглой, шаровидной головой, тоже чем-то напоминающей жабыю голову. Может быть, это сходство подчеркивали пара выпуклых глаз и длинная линия рта. Существа шли правильным полукругом. За первым рядом двигался второй, за вторым — третий... Их было не меньше нескольких сотен. На солнце черная кожа блестела, как лакированная, но, когда существа поднимались на задние ноги, было видно отвратительное белое брюхо.

Не надо и говорить, что появление такого количества живых существ возбудило не только любопытство, во мне проснулся страх за свою жизнь. Острое чувство опасности пронизало меня. Я снова бросился бежать и успел к ракете вовремя. Несколько десятков этих существ уже облепили металлическую оболочку межпланетного корабля. Это были такие же чернокожие существа, как и те, которые наступали с озера. При каждом движении мелькали их белые животы. Круглые головы на длинных и гибких шеях, как у морских львов, с любопытством смотрели в разные стороны.

Я не сомневался, что вижу марсиан — властителей этой планеты. Они тесным кольцом окружили открытую дверцу ракеты, но, услышав мои шаги, подняли на меня свои выпуклые черные глаза и медленно, один за другим, исчезли в воде. Марсиане, как видно, одинаково хорошо чувствовали себя и в воде, и на земле, в этом разреженном воздухе. Но широкие перепонки на длинных пальцах рук и ног и короткий, как у бобра, похожий на весло хвост говорили о том, что родная стихия этих существ — вода.

Я быстро поднялся по лестничке и через несколько мгновений был уже в каюте ракеты. Я бросился закрывать люк, когда вдруг услышал за спиной звук, похожий на шлепанье босых ног по полу. В двух шагах от

меня на задних ногах стоял марсианин. Длинный рот его был полуоткрыт. Я видел мелкие зубы и красный язык. Я успел заметить на том месте, где бывают уши, две продолговатые щели, которые то сужались, то расширялись. Это были жабры!

Не успел я и пошевелиться, как марсианин внезапно оттолкнул меня от люка, открыл его и исчез.

Я растерянно оглянулся. И вдруг увидел револьвер. Он лежал на моем кожаном кресле. Это был браунинг. Откуда этот браунинг? Оба моих автоматических скорострела были со мной. Но этот... револьвер... Откуда он? Кто его принес и положил сюда, на мое кресло?

Следы мокрых пальцев с перепонками вели к креслу и поворачивали обратно. Невероятная догадка блеснула в моей голове.

«Нет, это невозможно, невозможно!» — бормотал я, чувствуя в то же время, что разгадал необыкновенную загадку. Нет сомнения, что браунинг принадлежал когда-то тем храбрецам, которые первыми прибыли сюда, на Марс, и, наверное, погибли вследствие какой-нибудь катастрофы, а может быть... были уничтожены марсианами. О, Бруно Циони и Демид Семиряжко! Вот доказательство, что вы были тут! В своих руках вы держали этот револьвер! Может быть, расстреляв последние патроны, вы погибли здесь под лавиной этих белопузых земноводных марсиан...

Я внимательно осмотрел браунинг. Он, казалось, еще хранил следы холодных длинных пальцев с перепонками?.. Но зачем марсианин принес мне револьвер? Не хотел ли он этим показать, что люди уже когда-то побывали на Марсе? Во всяком случае, это был дружественный знак. Дружественный? А вдруг, наоборот? Может быть, это только предупреждение, что и от меня, если я не захочу покинуть Марс, может остаться только холодный ржавый револьвер?

Мои размышления были прерваны криками на берегу. Я услышал впервые, как кричат марсиане. Этот крик был похож на рев морских львов. Я бросился зачинчивать крышку и, скажу, сделал это как раз вовремя. Глухие удары посыпались на металлическую оболочку. Казалось, что марсиане дружно бьют по ракете громадными камнями. «Вот тебе и дружественные знаки! — подумал я. — Правда, оболочка достаточно крепка, но...»

Удары посыпались градом. Я посмотрел в иллюминатор. Весь берег был усеян марсианами.

Я не успел и опомниться, как уже перед самым иллюминатором замелькали их страшные рожи с круглыми, как у рыб, выпученными глазами. И в ту же минуту вся ракета вздрогнула от страшного удара. Казалось, целая скала обрушилась на мой межпланетный корабль. «Эге, это уж чересчур,— подумал я.— У этих марсиан, видно, совсем нет совести, если они вздумали уничтожить такое чудесное изобретение человечества!» — Я нажал кнопку. Раздался легкий взрыв, и ракета, покачиваясь, быстро поплыла в открытое море. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать свое положение. Я был на Марсе и не мог выйти из своего ракетоплана. Неужели мне придется начинать войну? По правде сказать, войну уже начали марсиане, но разве я прилетел сюда для драк?

Ракета остановилась далеко в море. Ночь прошла спокойно, но утром я с тревогой заметил что-то новое и непонятное для меня: медленно, очень медленно, но совершенно явно ракета погружалась в воду. Она опускалась все глубже и глубже. Я бросился к иллюминатору. Он был уже в воде. Что-то заскрежетало. Неужели опять марсиане? И тут я заметил на всех иллюминаторах какие-то тонкие зеленые, переплетенные между собой тросы. Было похоже, что какие-то крепчайшие сети тянут ракету на дно. Я вспомнил о нижнем иллюминаторе и жадно припал к нему. В прозрачной воде далеко внизу я увидел сказочный лес красных водорослей. Толпы марсиан сновали между этими водорослями. Все они смотрели вверх, на ракету. Голубоватое феерическое сияние разливалось в подводном царстве.

Что-то встряхнуло мой корабль, и он стал опускаться все быстрее и быстрее. Через минуту, впрочем, он уже не опускался, а стремительно летел вниз. Я со страхом увидел острую подводную скалу, на которую неминуемо должна была сесть ракета. Это равносильно гибели, и я понимал это. Марсиане выбрали удобное место для уничтожения непрошеного гостя с Земли.

Для того чтобы схватить руль и повернуть его, достаточно было одной секунды. Я успел сделать это, и два взрыва глухо отдались в ракете. Она вздрогнула, равнулась вперед, вырвалась на поверхность моря и... поднялась в воздух. По ошибке схватив другой руль, я дал

ракете «полный ход». И это означало возвращение домой... На Землю!..

...Пилот межпланетного корабля закончил свой рассказ. С минуту глубокая тишина царила в комнате Василия Васильевича. Все были под впечатлением услышанного. Потом посыпались вопросы, зазвенел смех...

Дорогой читатель, ты уже, верно, все угадал. На этом последнем перед экзаменами собрании кружка юных астрономов Омелько Нагорный делал доклад о «путешествии на Марс». Я пересказал его по-своему, не прибавив в то же время ничего к приключениям Омелька.

— Поздравляю со счастливым возвращением на Землю!—Василий Васильевич крепко пожал Нагорному руку.

И тут все наперебой со смехом стали жать руки своему товарищу, как будто он и вправду только что вернулся из опасного путешествия. А Омелько, делая вид, что он и в самом деле совершенно серьезно принимает все эти знаки почтения, важно кивал головой и приговаривал:

— Не забывайте, граждане, только прибавлять «профессор». Профессор межпланетной авиации Нагорный. Прошу! Пожалуйста...

И у Омелька было такое комичное выражение, что даже Василий Васильевич не выдержал и захохотал.

Понемногу шум утих. Доклад стали обсуждать серьезно, по-деловому.

— Эх, и путешествие! — мечтательно проговорила Люда Скворцова.

И все сразу подумали о космических просторах, о ледяном холоде межпланетного океана, о невообразимых расстояниях, отделяющих планету от планеты, о кроваво-красном Марсе — маленькой звезде на ночном небе... И никто не заметил, как за окном за клубились тяжелые черные тучи, как заревело море, как загремел вдали гром...

— Подожди, межпланетный пилот,—вдруг громко сказал Яша Дереза.— Ты не кончил. А куда же ты девал револьвер, который тебе принес в ракету марсианин?

— Револьвер? — спокойно переспросил Нагорный.— Да он и сейчас у меня.

И с этими словами Омелько вытащил из кармана и положил на стол перед ошеломленными слушателями черный браунинг.

— Товарищ начальник, вас хотят видеть двое... из Слободки.

— Кто такие? По какому делу?

— Какой-то мальчик и пионервожатый из Слободской школы. Говорят, по важному делу.

Начальник заставы отодвинул бумаги.

— Пусть войдут.

Красноармеец открыл дверь, и в комнату вошли Олег Башмачный и Максим. Начальник сразу узнал Олега и Максима, последнего он видел, когда вожатый приходил с пионерами в гости к пограничникам. От внимательных, острых глаз начальника не скрылось и волнение, которое так старался спрятать Олег.

Максим переглянулся с Олегом. Башмачный молча кивнул головой, и вожатый начал говорить. Он рассказал о Кажане с фонарем на чердаке и, наконец, о найденном там же, на чердаке, браунинге и его таинственном исчезновении. Олег дополнил рассказ вожатого. И, рассказав, почувствовал, какая тяжесть свалилась с плеч. И сразу перестал волноваться, только щеки еще краснели, как маков цвет.

Начальник слушал внимательно и наконец сказал:

— Опоздали, ребята, немножко: еще вчера ночью арестовали мы вашего Кажана. Он ведь и в самом деле укрывал нарушителей границы.

— Арестовали? Прятал нарушителей границы? — вы rvalось у Олега. — А как же его брат?

— Какой еще брат?

— Ну, обыкновенный брат? Тот, что к нему собирался, о котором в письме было...

Начальник засмеялся:

— «Брат»! Много было у него таких братьев... Фашистские шпионы, диверсанты. Теплая компания... Сведения ты принес интересные, и мы их запишем...

— А как же... клад? — спросил Олег.

— Нашли и клад, — начальник снова улыбнулся. — Огнестрельный клад. Слышал о таком?

Башмачный понял — оружие.

— Мой клад немного иной, — шепнул ему вожатый.

— Вот только относительно браунинга, — продолжал

начальник,— мне не совсем ясно. Зачем ты его отнес в пещеру? Ага, так, так. Ты пошел в школу. Тогда понятно.

Олег не успел ответить. Он удивленно открыл глаза и встал со стула. В комнату вошел Василий Васильевич. Увидев Максима и Башмачного, директор школы на мгновение остановился, но сейчас же подошел к начальнику, поздоровался с ним за руку и молча положил перед ним револьвер. Это был браунинг.

Омелько Нагорный даже на собрании юных астрономов не мог удержаться, чтобы к истории своего фантастического путешествия на Марс не приплести черный и вполне реальный браунинг, найденный им накануне в пещере. И это был, конечно, тот самый револьвер с чердака, который Олег спрятал под камнем.

Когда Василий Васильевич вместе с Башмачным и Максимом возвращались в Слободку, директор по-отцовски взял Олега за плечи:

— Героем, говоришь, хотел стать? Об Арктике мечтал? Эх ты, герой, герой...

— Я и теперь мечтаю об Арктике, Василий Васильевич.

— Вот и прекрасно. Об Арктике, о путешествии на Луну, на Марс... Хорошо. Мечтать надо. Но для этого прежде всего надо быть героем учебы. И только тогда мечты станут действительностью. Мечта без дела — это... Стой! Ты ничего не видел? Там, между камнями... Чья-то голова выглянула и спряталась за скалу.

Все трое остановились. Максим сорвался с места.

— А ну-ка пойдем посмотрим.

Олег и Василий Васильевич поспешили за вожатым. За скалой и между камнями не было никого.

— Вам показалось, Василий Васильевич,— сказал Максим.

— Да, верно. Нет никого. Странно, странно. Должно быть, глаза обманули. Ну что ж, старею! — Василий Васильевич покачал головой. Всю дорогу он шел молчаливый и рассеянный. И уже возле самой школы сказал:

— Много тут и моей вины. Не раскусил я раньше этого Кажана... Не раскусил.

Два года тому назад как раз в этих местах были маневры частей пограничной охраны. От жарких «боев» остались хорошо спрятанные между скалами ямы пулеметных гнезд. В одной из них сидел незнакомец. Он переместился сюда из пещеры, из той самой пещеры, куда попал в первую же ночь своего пребывания на советской земле.

Оставаться в пещере было опасно: не было сомнения в том, что кто-то ее посещает. Утром незнакомец обнаружил на песке отчетливые следы ботинок. И, хотя было видно, что следы принадлежат, наверное, какому-нибудь мальчугану, встреча с ним все же не входила в программу. Разбитая нога заживала очень медленно, ходить он не мог. Одно это вызвало бы сильное подозрение.

Яма заросла бузиной. Кусты колючей дерезы обступили ее со всех сторон. Прятаться здесь было очень удобно, и неудивительно, что Максим и Олег ничего не заметили. Незнакомец слышал их голоса совсем близко от себя, он слышал и слова Василия Васильевича о голове между камнями. Незнакомец, конечно, не знал этих людей, что-то искавших между скал, но он все же проклинал свою неосторожность, скорчившись на дне ямы.

Еды в кожаной сумке оставалось самое большее на три дня. Эту сумку, крепко привязанную к спине, он спас вместе с жизнью, вырвавшись из разгневанных морских бурунов. А что же будет дальше?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

*О том, как Галина писала Чайке записку
и что из этого вышло*

До школьных экзаменов осталось всего две декады. Как быстро, как незаметно пролетят эти двадцать дней!

Школьники все время отдавали учебе. По вечерам в школе не слышно уже многочисленных шумных кружков.

Школьный журнал тоже на время прекратил свое существование. Сашко Чайка — и тот не находил свободного времени для стихов. Теперь и на переменах ребята не расставались с учебниками, повторяя без конца уроки.

Василий Васильевич каждый день просматривал от-

метки учеников. Шестой класс шел первым. Немного отставал только Олег Башмачный, но вскоре исправился и он, перешел на «хорошо» и только по литературе еще имел «посредственно».

Никто не знал, каких усилий стоило Олегу идти в ногу с отличниками. Он сел за книжки, экзамены приближались. Плестись сзади стало невозможным. Весь класс успевал хорошо, и каждому уже мерещились летние каникулы — чудесный парусник, пионерские костры и дальние походы.

Как бы он смотрел в глаза товарищам, если бы из-за него класс не получил парусника и все мечты развеялись, как дым? Да и каким он будет капитаном, если учится хуже всех в классе?

— Слушай, Башмачный,— остановила как-то Олега Галина,— ты и дальше думаешь ехать по литературе на «посредственно»?

— А это тебя очень интересует?

— Это интересует всех твоих товарищей.

— Ну и пусть себе на здоровье!

— Послушай,— покраснела Галина,— ты дурачком не прикидывайся. Я тебе серьезно говорю.

— Подумаешь — звеньевая!

— Звеньевая... Вот если бы ты больше любил стихи и поэтов, то наверное бы получал «отлично» по литературе.

— Ха! Вспомни, как я твоего Сашка на обе лопатки положил? Видели мы таких «поэтов»!

Галина вскипела:

— Дурак!

— Дурак! Это что же, по-пионерски? Звеньевая! Ну, подожди! По литературе у меня «отлично» еще будет, а «дурака» я тебе не прощу!..

У Галины целый день было неприятно на душе. «И вправду нехорошо вышло. Борюсь с руганью, а вот сама... Уж очень он раздражил меня, не выдержала...»

«И какие только бывают люди! — думала девочка.— Что ни школьник, то и привычки и слова — все по-разному... Олег вон какой, а вот Яша Дереза другой совсем. А Нагорный и совсем ни на кого не похож. И у Сашка тоже свои привычки».

При мысли о Сашке Гале сразу стало и весело и спокойно. Галя посмотрела на его спину, наклоненную над

партой. Она вспомнила, как просил Сашко написать письмо. «Чудак! — улынулась Галина. — И зачем ему нужно это „послание?“».

Был урок естествознания. До перемены оставалось всего несколько минут. Галя быстро написала на промокашке:

«Сашуня! Подожди меня, пойдем домой вместе. У меня есть хорошая новость. Ты — мой дружок, и поэтому эта новость будет радостной и для тебя. Галина».

Девочка сложила вчетверо розовый листочек и хотела уже незаметно передать его Сашку. И вдруг чья-то рука мелькнула перед ее лицом, и...

Записка исчезла. Сзади послышался тихонький смешок. Галя обернулась и увидела торжествующее лицо Олега. Нарочито медленным движением мальчик прятал в карман розовый листочек промокательной бумаги.

Галина подскочила от возмущения и гнева.

— Отдай! — прошипела она.

— Отдам когда-нибудь, — ответил, посмеиваясь, Олег.

— Отдай!

— После дождика в четверг.

— Слушай, ты... Отдай!

— Обязательно. На тот год, в эту пору...

После урока Галина загнала Олега в уголок и, красная, с блестящими глазами, требовала:

— Сейчас же отдай! Слышишь? Не имеешь права хватать чужую записку. Это нечестно, не по-пионерски...

— А писать записки на уроке — это по-пионерски? Не отдам!

— Если ты мне ее сейчас же не отдашь, я...

— Ну, и что ты сделаешь? Подумаешь, испугала! Вот подожди, я ее сначала перед всем классом прочту, а тогда, конечно, можно будет и отдать. Пускай все знают, какие записки пишет поэту звеньевая Кукоба... «Подожди меня, мой любимый дружок...»

— Нет там «любимый»... А если б и был...

— Как это нет? Есть! — настаивал Олег. — Забыла, что и писала?

Кровь стучала в висках Галины. Она не знала, что делать с этим... негодяем, с этим нахалом. Пожаловаться Василию Васильевичу? Но тогда Олег, конечно, покажет ему записку... «Мой любимый дружок»... Наверно, там так и написано...

Горячий стыд жжет сердце. Все узнают... Весь класс...

— Олег, послушай! Ты никому не скажешь... Ты мне отдашь...

— А дальше что?

— Слушай... Я помогу тебе по литературе...

— Мне и так предлагают помогать, да я не хочу. Что я сам вызубрить не могу?

— Так разве здесь нужно зубрить? Тут надо...

— Да ты мне нотации, кажется, собираешься читать? Ты лучше вот что...

На минуту Олег задумался.

Галина напряженно ждала, что он скажет.

— Ты вот что... Дай мне списать домашнее задание... По... по литературе. Я б и сам написал, да... мне сегодня некогда. Понимаешь? А работу завтра надо сдавать.

Девочка стояла, как оглушенная громом.

— Списать?... — пролепетала она.

— Ну да. А я тогда твою записку у тебя на глазах разорву. Раз-раз — и готово! На двести клочков разорву.

— Не могу я этого сделать, Олег!

— Не можешь?

— Нечестно это, понимаешь. Я никому никогда не давала списывать. От этого и тебе пользы не будет, а только наоборот...

— Опять нотации? Нечестно? А такие записки писать, да еще на уроках, это честно?

— Узнают...

— Никто не узнает. Я не буду слово в слово списывать. Я и свое что-нибудь припишу. Ты об этом не беспокойся.

— Олег!..

— Знаю, что Олег. А записка все-таки у меня. И не я буду, если я ее перед всем классом не прочту. Посмотрим тогда, кто дурак, ты или я.

В тот вечер у Галины были грустные-прегрустные глаза. И потому они казались еще больше, эти грустные глаза с длинными ресницами.

За ужином отец невольно поглядывал на Галину. Он давно не видел свою дочку такой печальной. В последние дни Галя была особенно жизнерадостной и веселой. Все радовало ее: и близкий приезд матери, и апрельское солнце, и голубое море, и такое небо, что хотелось как птице, взлететь высоко на сильных крыльях.

На все вопросы Галя отвечала неохотно и как-то уклончиво. Даже отцу стыдилась она рассказать правду о записке и своих неприятностях. Олег таки уговорил ее, и девочка дала ему списать свое сочинение «Герои произведений Панаса Мирного». И это больше всего мучило Галину, вот почему она была такой хмурой и печальной.

Когда на другой день Галя столкнулась с Олегом, она отвернулась от него и хотела пройти мимо. Тот остановил ее.

— Чего ты дуешься? Я же разорвал записку, чего тебе еще надо?

Галина молчала.

— Напрасно ты злишься. Ничего плохого ты не сделала. Я и сам потом все хорошо выучу, весь урок знать буду. И работу потом тоже напишу — сам для себя. Мне только сегодня некогда. Вот и все.

К ним подбежала Люда Скворцова.

— О чем вы тут? Что-нибудь интересное?

— Интересное! — ответил Олег. — А что — не скажем!

— И не надо, просить не буду. Секрет, значит? У меня у самой, слава аллаху, секретов сколько угодно. Интересно! — запела она. — Интересно! У Олега и Галины секреты завелись!..

На следующий день Василий Васильевич возвращал ученикам работы по литературе. Галина со страхом заметила, что и ее, и Олегову тетради он оставил у себя. Олег сидел красный, опершись на руку подбородком. Галина оглянулась на него, и их взгляды встретились. Мальчик отвернулся, но в его глазах девочка успела прочесть: «Попались!»

В тишине отрывисто прозвучал голос Василия Васильевича:

— Кукоба!

Галина вздрогнула и встала. Она стояла бледная, с опущенными глазами.

— Башмачный!

Девочка услышала, как за ее спиной поднялся из-за парты и Олег. Ученики, ничего не понимая, переглядывались. В классе стало сразу тихо, как бывает перед грозой.

— Кукоба и Башмачный, выйдите сюда, чтобы все могли вас видеть, — снова прозвучал голос Василия Васильевича. — Это твоя, Кукоба, тетрадь?

Галя кивнула головой.

— А это — твоя?

— Моя, — тихо промолвил Олег.

— Слушайте внимательно, ребята, — обратился Василий Васильевич к классу, — я прочту вам сейчас кое-что из работ этих двух (директор кивнул на Галину и Олега)... этих двух... учеников.

Он взял тетрадь Кукобы и прочитал:

— «Лучшие произведения Панаса Мирного — роман «Разве режут волосы, когда ясли полны?» и повесть «Лихие люди». Главный герой романа «Разве режут волосы...» — Чипка. Кто такой Чипка? Это крестьянский парень. Тяжелая, злая жизнь и панский гнет приводят к тому, что Чипка становится разбойником. Панас Мирный в образе Чипки показывает протестанта против помещичьего строя, против пережитков крепостничества».

А теперь — из работы Олега Башмачного:

«Лучшие произведения Панаса Мирного — повесть «Лихие люди» и роман «Разве режут волосы, когда ясли полны?». Главный герой романа «Разве режут волосы...» — Чипка. Кто такой Чипка? Парень из деревни. Панский гнет и тяжелое, злое жите довели его до того, что он становится разбойником. Панас Мирный в своем романе показывает в образе Чипки протестанта против пережитков крепостничества».

Ученики завозились, зашептались, а Василий Васильевич продолжал читать дальше:

— У Галины Кукобы:

«Писатель объясняет социальные причины появления такого протестанта. У Чипки богачи отнимают последний клочок земли. Чипка не находит правды. Но он не находит и революционной дороги...»

У Олега Башмачного:

«Писатель показывает социальные причины такого протестанта. Богачи отняли у Чипки последний клочок земли. Чипка не может найти правды. Но он не находит также и революционной дороги...»

— Хватит, — закончил Василий Васильевич. — Дальше я читать не буду. Так от начала и до конца. То, что есть в тетради Башмачного, почти дословно повторяется и в тетради Кукобы. Я спрашиваю: что это значит?

Галина и Олег стояли молча, не смея взглянуть в глаза ни директору, ни своим товарищам.

Тогда кто-то из учеников сказал громко:

— Они списали друг у друга.

— Списали... — зашелестел класс.

— Дело ясное, — сказал Василий Васильевич, — конечно, списали. Только не друг у друга, а один из них списал у другого.

И тут глухо прозвучал голос Олега:

— Василий Васильевич, это я списал... И я даю слово, что...

— Подожди немного, слово будешь давать потом. Что ты скажешь, Кукоба?

Галина подняла голову. Какой тяжелой была сейчас голова! Как тяжело было ей глядеть сейчас на класс! Хоть бы один сочувственный, подбадривающий взгляд!

— Василий Васильевич... Башмачный списал у меня, и я...

Галина запнулась.

— И ты — что?

И тут снова откликнулся Олег:

— Я очень ее просил, и она... того...

Девочка метнула взгляд на Башмачного. В ее взгляде мальчик прочел многое. Он понял: слово «записка» не должно произноситься.

— Башмачный просил... И я дала ему списать...

Никогда школьники не видели Василия Васильевича таким рассерженным. Его пальцы дрожали, голубые ясные глаза потемнели, и весь он пылал глубоким, нескрываемым возмущением.

— Слышите, как все просто: попросил списать и списал! И у Кукобы не нашлось даже слов для возражения! Очень просто! А подумал ли кто-нибудь из вас над тем, что вы сделали? Кого обмануть хотели? Меня? Своих товарищей? Нет, вы себя обманули? Над собой посмеялись. Ты думаешь, Кукоба, что спасла товарища? Нет, ты ему не помогла, ты его еще глубже вниз толкнула! Еще глубже! Ты — отличница и пионерка! Ты — звеньевая! Какой прекрасный пример для других, не правда ли?

Галина закрыла лицо руками. Горячие слезы потекли по щекам. Она чувствовала, что ей нет никакого оправдания. Каждое слово Василия Васильевича, казалось, навсегда западало ей в сердце. И всему виной только она. Записка? А что такое, в сущности, записка? Глупости все это! Никакая записка не оправдывает ее поступка...

— И почему все могли выполнить свои задания,— продолжал Василий Васильевич,— и сделали их хорошо, и только ты, Башмачный, решил списать у товарища? Почему ты думаешь, что твою работу должен делать за тебя кто-то другой? Какой же гражданин Советского Союза получится из тебя? Где же ваша пионерская гордость и честность?..

Много еще справедливых и горьких слов услышали Галина и Олег от Василия Васильевича. Оба дали искреннее и твердое обещание перед всем классом никогда больше не повторять сделанного. И тут же Василий Васильевич дал Кукобе и Башмачному новую тему для работы.

На перемене Галина не вышла из класса. Она села на подоконник и молча смотрела на весенний зеленый сад, залитый солнечными брызгами. У нее не было зла к Олегу.

— Сама виновата,— шептала девочка.— Собственной записки испугалась... Записки страшно, а давать списывать — не страшно?.. И не стыдно?

Неожиданно Галя почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Она увидела глаза — пронизательные, широко раскрытые глаза... И укор, и тревогу, и немой вопрос — все прочла в этом пристальном взгляде Галина. Она видела только эти глаза, такие знакомые и незнакомые, такие родные и... такие чужие.

— Саша! Саша!

Восклицанье слетело с ее губ помимо воли. Сашко Чайка стоял возле нее. И это был не тот Чайка, которого знала Галина. Это был не тот Сашко, с которым она читала вместе «Мартина Идена» и «Капитанскую дочку». Холодком веяло от его карих глаз, во всей фигуре было что-то чужое, почти враждебное.

Галина соскочила с подоконника, и оба они — школьник и школьница — стояли один перед другим, не зная, что сказать.

— А я думал, что ты... — дрогнули губы Сашка.

— Саша... Саша... Ты ничего не знаешь...

— Весь класс знает. Не думал я, что ты... Мне что... давай списывать... Но почему именно Башмачному? Нового друга себе нашла? Подружились? На почве списыванья?.. Х-ха!..

— Сашко, ты не имеешь права так говорить... Какая почва? Я ничего тебе еще не...

— Рассказывай лучше Олегу!

Галина хотела что-то сказать, хотела крикнуть, что он, Сашко, не знает, как все это вышло, но в коридоре резко зазвенел звонок, и шумная детвора вбежала в класс. Чайка круто повернулся и пошел на свое место.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Поединок на морском берегу

На перемене вожатый подошел к Башмачному и тихо спросил:

— Как это случилось?

— Максим, я дал слово, и это больше не повторится.

— Знаю. Но для меня все это было так неожиданно, что я просто не поверил сначала. Мне кажется, что ты не все сказал. А что касается Галины, я и сейчас не могу понять, почему она дала тебе списать. В чем же дело?

Олег молчал.

— Сегодня мы ставим этот вопрос на отряде. И, может быть, придется, как это ни тяжело, исключить вас из пионеров. Очевидно, условно.

От пытливых глаз вожатого не скрылось, как вздрогнул Олег, как побледнело его лицо.

— И Кукобу? — глухо спросил он.

— Конечно, и ее тоже, — ответил Максим. — Я, конечно, всего не знаю — это уже как решит собрание, но настраивание у всех такое, что... Одним словом — уже теперь говорят об исключении.

Олег не знал, что за несколько минут до этого Максим разговаривал с Василием Васильевичем.

Вожатый сказал, что, по его мнению, ни Кукоба, ни Башмачный не рассказали всей правды и ограничились только признанием своей вины. За этой историей, несомненно, кроется что-то другое. Галина не могла дать Олегу свою тетрадь, несмотря на все его просьбы. К тому же она с ним не дружит.

— Да, — задумчиво ответил директор, — у меня тоже такое чувство, что ребята что-то скрывают от нас. Сказали, но не все. Вы не ошибаетесь. Но что тут могло быть?

— Надо, чтобы они сами признались. Я не знаю, в чем же дело, но на сборе мы выясним. Только сначала

я скажу несколько слов Башмачному. Мне кажется, что на собрании он не будет отпираться.

Слова вожатого о том, что Галине может грозить исключение, взволновали Олега. За что же исключат Кукобу? Во всей этой истории, без сомнения, виноват только он один. Но как ему рассказать обо всем? Как сделать, чтоб не упомянуть о записке ни одним словом? Он же обещал Кукобе не говорить об этом. Честное пионерское слово дал. А слову изменить он не может.

И, так ничего не решив, Олег стал ждать сбора отряда.

С таким же тяжелым чувством ждал сбора и Сашко Чайка. Он видел, что Галине хочется поговорить с ним. Но о чем им говорить? Ему не нужно никаких оправданий. Сашко ничего не хочет слушать. Он повернулся к Галине спиной и исчез в толпе товарищей.

Правда, Сашко, может быть, не так переживал бы все это, если бы сообщником Галины был не Олег, а кто-нибудь другой. Но ведь Галя знала, как издевался всегда Олег над его стихами, как старался он всегда унижить и задеть Чайку. Вспомнилась и та драка, когда он, Сашко, очутился на полу, притиснутый коленом Олега. Все вспомнилось. А ведь тогда и сама Галина не очень-то ласково говорила об Олеге.

И вот... извольте! Этот самый Башмачный, враг его стихов, получает от Галины ни за что, ни про что ее собственную тетрадку!

Дома в этот день Сашко был молчалив и насуплен. Он не захотел даже взглянуть на аквариум, сделанный Ивасиком. И десяток маленьких крабов, плавающих в нем, не заинтересовали Сашка.

— Ты не хочешь смотреть на крабов, потому что у тебя сейчас забита голова? Не так ли? — допытывался Ивасик. — А я знаю, что у тебя в голове!

— Ну и хорошо, — буркнул Сашко.

— В твоей голове стихи! Вот что, — весело и убежденно проговорил Ивасик. — А когда у тебя будет ясная голова, тогда ты и на аквариум посмотришь, и на крабов... Тогда, я знаю, ты на всемотришь.

И в самом деле голова у Сашка была забита. Тяжело было на сердце, только Ивасик ошибся — не до стихов ему сейчас. Тревожные мысли не давали покоя. Он вдруг понял, что больше никогда, никогда не будет дружить с Галиной. И так стало жаль ему тех чудесных вечеров

за чтением любимых писателей, тех часов, когда они вместе готовили уроки, помогали друг другу. Не вернутся эти вечера, никогда больше не вернутся...

Невесело начался сбор пионерского отряда. Тихо сидели ребята за парты. Максим за столом пересматривал какие-то бумаги, о чем-то тихо говорил с звеньевыми. Не было среди звеньевых только Галины Кукобы. Она сидела в уголке, а в другом углу хмурился Олег Башмачный.

«Это Максим обо мне говорит,— думала Галина.— Ну и пусть, пусть...»

Собрание началось. Выступил Максим и предложил вначале выслушать Башмачного. Олег вышел к столу. Его спокойствие удивило всех. Чувствовалось сразу, что мальчик принял какое-то определенное и твердое решение.

— Я все расскажу,— заявил Олег.— Во всем виноват я. Кукоба тут ни при чем.

Галина удивленно подняла голову. Она не ожидала такого решительного заявления от Олега. А Башмачный продолжал:

— С моей стороны это было не очень-то хорошо... Я отнял у Кукобы записку и пригрозил прочесть перед всем классом... если она не даст мне списать...

— Что за записка? Какая записка? — раздались голоса.

— Нет, не записка, а так... письмо... Письмо, которое Кукоба написала своей матери,— с трудом выговорил Башмачный.

Но в ту же минуту рядом с ним очутилась Галина.

— Нет, это была записка,— прозвенел ее голос.— Я написала ее Сашку Чайке, с которым дружу. Я не хотела, чтобы кто-нибудь знал ее содержание, и, когда Олег пригрозил мне, дала ему списать...

— А какое содержание? Какое содержание? — слышались снова голоса.

— Я думаю, что это не имеет значения,— вмешался Максим.— Конечно, каждому было бы неприятно, если бы его записку читали перед всем классом. Теперь все ясно.

— Мне было стыдно,— продолжала Галина,— что я... я написала записку на уроке...

— Дело ясное,— повторил вожатый Максим.

— А чего было стыдиться? — крикнул с места Яша Дереза. — Разве дружить стыдно?

— А писать на уроках — тоже не стыдно? — откликнулся Нагорный.

— Это дело другое.

Ребята начали высказываться, и Башмачный с удивлением заметил, что никто ни слова не говорит об исключении. Все подчеркивали недопустимость поступка, но тут же отмечали раскаяние Кукобы и Башмачного и говорили, что больше этого не повторится. Хотя, конечно, одного раскаяния мало. Надо, чтобы Башмачный свое задание по литературе выполнил на «отлично».

Один Нагорный был недоволен такими высказываниями и настаивал на том, чтобы Кукобу лишили звания звеньевой.

— Не может быть звеньевой пионерка, позволившая списывать свои работы, — шумел он.

Тогда снова выступил Максим. Никто из ребят и не догадывался, как волновался их вожатый, какие сомнения тревожили его. Он понимал, что слова Нагорного справедливы и на первый взгляд совершенно правильны. Галина — звеньевая. А какой она подала пример пионером? Оправдывает ли ее раскаяние? Может ли она остаться звеньевой?

И в то же время вожатый был уверен, что переизбрание звеньевой — опасный путь. Разве недостаточно знал он эту светловолосую девочку, лучшую пионерку, с открытым и чутким сердцем, такую нежную и стыдливую? Разве не будет для нее переизбрание страшным ударом?

— Иначе говоря, ты, Нагорный, требуешь для Кукобы самого тяжелого наказания? — спросил вожатый. — Может, ее посадить в бочку и бросить в море? А может, ее отправить за тридевять земель к самому Кощею Бессмертному? Самое тяжелое наказание! Ну, конечно! Отличной учебой, безукоризненным поведением заслужила Кукоба честь быть звеньевой. И она с гордостью носила свое звание...

— Нет, я думаю, тяжелого наказания не надо, — вырвалось у Нагорного.

Все засмеялись.

— Ишь какой! Да ведь ты сам только что...

— Я думал, это не тяжелое наказание...

- Не тяжелое? А что же это? Награда?
- Я думал, что...
- А ты еще подумай!
- Только быстрее!..

Под градом реплик Нагорный молча оглядывался по сторонам. Потом махнул рукой, засмеялся и сел на свое место.

Будто тяжелый камень скатился с плеч Максима. Кукоба осталась звеньевой.

* * *

С собрания Галина возвращалась домой уже вечером. Тяжелое настроение, мучившее ее весь день, понемногу рассеивалось. Да, это случилось с ней в первый и последний раз. И от этой уверенности таяли и исчезали все тяжелые, неприятные мысли. Только в сердце еще ворочался какой-то назойливый, злой червячок. А что за червячок — Галина не знает и сама. Неужели — выговор? Нет, это что-то другое...

Уже возле самого дома девочка услышала за собой шаги и обернулась. Остановилась. За ней шел Чайка. Сашко остановился тоже. Он стоял возле каменного забора, неподвижный и молчаливый. Разве ему тоже удобнее идти домой этой дорогой?

И вдруг Галина понимает, какой червячок беспокоит ее сегодня. Конечно, своим поступком она оттолкнула от себя Сашку! Недаром целый день он избегал встречи с нею. Ему неприятно было говорить с ней, он, наверно, был бы доволен, если бы ее исключили из отряда. Но почему тогда он молчал на сборе? Ни одного слова не сказал...

Сашко стоит в тени возле высокого забора. Галя поднимается на крыльцо и останавливается. Ей видно, как по другую сторону каменного забора месяц мостит серебром извилистую тропинку к морю... Сколько раз ходила Галя с отцом по ней к морю... И с ним... Сашком... За забором — белый поток лунного света, а Чайка стоит в тени, застывший, неподвижный... Что это значит? Почему он такой? И разве... разве здесь дорога к его дому?

И вот Галя видит, как Сашко срывается с места. Ну да, теперь понятно: он нечаянно столкнулся с нею, и теперь, чтобы не встретиться лицом к лицу, повернет в переулок. Но что это? Сашко бежит... Бежит прямо к ней...

Галина слышит его дыхание, он быстро взбегает на крыльцо. Сашко стоит перед ней потупившись, не смея поднять глаз, и тихо говорит:

— Галина... Ты прости меня. Я думал, что... Нет, я ничего не думал. Ничего, Галина. Я не знал... А ты... ты записку мне написала, а он... Олег... отнял ее... и... и...

В эту минуту луна, верно, выкатилась из-за угла дома, потому что, когда Сашко поднял голову и взглянул на Галину, все лицо его было залито лунным сиянием, а глаза так и блеснули от этого сияния.

И они так блеснули и искрились, что девочка смотрела и смотрела — на эти глаза, на Сашкино лицо. И неожиданно стало хорошо и легко на сердце, словно никогда и не было выговора, отнятой записки.

— Саша, ты должен зайти ко мне,— сказала Галя.

Им открыл дверь Галин отец. На его лице было то непередаваемое и хорошо знакомое Гале выражение, когда за деланным спокойствием он прятал радостное известие. Это заставило девочку насторожиться. А отец, поздоровавшись за руку с Сашком и пропустив детей вперед, легонько тронул Галю за плечо:

— Приготовься, дочка...

В ту же минуту Галя все поняла. Она еще не смела верить своему счастью, но взгляд ее упал на большой чемодан в передней. Вырвался сдавленный крик, и она бросилась в комнату. За Галей поспешил и отец.

Сашко остался один. За Галей он пойти не посмел, а о нем, кажется, забыли. Мальчик услышал за дверями женский голос, быстрые шаги. Кто-то не то смеялся, не то плакал — разобрать было трудно. «Мать приехала»,— догадался Сашко.

Минуту Сашко прислушивался. Суета за дверями не прекращалась. Потом стало тихо — вероятно, Галина и мать перешли в другую комнату. Мальчик еще постоял немного, подождал. Потом надел кепку и тихо вышел на крыльцо. «К ней вернулась мать»,— радостно прошептал он и, сорвавшись с места, со всех ног бросился бежать по переулку, залитому лунным светом, туда, вниз, навстречу ночному морю, навстречу свежему ветру, что прилетел за тысячи миль.

На берегу Сашко увидел одинокую фигуру. Удивленный мальчик узнал Олега Башмачного. Тот стоял, облокотившись на камень.

— Ты что тут делаешь? — спросил Чайка.
— А ты?
— Я тебя спрашиваю.
— А я тебя, — ответил Башмачный.
— А зачем ты отнял записку у Галины? — спросил Сашко.

Олег молчал. Может, потому, что он и сам не знал — зачем. Ведь не для того же, конечно, чтобы отомстить Гале за брошенное ею слово «дурак»! Прежде всего на этот поступок толкнул его тот самый задира, который сидит в нем. Очень уж было велико искушение подразнить Галину. Да разве прочитал бы он эту записку перед всем классом? Конечно, нет. Просто не мог победить соблазна списать у отличницы трудное задание.

— Ну, чего молчишь? — снова спросил Чайка.

— И охота тебе об этом? — вдруг мягко и примирительно заговорил Олег. — Ах ты, Чайка, чайка-чаечка! А крыльев-то и нет! Не полетишь ты за море, Чайка. А смотри, какое оно, море-то! И края нет! Что? Знаю, есть край. Это я так сказал, для поэзии. Разве тебе только одному поэтом быть?

— Подумаешь, какой! На море разговор перевел. Ну, счастье твое, что порвал записку. А то бы...

— А что было бы?

— Бокса дал бы тебе хорошего.

Сашко увидел, как живо повернулся к нему Олег.

— Ты бокса?

— Я. Бокса.

— Ты — мне? А на обеих лопатках давно лежал?

— Давно.

— Еще хочешь?

— А ты сначала умойся.

Башмачный чуть не захлебнулся, так удивили его эти неожиданные хвастливые слова. Да еще от кого? От Сашка Чайки! От того самого Чайки, который только и знает, что писать стихи да дружить с девчонкой?

— Слушай, Сашко, — почти нежно и в то же время с глубоко скрытым презрением выговорил Олег, — слушай, Чайка, шутишь ты, что ли?.. Жалко мне тебя, Чаечка. Это у тебя от усиленного ученья, наверное... Или какой-нибудь винтик в голове развинтился. Ты же знаешь, я вчера Логво-Кошеватого уложил. Семиклассника!

— Не задавайся, Башмачок... Я тебе не Логво и не Кошеватый. Я тебе — Чайка! Чайка! Слышал?

— А я — знаешь кто? Я — Морской Орел! Слышишь? И так потеревит сейчас этот Орел Чайку, что только перья полетят над всей Слободкой. Только без бокса. Жалко мне тебя бить. Да и зачем? Я тебя и так сковырну одним пальцем... Вот так...

Башмачный схватил Сашка за рубаху и рванул к себе. От неожиданного рывка Сашко пошатнулся в сторону и сразу же обеими руками крепко обхватил Олега. Два тела сплелись в одно. Башмачный сразу почувствовал силу Сашкиных объятий, и это поразило его, но ловким движением он наклонил голову «противника» и всем телом навалился на согнутую спину Сашка. У Чайки перехватило дыхание. Такой захват головы не разрешался никакими «правилами» борьбы, и Чайка это знал.

— А, ты так, — прохрипел он, стараясь освободить голову из тисков. — А, ты так!..

И, твердо упершись обеими ногами в землю, Сашко внезапно ринулся вперед, Олег отступил, но Сашкиной головы не выпустил. Высокий камень задержал отступление Башмачного. Он остановился и снова навалился на Сашкину спину, стараясь изо всех сил повалить товарища.

И тут случилось то, чего совсем не предвидел Олег. Неожиданно в воздухе мелькнули Сашкины руки и сомкнулись вокруг шеи Олега. Роли переменялись. Башмачный поневоле должен был выпустить голову Сашка и обхватить его поперек. Но это мало ему помогло. Сашко с необычайной силой пригибал его книзу. Все ниже и ниже наклонялась голова Олега. Он делал усилия, чтобы удержаться, напрягал все мускулы, чтобы подмять под себя Чайку, но не мог. Сашко тоже чувствовал, что повалить Башмачного ему еще не под силу. И они стояли плотно прижавшись друг к другу, совсем как два молодых бычка. Луна заливала их своим светом. Волны плескались возле их ног.

— Уморился? — спросил Олег.

— Нет. А ты?

— И я нет.

— А запыхался чего?

— Не поужинал еще, оттого и запыхался, — ответил Олег, не отпуская Чайку.

— И я тоже,— сказал Сашко, крепко держа Олега.
— Так, может, пойдем... того... ужинать? — предложил Башмачный.

— Что ж, можно,— согласился Сашко.

И, как по команде, ребята опустили руки. Обоим было почему-то неловко. Они не знали, о чем говорить...

— Тебе, пожалуй, можно идти в капитанский техникум,— вдруг сказал Олег.

— Не знаю. Я еще профессии не выбрал.

— А вот когда айсберг сталкивается с айсбергом, то знаешь, какой грохот бывает? Ну просто, как гром,— снова вымолвил Олег.

Теплая и тихая южная ночь как будто прислушивалась к вздохам и всплескам легкого прибоя.

— Айсберг? — усмехнулся Сашко. — Я люблю солнце...

— Не был ты на Севере...

— А ты?

— А я был.

— Так это ж сон рябой кобылы.

— Это и я слышал,— согласился Олег,— что сны частенько снятся рябым кобылам и поэтам. Слышал!

Смеясь, он быстро вскарабкался на крутой берег и уже оттуда крикнул еще раз:

— Да, и поэтам! И поэтам! Бувайте здоровеньки!

— А все-таки ты меня не поборо! — крикнул ему вдогонку Сашко.

* * *

На углу, там, где улица поворачивает налево и пересекается горной тропкой, вожатый попрощался с ребятами и пошел по тропинке вверх.

Домик, в котором жил Максим Чепурной, стоял на краю Слободки, выше всех остальных домов. Он был выше не потому, что отличался от других большим количеством этажей, а потому, что был построен на самом высоком месте. Этажей же в нем было немного — всего только один.

На пороге сидела старая бабуся в очках. Она, наверное, давно уже ждала кого-то, и, когда месяц высоко поднялся над морем, старушка тревожно поднялась с порога

и сделала несколько шагов вперед. Но знакомая фигура показалась на дорожке, и молодой голос весело спросил:

— Куда это ты собралась, мама?

— Максим! А я уже хотела навстречу тебе идти.

— Вот как! А я и в самом деле запоздал сегодня. Да все с ребятами, мама.

Вожатый бережно обнял мать за плечи.

— Ну, мама, вот все и выяснилось. Галина написала Сашку записку, а ее перехватил Олег. Помнишь, я говорил тебе, что они оба что-то скрывают. Ну вот, а теперь все ясно: записка.

И он со всеми подробностями стал рассказывать историю с запиской. И, разговаривая, тут же на крылечке разостлал холщевую скатерку и поставил на нее тарелку с жареной рыбой и пирожками.

— Садись, мама, будем ужинать. Тут, на свежем воздухе, вкуснее будет.

Он быстро ел, поглядывая на мать и посмеиваясь:

— Ну и проголодался же я.

— Только бы они исправились! — вздохнула мать, будто речь шла о ее собственных детях.

— Ну, а как же! — ответил Максим. — Обязательно! А ты что об этом думаешь, мама?

В вопросе послышалась тревога. Как живые, встали в воображении Максима лица Олега и Галины.

— Что же ты думаешь, мама?

— Да кто ж его знает. Пословица говорит, что горбатого только могила исправит. А я думаю, если хорошие дети, так это им даром не пройдет.

Старушка закашлялась. Максим тревожно посмотрел на нее:

— Уж не простудилась ли? Может, в хату пойдем?

И, бросившись в комнату, вынес оттуда теплый платок. Он накинул платок матери на плечи и, усевшись рядом, обнял ее.

— Да нет, это не простуда. Это, сынок, старость. А разве старость идет с добром? Она или с кашлем, или с горбом. Сколько это лет мы с тобою в вожатых?

— Да уж третий год пошел, мама.

— Много у нас работы в этом году. А сказки сегодня будешь слушать?

— Да ты, верно, устала, мама.

— Пойдем в хату. Одну, так и быть, расскажу.

Записывать сейчас будешь или потом? Чтобы, гляди, не забыл.

В небольшой комнате Максим зажег свет и взял с этажерки толстую синюю тетрадь и карандаш.

— Сколько уже набралось, сынок?

— Шестнадцать сказок, мама.

— Семь не моих. Четыре тебе бабка Лукерка сказывала...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Волшебное слово „экзамены“

Экзамены! Какое это замечательное слово! Оно — как миллион юных сердец! Оно — будто жар-птица из волшебного сказочного сада. Она прилетает на рассвете, когда каждый школьник видит сладкие сны. С золотым слепящим пером в руке просыпается он. И в его ушах долго звенят последние слова жар-птицы: «Сегодня экзамены!» Чудесное слово! Каждого ученика оно делает старше ровно на один год. Оно и волнует и радует. В этом слове — слышен и шум зеленых лесов, и ласковый плеск волны, и пионерские походы. Каждый горнист вспоминает сигнал: «Купаться!» Он слагается из нот: до, соль, соль, до, соль, соль. Экзамены! Это слово звучит, как стоголосый хор:

Я вышел недавно из дома,
И радостно дышится мне:
Иду, а кругом все знакомо,
Все люблю в родной стороне!

С перышком в руке из хвоста жар-птицы шел сегодня в школу Олег Башмачный. Оно сияло, как майское солнце. И все вокруг заиграло и засветилось от этого сказочного света. Слепящим голубым простором искрилось море. Искрами рассыпался неожиданный смех школьников. Блестели глаза.

Сегодня экзамены по литературе. Арифметику, письменную и устную, шестиклассники уже сдали. Сдали и географию и естествознание. Написали и диктант.

Вчера на экзамене по естествознанию Олега попросили рассказать о том, как насекомые защищаются от своих врагов. Вот повезло! Что могло быть легче? И Олег по-

дробно рассказал и о защитной окраске, и о защитной форме тела, и о мухах, похожих на ос... А вот Люду Скворцову спросили о вредных и полезных насекомых, и она так интересно говорила о мухах — переносчиках болезни, о малярийных комарах, о гусеницах, объедающих в саду листья, о саранче, что учитель тут же похвалил ее.

— Молодец, — сказал он. — Отлично! А теперь назови еще полезных насекомых.

И тут Люда точно воды в рот набрала. Забыла про пчел!

— А ты сладкое любишь? — спросил ее учитель.

— Мед! — сразу вспомнила Скворцова. — Пчелы!

И сейчас же рассказала о шелкопрядах и дождевых червях, разрыхляющих землю.

«Вот если бы по литературе попались такие же легкие вопросы», — думал Олег. До сих пор на экзаменах он по всем предметам получал «отлично». Самое трудное — задача по арифметике, и ту решил правильно. Осталась только литература. Последний день экзаменов!

И удивительно — чем ближе подходил Олег к школе, тем беспокойней становилось на сердце. С каждым шагом угасало в его руке слепящее перышко жар-птицы. Негде правды деть — не очень любил Башмачный литературу. Книжки он читал только о путешествиях, об Арктике и отважных пилотах. А всем известно: когда не любишь какой-нибудь предмет, он кажется и тяжелым, и нудным. И вообще было бы лучше, если бы его совсем на земле не существовало. Сколько ни сидел Олег над учебником, повторяя все, что было выучено за год, все же чувство беспокойства не оставляло его: а вдруг провалится?

Да и выученного за год оказалось не так уж много. Олег учил уроки, как говорится, через пятое на десятое. Какие уж там уроки, когда перед глазами маячит то клад, то путешествие в Арктику! Но иллюзии о кладе рассеялись. Экзамены приближались, о них ежедневно толковали в классе, школьники стали чаще ходить друг к другу — но теперь уже не для того, чтобы поиграть в домино или просто поболтать. Приходили с учебниками, вместе решали трудные задачи. И в классе тоже говорили главным образом об уроках, и каждый ученик старался прийти в школу пораньше, чтобы успеть еще раз найти на большой карте архипелаги, проливы, мысы, острова...

Вся эта трудовая обстановка невольно захватила и Олега. Он был способным учеником, но часто тайком краснел, слушая как товарищи отвечают уроки. Он краснел, потому, что ловил себя на том, что не знает, где находится Баб-ель-Мандебский пролив или Канарские острова. И вообще много чего не знает.

Как-то ночью, проснувшись, Олег вскочил с постели. Он вспомнил, что не выучил урока по естествознанию. Тихонько зажег свет и раскрыл учебник. Мальчик читал страницу за страницей, и с каждой минутой в его сердце вырастали тревога и стыд. Как он отстал! Его товарищи давно уже выучили все то, о чем сейчас он узнает впервые. Неужели он — самый последний ученик в классе? Олег просидел над книгой до рассвета...

Едва Башмачный переступил порог школы, как золотое перышко погасло окончательно и тогда стало ясно, что не было никакого перышка, а жар-птица прилетала только во сне. Сегодня в школе было тихо — ни криков, ни суеты. И сами ребята казались сегодня серьезнее и взрослее. Еще бы! Ведь это же последний день в классе! А завтра-послезавтра — выводы экзаменационной комиссии, и тогда — прощай школа до будущей осени! Да здравствуют каникулы, да здравствует солнце и море, пионерские походы и лагеря!

Олег не успел войти в класс, как его окружили товарищи.

— Ты с Энеем знаком? — спросил его сурово Омелько Нагорный.

Олег сразу понял, в чем дело, и, подняв вверх руку, продекламировал:

Еней був парубок моторний
І хлопець хоч куди козак...

— А кто написал «Энеиду»? — спросил Чайка.

— «Энеиду» написал Иван Котляревский, — вытянулся перед ним Олег. — Понятно, товарищ поэт?

— Вольно! Ответ правильный. Это у нас товарищеская проверка перед испытаниями, — пояснил Нагорный. — А что ты слышал о Нечуй-Левицком?

— О Нечуй-Левицком знает, верно, бабка Лукерка. Он ей, говорят, родственником приходится: седьмая вода на киселе.

— Ты Лукеркой зубы не заговаривай, скажи, что ты знаешь о Нечуй-Левицком,— настаивал Нагорный.

Но и о Левицком Олег ответил точно и ясно.

— Ну, смотри же! — предостерег его Омелько и бросился экзаменовать вошедшую Галину Кукобу. Потом пришла очередь экзаменоваться Озеркову, затем Степе Музыченко.

Вдруг дверь распахнулась, в класс вбежала Люда Скворцова.

— Идут! Идут! — крикнула она.

Школьники бросились по своим местам. Вошел Василий Васильевич, и с ним — высокий и дородный представитель района. Дети встали.

— Садитесь,— махнул Василий Васильевич рукой,— ну, как спалось, ребята?

И от этого простого вопроса, от спокойных и ясных глаз директора всем сразу стало легко и весело, и даже Олег забыл о своем беспокойстве и тревогах.

«Чего там, не провалюсь»,— подумал он.

Вызвали его к столу вторым, сразу же после Озеркова. Василий Васильевич что-то шепнул представителю района, и тот с любопытством посмотрел на Олега. «Наверное, о браунинге, что я нашел!» — подумал мальчик.

— Ну, Башмачный, расскажи нам о героях Панаса Мирного,— сказал Василий Васильевич, и Олег увидел, как в глазах директора сверкнули едва заметные искорки. Мальчик невольно покраснел. «Герои произведений Панаса Мирного» — такой была тема задания, которое он когда-то списал у Галины Кукобы. Он посмотрел на нее. Девочка сидела, низко опустив голову,— должно быть, тоже вспомнила...

Башмачный начал рассказывать.

— Хорошо, хорошо. Знаешь,— подбадривал его Василий Васильевич.— А теперь, может, перескажешь коротенько содержание «Энеиды»? Кого показал в своем произведении писатель?.. А кстати, кто написал?

— Котляревский,— громко сказал Олег. Он рассказывал об «Энеиде», и Василий Васильевич одобрительно покачивал головой.

— Может быть, спросите и вы? — обратился директор к представителю района, когда Башмачный наконец окончил.

— Нет, довольно,— ответил тот.— Отлично!

«Отлично! — радостной птичкой запело сердце.— Отлично!»

Уже на следующий день стало известно, что шестой класс оказался победителем. На экзаменах почти все ответили на «отлично». На весь класс было только одно «хорошо» по арифметике у Озеркова.

Прибежал к шестиклассникам «чемпион по шахматам» Чабанчук.

— Ну, как у вас? Кто кого? У нас все отличники. На весь класс только два «посредственно» и два «хорошо». Шах и мат, вам, дорогие друзья!

Неудержимый хохот был ему ответом. Чабанчук снял очки и быстро протер их платком.

— В чем дело? — развел он руками.— Только одно «хорошо»? У кого? Что такое? Ничего не понимаю!

Впрочем, через мгновение он понял все. Не поверив ребятам, Чабанчук бросился к директору, но из канцелярии вышел очень скоро, смирный и притихший, и спрятался в своем классе.

Олег Башмачный, сдав экзамены на «отлично», решил, что теперь ему уже не стыдно поговорить и с Василием Васильевичем о том, что так мучило и волновало его. Он пришел к директору на квартиру. Василий Васильевич встретил его так, будто давным-давно уже поджидал его в гости.

— Ага, вот и ты! — весело сказал он.— Садись, пожалуйста.

Олег сразу же приступил к делу:

— Василий Васильевич, я вас очень прошу... Помогите мне поступить в капитанский техникум.

Мальчик сидел взволнованный и красный.

— Можно,— ответил директор.— Помогу охотно. На будущий год у нас будет уже десятилетка, окончишь ее, и тогда...

— Нет, я хочу теперь...

Василий Васильевич серьезно, внимательно посмотрел на мальчика и сел с ним рядом.

— Ты не подумал хорошенько, Олег. Разве ты не понимаешь, что и сейчас ты учишься в замечательном техникуме, из которого выходят не только будущие капитаны, но и пилоты, инженеры, агрономы, учителя, видные партийные организаторы, знаменитые врачи, артисты, худож-

ники?.. Ты только подумай, Олег, какой необыкновенный техникум наша средняя школа! Четыре года пролетят незаметно, и какие широкие дороги откроются перед тобой! А сейчас ни в какой техникум тебя не примут. Бросишь школу — останешься недоучкой. А быть Митрофанушкой, я знаю, ты не захочешь.

Мальчик понимал, что Василий Васильевич говорит правду. Слова директора даже не огорчили его. Наоборот, Василий Васильевич разделял Олеговы мечты, и школьнику теперь было совершенно ясно, что он и в самом деле будет капитаном и поведет ледоколы в Арктике.

— Я думаю, что с будущей осени,— продолжал Василий Васильевич,— в школе надо организовать кружок юных исследователей Арктики. Мы это сделаем непременно, а тебя, Олег, выберем председателем. Возражать не будешь?

Олег смущенно улыбнулся. Он согласен.

* * *

Максим закрыл на крючок двери, подошел к окну и опустил штору. Но этого ему показалось мало, он взял еще теплый материн платок и повесил поверх шторы.

— Ну, теперь, кажется, все,— весело обратился вожатый к пионерам. А их было трое. Нагорный, Озерков и Люда Скворцова любопытными глазами следили за каждым его движением. Они не знали, что сейчас должно произойти, и только на лице Нагорного можно было прочесть полное удовлетворение поведением Максима. Тут, несомненно, кроется какая-то тайна, иначе зачем было так тщательно занавешивать окно, ходить на цыпочках и запирать двери?

— Ну, вот и все,— повторил вожатый, садясь за стол и подвигая к себе лампу.— Теперь нас никто не подслушает и не подсмострит. У меня к вам интересное и таинственное дело...

Нагорный радостно кивнул головой и придвинулся ближе к Максиму. А тот продолжал дальше:

— Сегодня я получил по почте какой-то странный пакет от неизвестного. В нем лежала коротенькая записка и рукопись пьесы. Да, да, пьесы... Поэтому-то я позвал первым тебя, Озерков, как руководителя драмкружка. Не знаю, понравится ли вам пьеса, а записка вот она.

Максим еще ближе придвинул к себе лампу, еще ниже опустил абажур, от чего вся комната наполнилась зеленой полутьмой, и прочитал:

«Товарищ Максим Чепурной! Посылаю вам пьесу «Милый друг». Все, описанное в ней, произошло в действительности. Не пытайтесь узнать имя автора. Это вам ни за что не удастся сделать. В том случае, если пьеса будет поставлена, автор ее сможет показать свое лицо (и то только исполнителям ролей) 1 сентября сего года в семь часов вечера. О месте встречи будет сообщено дополнительно.

Иксигрек»

— Вот и все.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как тоненько звенит под потолком комар.

— Нужно прочитать пьесу,— наконец шепотом предложил Дмитро Озерков.

— И прочитать сейчас же,— подхватил Нагорный.

— Пьеса коротенькая,— сказал Максим.— В ней всего два небольших действия.

Когда он прочитал пионерам рукопись таинственного Иксигрека, Омелько Нагорный убежденно воскликнул:

— А я знаю, кто автор пьесы! Он сам себя описал! Это тот, кто служил на заводе курьером! Несомненно, он!

В пьесе рассказывалось о том, как в одной школе учились два неразлучных приятеля — Ваня и Петя. У них не было тайн друг от друга, их всегда видели вместе, но успевали они неодинаково. Ваня был отличником, а Петя часто получал плохие отметки. Ване было жаль своего друга, он хотел чтобы Петя стал отличником. И тогда Ваня начал готовить уроки за своего товарища. Он часто давал ему списывать, подсказывал, а однажды, даже подделал отметку в Петинем дневнике — плохую отметку переделал на хорошую.

На этом и кончалось первое действие пьесы. Второе действие происходило спустя двадцать лет на большом авиационном заводе. Иван стал выдающимся инженером-конструктором. Сейчас он работает над проектом огромного дирижабля. В цехе Иван встречается с новым курьером, который недавно поступил на завод. Иван просит его принести папку с чертежами из другого цеха. Курьер всматривается в лицо инженера и останавливается как

вкопанный. Он узнает своего школьного товарища, своего друга Ивана. Тот тоже узнает Петра и спрашивает, как же так получилось, что Петр не инженер, а всегонавсего курьер? «Ты учился, а я только списывал у тебя», — горько отвечает Петр...

Вот и все содержание. Но пьеса была написана так интересно и увлекательно, так тепло в ней была показана дружба двух мальчишек и потом так драматично и взволновано нарисована их встреча спустя двадцать лет на заводе, что школьники единогласно решили, не откладывая, приступить к репетициям.

— Но помните, никому ни слова! — предупредил вожатый. — Спектакль должен быть сюрпризом для всех пионеров...

Роли нашлись для всех. Дмитро Озерков взялся сыграть Ивана, Омелько — Петра, а Скворцова — учительницу. Максим взял на себя обязанности суфлера.

Пьеса была небольшая, всего с тремя действующими лицами, и ее подготовили быстро. Через несколько дней возле сельсовета появилась большая афиша, извещавшая о дне представления.

Спектакль состоялся в школе, в физкультурном зале, где сделали сцену. Пьеса прошла очень удачно. Зрители встретили ее именно так, как и рассчитывал Максим.

Омелько все время думал о будущей встрече с неизвестным автором. Однажды тот даже приснился Нагорному. Это был человек в черной маске. Склонившись над мальчиком, он проговорил глухим, страшным голосом:

— Теперь ты знаешь, кто я!

Холодные мурашки пробежали по телу Омелька, он спросонья закричал и проснулся.

Но наступившие события так увлекли мальчика, что он забыл об этом. Однако таинственный Иксигрек неожиданно выдал себя еще задолго до назначенного им дня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Олег Башмачный становится завхозом

Учебный год был уже позади, когда необыкновенная новость всколыхнула весь шестой класс, или, если выразиться точно, бывший шестой класс. Экзамены сданы, и шестиклассники сразу стали семиклассниками. Шутка

ли сказать — седьмой класс! Семиклассники — это «соль» всей школы, если не учитывать, что каждый класс, и даже первый, также считает себя «солью». (Давно всем известно, что самые гордые люди в каждой школе — первоклассники, впервые взявшие в руки ручки и тетради).

А новостью было то, что Яша Дереза и его приятели самым усиленным образом стали готовиться к какой-то необыкновенной войне. Было известно, что ребята мастерят какое-то оружие. Но что это за война, никто не знал, и только спустя некоторое время выяснилось, что это будет битва «красных» и «синих» и что Яша обязательно будет «красным». Последнее известие взбудоражило всю школу: «красными» хотели быть все. Тогда Дереза сказал:

— Хорошо, мы будем «синими»! Пускай! Но только смотрите берегитесь!

Все понимали, что со стороны Яши это была большая жертва. Но все понимали также, что на эту жертву он пошел только для того, чтобы не провалить затеи, чтобы было с кем «воевать».

Когда Сашко рассказал дома об этих спорах, Ивасик очень огорчился всем происходящим. Отчего школьники не позовут его к себе? Он бы сразу помирил их. Есть для этого такое чудесное средство, как считалка! И Ивасик тут же стал пробовать его, тыча пальцем то в себя, то в деда Савелия, то в мать, то в брата:

Эне, бене, рес,
Квинтер, квантер, жес!
Эне, бене, раба,
Квинтер, квантер, жаба!

— Ну, дедушка, вот вы и «жаба»! Вот и идите в «синие».

— Э, нет, я «красный», — решительно возразил дед. — А? Слышу, слышу. Сказал — «красный», и от этого не отступлюсь.

— Да нельзя же так, дедушка, — уговаривал его Ивасик. — Вы ж «жаба»!

Не меньше споров вызвало у школьников и распределение ролей. Каждый хотел быть командиром. Наконец все было решено. Яшу Дерезу выбрали главнокомандующим «синих», Сашка Чайку — маршалом «красных». Многие из ребят были оскорблены в своих лучших чув-

ствах, так как товарищи «недооценили» их военных талантов. Больше всех обиделся Олег Башмачный, уверенный в том, что его непременно должны были назначить маршалом. Ведь это же он, а не кто другой нашел на чердаке браунинг, принадлежавший, наверное, шпиону. Что из того, что потом револьвер перехватил Омелько Нагорный? Первый-то нашел его кто? Первым нашел его Олег! А письмо к Кажану?

Все это было известно ребятам, но три голоса решили судьбу Олега: за Сашка было поднято на три руки больше.

— Не хотите — и не надо! — буркнул Олег. — А Сашко вам еще навоюет!

— А ты кем будешь? — спросили у него.

— Завхозом! — снова буркнул Олег.

И тут неожиданно вмешался вожатый Максим.

— Правильно, — сказал он. — Поздравляю тебя, Олег. Завхоз из тебя выйдет отличный. Особенно в «военное» время.

Башмачный молчал. Олегу хотелось вскочить и закричать, хотелось объяснить, что все это была только шутка, что он ни за что не желает быть завхозом. Но гордость удерживала его на месте. «Ну что ж, не выбрали маршалом — буду завхозом! В сущности, это меня мало трогает. Надо же кому-нибудь присматривать за имуществом воюющих сторон».

Так, совершенно неожиданно для себя, Олег сделался «начальником снабжения двух армий».

— А ты, кажется, злишься? — спросил у него после собрания вожатый.

— А чего мне злиться?

— Да, видишь ли, мне показалось, что ты не совсем доволен своим «назначением».

— Нет, ничего. Пускай себе.

Глаза Башмачного встретились с глазами вожатого. Золотые искорки в зрачках Максима поблескивали особенно весело.

— Я думаю, Олег, это пойдет тебе только на пользу, — сказал он посмеиваясь. — Есть в народе сказка про Иванушку-дурачка. Были у него братья, выдававшие себя за героев, а на Иванушку смотрели они, как на дурака и остолапа. А на самом деле выяснилось, что героем-то был Иван, а братья его остолапы. А стал Иван ге-

роем потому, что никакой работы не боялся, ни самой трудной, ни самой обыкновенной. И, когда ты поймешь, Олег, что каждая полезная работа в нашей стране есть делом чести...

— Тогда я перестану быть Иванушкой-дурачком? — обиделся Башмачный.

— Нет, тогда ты перестанешь искать клады на чердаках и поймешь, что можно быть героем не только в одной Арктике.

Приготовления к «боям» шли весело и хлопотливо. «Синие» хвастались каким-то необыкновенным изобретением, и все соглашались, что чего-чего, а этого ждать от них можно — недаром же ими командует такой знаменитый изобретатель, как Яша Дереза, и недаром «синие» каждый день собираются у своего главнокомандующего.

Было известно также, что приходят они к Яше не с пустыми руками. Каждый из них приносил молотки, пилки, рубанки. А однажды Нагорный видел, как шестеро ребят поволокли во двор к Дерезе какую-то здоровенную доску. Доску эту, как выяснилось потом, им дал председатель рыболовецкой артели, отец Олега Башмачного. «Красные» во главе с Сашком Чайкой толпою пришли в правление артели, обвиняя рыбаков в помощи «синим». Председатель артели оправдывался:

— Да разве я знал, кто они? «Синие» они или «красные»? На лбу-то у них не написано! А пионерам мне почему доски не дать?

— А для чего она им, вы их не спрашивали?

— Сказали — для изобретения.

«Красные» разочарованно замолчали. Только Омелько Нагорный один проговорил задумчиво:

— Мы знаем, что для изобретения. А вот для какого?

— Спрашивайте у Дерезы.

— Ну да, он скажет! Да это ж у «синих» военная тайна!

Эта тайна больше всего мучила Нагорного. Он каждый день придумывал все новые и новые решения этой непосильной задачи.

— Я знаю, что это такое! Не иначе, как огнемет. Только подойдем к их укреплениям, а они тут — ш-ш-ша!.. Ш-ш-ши! Б-бум! — и тут, понимаете, целая волна огня. Смертоносная, огненная волна!

Догадку разбивали, но Нагорный тут же выдвигал вторую:

— Ну, тогда это, наверное, скорострельная пушка. Пушка-пулемет! Сто восемьдесят выстрелов в минуту! Я знаю этого Яшку — он что захочет, то и сделает. Может, и триста выстрелов в минуту, кто его знает!

И наконец Омелько не выдержал. Военная тайна «синих» жгла его сердце, как огонь из огнемета. Он пришел к «синим» и сказал:

— Ребята, вы знаете, кто я такой? Я — Омелько Нагорный, профессор межпланетной авиации. Это я летал на Марс, и это лично мне марсианин передал браунинг, принадлежавший когда-то знаменитым покорителям космических пространств Бруно Цioni и Демиду Семиряжко... Верите ли вы мне?

Главнокомандующий «синих» отнесся к заявлению

иначе. Стоя обеими ногами на привычной почве Земли, он задал профессору межпланетной авиации всего только один вопрос: что именно ему нужно и зачем он пришел мешать им работать.

— Я пришел, чтоб поделиться с вами военным опытом марсиан,— ответил Омелько.

— Тебя подослали не марсиане, а Сашко Чайка,— твердо заявил Яша Дереза.— И, если ты сейчас же не повернешь свою ракету носом из нашего штаба, я прикажу спустить на тебя Рябка.

Рябка был страшнее всех марсиан и тоже имел свой военный опыт. Эти соображения заставили Нагорного подчиниться приказу Яши Дерезы и закрыть за собой калитку. Он честно рассказал Чайке о неудачной попытке выведать военную тайну «синих».

На другой же день Нагорный придумал собственное изобретение, и это было страшной военной тайной «красных».

Впрочем, за несколько дней до открытия «военных действий» между «красными» и «синими» снова возникли серьезные недоразумения.

В одно прекрасное июньское утро великолепная парусная лодка вошла в порт Слободки. Правда, вернее было бы сказать не порт, а только пристань, у которой покачивалось с десятков шаланд и других рыбацких лодок. Парусник гордо, как белокрылый лебедь, пристал к берегу. Белоснежные паруса слегка шелестели. На борту красовалась надпись: «Отличник».

Вскоре половина населения Слободки была уже на пристани. Сюда собралась не только детвора — пришли и дед Савелий, и дед Гурий, и бабка Лукерка, и Данилыч из школы, и столяр Иван Карпович, и тетка Секлета, и председатель артели, и Марина Чайка... День был воскресный, рыбаки в море не выходили, и на пристани их собралось немало. К ребятам подошли Василий Васильевич и Максим; была тут и учительница Евгения Самойловна.

Сашко Чайка посмотрел на яхту и тут же закружился от радости. Он сразу догадался, что это за парусник. И еще приятней было то, что и называлась лодка «Отличник»!

Ивасик как раз возвращался со своей охоты, когда «Отличник» подходил к пристани и спускал паруса. Ива-

сик в эти дни охотился на крабов, и в это утро ему особенно везло: он поймал в воде между камнями большого пребольшого краба. Держа его за круглую спинку, чтобы не схватил клешнею за палец, Ивасик кинулся к пристани и тут же основательно и подробно расспросил причаливших пограничников, зачем они приехали. Он первый узнал, что парусная лодка — это подарок бойцов школьникам за их отличные успехи в учебе.

— И я буду школьником, — сообщил Ивасик.

— Вот и хорошо. Будешь отличником, мы тебе целый пароход преподнесем, — пошутил товарищ Чертков, глава делегации, передававшей лодку ее новым хозяевам.

— Нет, мне лучше настоящее ружье, — попросил Ивасик, — а то мое только пробками стреляет.

— Можно и ружье, — согласился Чертков. — А в придачу — пушку.

Вдруг он дернул рукой и затряс ею в воздухе. В палец вцепилось что-то живое и черное. Рука командира сторожевого катера коснулась Ивасиковой добычи и была тут же наказана за свою небрежность. С большими трудностями освободили палец из крепких клешней краба.

— Я думаю, что тебе и пушки никакой не надо, — шутил Чертков, — ты и так хорошо вооружен. Посмотри, как посинел палец...

Но история с крабом несколько не испортила радостного момента передачи лодки школьникам. Семиклассники, которые только неделю тому назад были шестиклассниками, приняли подарок с настоящим восторгом.

После коротких речей — прогулка по морю, и вот «Отличник» уже в руках своих новых юных хозяев.

Но на следующее утро начались недоразумения и споры. «Синие» требовали, чтобы на время «войны» лодка перешла целиком в их распоряжение. Яша Дереза, наверное, думал воспользоваться лодкой как непобедимым линейным кораблем, который бы обеспечил «синим» успех «военных действий» в прибрежной зоне. Хитрый Дереза, что и говорить! Сразу смекнул, какое значение может иметь в «бою» могучий «броненосец» «Отличник».

«Красные» не желали идти ни на какие уступки. Особенно бурно выступал против Дерезы Нагорный, разозленный тем, что так и не узнал «военной тайны» «синих».

— Кто такие «синие»? — кричал он. — «Синие» — это

враги, вот кто они! И не могут советские пограничники делать врагам подарки, не могут! А «Отличник» — подарок, и этот подарок принадлежит «красным». Какие тут могут быть еще разговоры? Кажется, и так все ясно!

Но «синие» вовсе не желали признавать логических рассуждений Омелька Нагорного. Для «синих» все это, очевидно, было не так уже ясно.

— Поди Расскажи своим белопузым марсианам,— посоветовал Нагорному Дереза.— Они, верно, умнее тебя!

— Очень рад за тебя,— огрызнулся Омелько,— по крайней мере, знаешь, что у марсиан белые животы. Это великое достижение! Ты, несомненно, далеко пойдешь. Впервые вижу такую умницу.

И весьма вероятно, что «синие» спорили бы с «красными» вплоть до сегодняшнего дня, если бы Максим не предложил бросить жребий. Он написал на одном клочке бумаги: «Лодка», на другой: «Будете, хлопцы, без лодки», и, свернув трубочкой оба клочка, бросил их в свою кепку. Яша Дереза запустил в кепку руку, долго перебирал бумажки, не веря, очевидно, своему счастью, и наконец, выхватив трубочку, быстро развернул ее и бросил на землю.

— Не везет! — коротко сказал он.

Нагорный поднял бумажку и прочел вслух:

— «Будете, хлопцы, без лодки!»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О конце героической войны „красных“ и „синих“ и шапке-невидимке

«Синих» не удалось застигнуть врасплох. Когда «броненосец» «красных» «Отличник» приблизился к берегу, Галина первая заметила притаившиеся за камнями неподвижные фигуры «врагов». Сашко Чайка понял, что десанту броненосца готовилась западня. Если бы «красные» высадились на берег, их бы сейчас же окружили войска Яши Дерезы и, возможно, даже захватили бы «Отличник». Это была бы огромная потеря. Это было бы началом поражения.

Теперь о высадке десанта на берег не могло быть и речи. Прежде всего надо было выбить «синих» с занятых ими позиций. Это понимал даже Омелько Нагорный —

сторонник молниеносного удара и главный помощник Сашка по организации десанта.

Жерло тяжелой «пушки» медленно нацеливалось на укрепления «синих». Прозвучал первый выстрел. Это Степа Музыченко пустил ракету. С хищным шипением она рванулась с лодки вверх и разорвалась в ясной лазури июньского утра. Ракета означала, что начали ураганную стрельбу все грозные «батареи» «Отличника». Плавающая крепость, беспрерывно обстреливая «врага», медленно приближалась к берегу. В ответ со стороны «синих» затрещали десятки трещоток. Это застучали «пулеметы». Бойцы из отряда Яши Дерезы поняли, что прятаться дальше нет смысла, так как их заметили с броненосца.

На ближней скале появился Максим. На его рукаве краснела широкая повязка, он махал кепкой и что-то кричал. Еще вчера, накануне объявления «войны», обе «воюющие стороны» единогласно выбрали его своим посредником, и теперь слово Максима — закон.

— Пушки... бьют метко... — долетело до ребят в лодке. — У «синих» большие потери...

Неожиданно из-за скалы на берегу шипя взлетела ракета.

— Это их батарея! — крикнул Сашко.

И снова долетел голос вожатого:

— «Синие» отвечают... огонь... тяжелых... орудий...

— И чего он кричит? — буркнул Сашко. — И без него знаем, что орудия тяжелые и дальнбойные...

— Что же теперь делать, товарищ маршал? — приблизился к Чайке Омелько. — У нас ракета, и у них ракета. Значит, огонь с обеих сторон ураганный.

— У них же большие потери... Ты же слышал, что кричал Максим.

— Ну да! У них тогда только пулеметы стреляли, а теперь и у них батарея.

Сашко посмотрел на Нагорного. И оба поняли друг друга без слов.

— Давай! — коротко приказал Чайка.

— Воздушный десант! Десант! — весело и взволнованно загомонили ребята. На лодке их было четырнадцать. Они успели уже загореть, у большинства лупились носы от солнца и соленой воды. Ветер развеивал подстриженные светлые волосы Галины. Она старательно крути-

ла ручку трещотки, непрерывно посылая по врагу пулеметные очереди.

На корме стоял Олег Башмачный. Сдвинув брови, он внимательно следил за тем, что делается на берегу. А там между серыми камнями было заметно какое-то движение. «Противник» под огнем батарей красного броненосца спешно укреплял свои позиции.

Галина Кукоба бросила трещотку и кинулась помогать Нагорному. Вскоре возле Омелька толпилось уже столько помощников, что потребовалось вмешательство Чайки.

— Что такое? — крикнул он. — По местам! Дисциплины не знаете!

В руках у Нагорного был большой коробчатый змей. С моря дул сильный ветер, и с помощью Гали и Степы Музыченко змей плавно поднялся в воздух. Тоненькая веревочка разматывалась без задержки, змей поднимался все выше и выше, ветер нес его к берегу, и вот он уже заколыхался над позициями «синих». Ребята с парусника увидели, как длинный Дмитро Озерков, размахнувшись, запустил камнем в воздушного неприятеля. Камень едва не зацепил змея, но пролетел мимо и булькнул в воду, и тогда уже целый град камней взметнулся кверху. «Синие» хотели во что бы то ни стало уничтожить вражеский «дирижабль». Это был грозный и неожиданный для Яши Дерезы гость.

Сашко встревожился не на шутку: попади только камень удачно, змей упадет, и весь стратегический план провалится. Нагорный тоже сразу учел всю опасность. Он торопливо разматывал веревочку, и дирижабль, поднимаясь все выше и выше, медленно уходил из зоны обстрела, покачиваясь уже в тылу врага.

И тут наступила решительная минута, которой с таким нетерпением ждало «войско» на броненосце.

— Давай! — взволнованно скомандовал Сашко.

Нагорный дернул за веревочку: от змея оторвался маленький белый комочек и медленно поплыл в ясной синеве, как пушистая голова одуванчика.

— Давай!

Омелько дергал веревочку раз за разом, и легкие белые парашютики поплыли в воздухе, догоняя друг друга. Это было чудесное зрелище.

— Ура! — крикнул Сашко, и его клич громко подхватили остальные ребята.

Это была тайна «красных», это было выполнение плана, предложенного Нагорным. Воздушный десант в тылу «врага»!

Максим что-то выкрикнул, и команда «Отличника» увидела, как «синие», пригибаясь и прячась между камнями, стали поспешно отступать к горам. «Синие» оставляли свои позиции. Теперь им оставалось только это, так как в тылу у них уже грохотали пушки и строчили пулеметы «красного» десанта.

«Отличник» причалил к берегу. Выгрузили пушки. Нагорный сматывал веревочку, и «дирижабль» быстро возвращался из своей удачной экспедиции. Бойцы выскакивали из лодки с пулеметами и винтовками, преследовали отступающих «синих». Сашко Чайка сел на камень и развернул карту.

— Галина,— сказал он,— если они пойдут по этой тропинке, они погибнут. Тогда мы окружим их вот в этом овраге и уничтожим!

— Уничтожим, Саша,— кивнула головой Галина,— или возьмем в плен.

— Они вынуждены будут сдаться. Здесь мы поставим пулемет, и они попадут в мышеловку.

Но отряд Дерезы не пошел по тропинке, о которой говорил Чайка. Прискакавший связной сообщил, что «синие» отступают прямо к Белым Столбам, к вырытым ими окопам.

Сашко подскочил, как на пружине.

— К Белым Столбам? — вырвалось у него.— Так там же поле! Самое ровное поле!

Это было действительно очень странно. «Синие» покидали позиции со скалами, с громадными камнями, где можно было так хорошо укрываться, и уходили на равнину, совершенно открытую для огня тяжелых батарей.

— Я думал, что Дереза больше понимает в военном деле,— сказал Сашко.— Хорошо для него, что он хоть в овраг не полез со своими войсками.

— Подожди, подожди,— остановил его осторожный Нагорный.— Он хлопец хитрый, этот Дереза. А его военную тайну ты забыл?

— Да, правда,— задумался Чайка.— И что они там смастерили? Пока еще никаких изобретений что-то не видно.

— Подожди, еще увидим,— снова остерег его Омелько.

Сашко тут же через связного передал, чтобы бойцы были поосторожней и на «врага» слепо не кидались. Весьма вероятно, что на поле перед окопами зарыты какие-нибудь мины и что эти мины во время атаки могут взорваться, и тогда все силы «красных» будут уничтожены сразу.

Сашко наскоро свернул карту и вместе с Галиной и Омельком пустился догонять своих. В горах трещали выстрелы, горохом катилась пулеметная дробь, глухо ухали пушки. Возле «Отличника» осталась сильная охрана в лице Степы Музыченко. Художнику было приказано «не любоваться видами» и крепко держать в руках винтовку.

На повороте горной тропки, под старым каштаном Сашко увидел палатку со знаком «Красного Креста» и Люду Скворцову в белом докторском халате.

— Слава аллаху,— сказала она Сашку,— «синие» отступают, а раненых у нас еще нет.

Когда Чайка со своим штабом прибыл к Белым Столбам, отступление «врагов» прекратилось. Отряд Яши Дерезы залег в окопах и бешено отстреливался от «красных».

«Где же их военная тайна?» — подумал Сашко. Тревога Нагорного невольно заразила его. Наверное, Дереза готовит что-нибудь необыкновенное. Коробчатый змей и воздушный десант «красных» были, конечно, неожиданностью для «синих»; они растерялись и вынуждены были отступить. Но если Дереза со своей стороны приготовит какой-нибудь сюрприз для «красных», то еще неизвестно, как обернется дело дальше. Сашка даже в жар бросило от мысли, что «красные» могут проиграть «войну». Нет, это невозможно. Надо быть начеку. Если что случится, сейчас же ответить самыми решительными действиями и, главное, не растеряться. А что же за тайна у «синих»? Какую неожиданность готовят они «красным»?

Ровная местность, на которой укрепился «враг», за окопами круто обрывалась книзу. Что делалось в тылу у «синих», было совершенно неизвестно. Наверное, там размещался их штаб. Внезапно у Сашка зародился блестящий план. Это была смелая мысль, и если только ее удастся осуществить...

У Чайки даже дух захватило. Он обнял Нагорного за плечи.

— Видишь вон там кусты? — спросил он шепотом, с колотящимся сердцем.

Омелько кивнул головой, еще не понимая хорошо, в чем дело.

— И крапиву там тоже видишь?

— Вижу.

— А что, если спрятаться в крапиве и проползти до самого конца полянки?!

Глаза Омелька загорелись радостно и ярко.

— Я полезу, Саша, я! — взволнованно прошептал он.

— Подожди. Я думаю, что у них там нет дозора. Но все же это очень опасная затея. Понимаешь, если тебя заметят...

— Не заметят! Я проползу, как жук...

Маленький, черненький, он и в самом деле был похож на юркого жучка.

— Не заметят, Саша. Крапива там высокая, а я лягу на живот и...

— Там внизу, за окопами, должен быть их штаб. Нам необходимо знать, что они затевают.

— Их тайну!

— Да и все вообще. Надо посмотреть, что делает Дереза. А ползти надо не отсюда. Спрячешься за скалой и выйдешь на полянку. Видишь? Оттуда один только шаг — и ты в крапиве!

Нагорный в последний раз кивнул головой в знак согласия и исчез. К Сашку подошла Галина.

— А знаешь, Саша, мне кажется, что они хотят нас выманить на ровное место. Как ты думаешь?

— А для чего это им нужно?

— Не знаю. Может быть, есть какой-нибудь план.

И оба задумались. Чайка нервничал.

— Я послал Омелька, — улыбнулся он наконец Галине. Но улыбка вышла напряженной, искусственной. Он рассказал девочке о своем плане. Галина внимательно слушала его.

— Успокойся, все будет хорошо, — сказала она. Но Сашко понял, что и она боится за товарища, ушедшего на такое опасное дело. Чайка и сам прекрасно понимал, что Нагорному придется ползти всего в каких-нибудь пятнадцати шагах от неприятельских окопов, и крапива, как

бы высока она ни была, вовсе уж не такая надежная защита от зоркого глаза «врага». Надо было со своей стороны как-то помочь разведчику, отвлечь от него внимание «синих».

— Усилить огонь! — приказал Сашко. — Ввести в бой резервную батарею!

Он сам зажег ракету, и ее зловещее шипенье на миг заглушило пулеметную стрельбу. Ракета разорвалась в воздухе, рассыпавшись огненными звездами. С новой силой затрещали пулеметы, и в горах откликнулось раскатистое эхо.

Время шло, а Омелько не возвращался.

* * *

Все складывалось самым удачным образом. Правда, проклятая крапива немилосердно жгла руки, покрывшиеся сразу волдырями, но это было неважно. Разведчик, припадая к земле, незаметно прополз мимо опаснейшего места — окопов «синих», и перед ним неожиданно открылась картина ближайшего тыла «противника».

В маленькой долинке белели две полотняных палатки. На одной виднелся нарисованный красный крест, на другой висела доска с надписью, которую Омелько не мог разобрать за дальностью расстояния. Однако по тому, что в палатку то и дело входили и выходили «синие» бойцы, разведчик догадался, что в ней находится штаб «синих». Связные «синих» сновали там, как муравьи, чувствовалась сразу торопливая суета: «синие» спешно к чему-то готовились.

Нагорный слышал, как разорвалась ракета «красных», слышал, как «красные» открыли бешеный огонь. Теплое чувство шевельнулось в груди.

— Молодец Сашко, — прошептал разведчик, — подает им жару!

И, должно быть, в самом деле горячим был этот огонь. Еще торопливей забегали связные, и из палатки вышел... Да, это был сам главнокомандующий «синих» Яша Дереза. Омелько сразу узнал его. Дереза размахивал руками, что-то говорил быстро и оживленно и совсем не был похож на того вечно задумчивого изобретателя Яшу Дерезу, которого так хорошо знал Омелько. Дерезу словно

подменили. Теперь он был командиром, от его решений и приказов зависела победа его армии.

«А где изобретение, где тайна?» — подумал Нагорный.

Он стал прислушиваться, надеясь услышать хоть что-нибудь из распоряжений Дерезы. Но ничего нельзя было разобрать, и разведчик решил проползти к самому штабу «синих». В одном месте спуск в долинку зарос кустами шиповника, и, прячась за ними, можно было незаметно спуститься вниз.

Омелько пополз. Но не успел он на этот раз проползти и трех метров, как грозный окрик остановил его:

— Стой! Ни с места!

Нагорный увидел Дмитра Озеркова. Тот направил на разведчика винтовку и коротко сказал:

— Вставай! Попался!

Через несколько минут Озерков и Омелько были уже в штабе.

— Поймал разведчика! — доложил Дмитро Дерезе.

— А-а, профессор межпланетной авиации! — удивился главнокомандующий «синих». — Как ты сюда попал?

Озерков рассказал, как он выследил Нагорного и задержал его.

— Молодец! — воскликнул главнокомандующий. — Ты будешь награжден.

Омелько печально поглядывал по сторонам, и было ему так горько, так горько, будто он только что наелся самой настоящей горькой полыни.

— Не оглядывайся, — сказал Дереза, — все равно не убежишь!

И сейчас же, приняв серьезный вид, начал допрос:

— Чайка послал? Это уже вторично, и оба раза неудачно! Что же вы молчите, уважаемый профессор? Почему вы не желаете поделиться с нами военным опытом марсиан? Не стесняйтесь, здесь все свои! Ваше имя?

— Иванов.

— Почему вы очутились в районе расположения «синих»?

Нагорный молчал.

— Не хочешь отвечать? — закричал главнокомандующий. — Все ясно: разведчик!

— Если вам ясно, — не спрашивайте.

— Говори! Какие планы у «красных»? Что они собираются делать?

Омелько подумал: «Пусть замучат — не скажу ни слова».

— Почему ты молчишь? Много ли у вас раненых? Какие гостинцы готовите «синим»? Ты, конечно, понимаешь, о каких гостинцах я говорю: например, вроде вашего змея с воздушным десантом.

— А я вижу, вам он не очень-то понравился, — буркнул Омелько.

— Не будешь отвечать — расстреляем.

— Знаю.

— Что затевают «красные»? Их планы? Кто остался охранять «Отличника»?

Нагорный встрепенулся. Ему показалось, что «синие» хотят обойти и захватить броненосец. Если только Музыченко зазевается или вдруг покинет свой пост, «враг» тогда, без сомнения, осуществит свои намерения.

— «Отличник» охраняется целой дивизией, — соврал допрашиваемый. — Там осталась батарея.

Омелько испытывал самую настоящую тревогу. Нет, это была уже не игра — это была суровая действительность. Он разведчик, и захвачен врагами. Ни одним словом не проговорится он о военных планах «красных». Отсюда, из штаба, перед ним только одна дорога — к смерти! И как далеко сейчас и Сашко Чайка, и Галина, и Музыченко, и все ребята!.. Какими родными, какими любимыми друзьями были они сейчас для пленного! А этот Дереза... Нет, это уже не знакомый одноклассник Яша — это генерал, это хитрый и сильный враг!

Нагорный гордо поднял голову:

— Больше я не скажу вам ни слова!

— Героя разыгрываешь? — нахмурил брови Дереза. — Слушай, Нагорный... или как там тебя... Иванов. Мы тебя расстреляем, но перед смертью я тебе что-то покажу. Посмотришь, какой мы вам приготовили гостинец.

Все трое вышли из палатки. Впереди — главнокомандующий «синих», за ним — Нагорный, сзади — Дмитро Озерков с винтовкой.

А там, на позициях, не затихал «бой». Гремели пушки, трещали пулеметы. «Наши победят, — подумал Омелько, — а меня... уж не будет...»

И снова показалось ему все настоящей действительностью — тяжелой, невыдуманной... Высоко-высоко, в глубокой, бездонной синеве неба, спокойно и беззаботно

плыли два легких пушистых облачка. Желтели одуванчики, гудели пчелы, и жизнь кругом казалась такой прекрасной, такой светлой...

Раздвинули кусты и очутились на тихой полянке.

— Пришли! — сказал Озерков, и Омелько увидел то таинственное и страшное изобретение, которое «враги» собирались бросить против отряда Сашка Чайки.

* * *

О том, что Нагорный попал в руки врагов, Сашко узнал от посредника Максима. Командир «красных» знал, какая участь ждет смелого разведчика. Галина требовала немедленного наступления. Чайка согласился. Он еще не терял надежды спасти товарища. Если атака будет удачна и «синие» сдадут окопы, Омелька можно будет обменять на захваченных пленных. Итак, первая задача атаки — это взять в плен несколько «синих» бойцов.

Сашко уже отдал приказ о наступлении, когда «враги» вдруг засуетились и выбежали из окопов с криками «ура».

«Ага, идут в контратаку!» — мелькнуло в голове у Сашка. И в ту же минуту он услышал рокот мотора. Из-за окопов «синих» выползала какая-то серая громадина и двинулась прямо на «красных».

— Танк! Танк! — испуганно крикнул кто-то над самым ухом Чайки.

Грохоча, «танк» медленно приближался. Из его башни грозно глядели жерла пушек. Сашко видел растерянные лица своих бойцов. Левый фланг «красных» подходил почти вплотную к окопам «синих». Несколько бойцов вскочили с земли и начали отступать. Что делать? Неужели, это конец «боя»? Неужели, это уже поражение?

— Куда? Стой! — крикнул Чайка. — Не отступать! Пулеметы, вперед! Батарея, огонь!

И тут все увидели, как тонкая фигурка девочки с красным галстуком на шее бросилась ничком на землю и быстро поползла вперед, прямо навстречу серому чудовищу. Это была Галина. Рокот моторов все ближе и ближе... Танк! Так вот почему «синие» остановились на ровном месте!

Увидели Галину и «враги». Они уже не кричали «ура».

Затаив дыхание, они следили за тем, что должно было произойти в следующую минуту. Танк приближался. Но вот мгновение — и, вскочив на ноги, Галина взмахнула рукой: Раз! Раз! Две бомбы одна за другой обрушились на стены движущейся крепости. Раздался страшный взрыв, и все увидели Максима, выпустившего сигнальную ракету. Максим подскочил к танку, поднял руку и что-то крикнул. Танк проехал еще несколько метров и остановился. «Красные» бросились вперед. Они бежали, спотыкались и падали, и снова бежали... Первым подбежал Чайка. Тогда из башни танка выглянуло красное и возбужденное лицо Яши Дерезы.

— Неправильно! — сказал он. — Неправильно!

— Танк подбит! — громко и отчетливо ответил Максим. — Вылазы!

— Сдавайся! — кричала бледная от волнения Галина. — Сдавайся!

Ветер раздувал ее волосы, глаза сияли от счастья.

— Танк подбит! Сдавайся!

— Если б это было по-настоящему, ни за что бы не сдался! — буркнул Дереза.

И его тут же подхватили десятки рук.

— Качать! — первым крикнул Сашко. — Качать Дерезу!

«Красные» высоко подбрасывали в воздух командира «синих», потому что сейчас он уже был не командиром, не «синим», а снова их товарищем, одноклассником и любимым изобретателем Яшей. Все наперебой поздравляли его с прекрасной выдумкой, с замечательным танком.

Чайка взял Галю за руку.

Как хотелось ему сказать ей что-то хорошее о ее храбром поступке, поцеловать ее. Но говорить об этом было почему-то стыдно, и он смог только проговорить:

— Галина! Ты сегодня — совсем как Ворошилов!

И неожиданно для себя он понял, что сказал все, что его волновало.

* * *

Олег Башмачный расположился под кустом. Рядом с ним лежала провизия для бойцов, которую он был обязан охранять. Сначала мальчику было очень досадно, что он не принимает непосредственного участия в боях, а потом, подумав хорошенько, пришел к выводу, что,

в сущности, все это только детская игра и ему, Олегу, немного стыдно принимать в ней участие. Все, по мнению Олега, в этой игре было «липовое». И пушки, и пулеметы, и атаки, и герои. Да и какие там герои! Это ведь не Арктика!

Олег взгрустнул. Подумал, что после разговора с Василием Васильевичем капитанский техникум отодвинулся куда-то за моря, за высокие горы... Ой, как долго надо еще учиться! Как далеко сейчас и Арктика, и слава, и геройство!

А почему и в самом деле мечтать только об Арктике и ледоколах? А если взять и пойти учиться на доктора? Вот у Гали Кукобы, например, отец тоже доктор. Хирург. Ну и что ж? Пузыри разрезать? Только и всего? Герой!..

Где-то далеко за каменным гребнем трещали выстрелы, слышно было, как разорвалась ракета. Там «красные» воевали с «синими». А тут, под кустом, было так тихо и спокойно. Нигде никого. Да и работенка тоже без хлопот: лежи да стереги мешочки с крупами и консервами! Завхоз называется! Х-ха!

Одну мысль сменяет другая. Забыты и консервы и крупы. Олег думает о другом — он следит за полетом стрижей, за плывущим облачком... Он зевает, кладет под голову мешок с хлебом и сладко засыпает.

Разбудили «завхоза» смех и голоса ребят. После войны и «красные», и «синие» мирно сошлись к обеду, чтобы всем вместе за едой разобрать хорошенько этапы «боя» («этапы» — так сказал профессор Омелько Нагорный).

И тут вдруг выяснилось, что консервы куда-то исчезли. Олег заметался в поисках — отвечать-то ведь ему.

— Где ж консервы? — спрашивал Максим.

Олег только руками разводил:

— Не знаю?

— А кто же знает? Ты караулил?

— Караулил.

— Кто-нибудь приходил?

— Нет, никого...

— Кто же взял консервы? Или вор, может, был в шапке-невидимке?

Олег молчал.

— Ты, наверно, спал? — допытывался вожатый.

— Да, немного задремал.

— Вот то-то и оно! Задремал! Всех товарищей оставил без консервов. И какие консервы — шпроты, кефаль в масле. Пальчики оближешь! Капитан Арктики! С делами завхоза справиться не смог! Ге-рой!

Олег был ошеломлен этим потоком упреков. Но упреки были справедливы, и Олег молчал.

— Пусть это будет тебе наука,— укорял его Максим.— Ну, вот что: консервы спрятал я, чтобы показать тебе, какой ты... завхоз!

Вожатый направился к ближайшему камню, обошел вокруг него и проговорил растерянно:

— А консервы и вправду исчезли!.. Я их положил вот тут. И никаких следов!..

Следы, конечно, были. И шапка-невидимка к этому происшествию никакого отношения не имела.

* * *

Разбуженный выстрелами и шумом в горах, незнакомец вылез из своего логова. Сны у него были тяжелые, мучили кошмары. Два дня во рту не было ни крошки, если не считать каких-то с трудом разжеванных корешков да подобранной на берегу оставшейся там после улова рыбешки. Кожаная сумка давно уже была пуста. Но незнакомцу все еще везло. Обыскивая по ночам рыбацьи лодки, он нашел в одной из них два хлеба, забытых там рыбаками. Этой добычи хватило на целых десять дней, хотя есть, конечно, приходилось по маленькому кусочку.

Незнакомец осторожно заковылял. Нога заживала медленно, и ходить было больно. Но возле логова стало чересчур шумно илюдно, надо было уходить куда-нибудь подальше.

Незнакомец уходил, прячась за камнями. Он уходил, как волк, почуяв приближение охотников. Он уходил от детских голосов, от пионеров... И, уходя, случайно наткнулся на кулек. Раскрыл его и увидел консервы. Блеснули глаза, но кто знает, что было в этом блеске.

— Теперь наша взяла! — прошептал он и взвалил кулек на плечо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Шпион на Медвежьей круче

Трудовые дни для маленького Ивасика начинались рано. И это на самом деле были трудовые дни, полные хлопот, тревоги, радости и волнений... Мальчик просыпался от ласкового прикосновения теплого солнечного луча. Он жмурил глаза и сладко потягивался всем своим маленьким тельцем. И каждый раз его поражало загадочное, непрерывное движение в комнате. Ничто не стояло на месте: золотые пылинки, пронизанные солнцем, танцевали и кружились столбом возле кровати, по стенам прыгали солнечные зайчики. На глазах у Ивасика у них вырастали длинные уши и кучье хвостики, и эти хвостики смешно тряслись, будто зайчонок чего-то сильно испугался. Длинный луч скользил по полу и забирался даже на шкаф. Стенные часы хотя и висели неподвижно, но они тоже, безусловно, жили. Маятник качался, и в такт ему сердитые часы все время приговаривали: «Нет, не так! Нет, не так!» И что бы ни делал Ивасик, все не нравилось часам, все было не так...

Умывшись и наскоро позавтракав, мальчик бежал к морю. По дороге он навещал гнездо желтобрюшки. Она свила его на земле, на склоне невысокого обрыва. Ивасик с радостью видел, что за ночь в гнезде прибавилось еще одно яичко.

Теперь можно прямо к морю! Но тропинку пересекала целая орда муравьев. Муравьи рыжие, как красная глина; они передвигались бесконечными полками и несли беленькие личинки. Ивасик надолго задерживался возле муравьев, преграждая им путь тонкими прутиками, камешками, но ничто не могло остановить их продвижения. Он отнимал у них личинки и, осторожно разорвав нежную, как паутина, кожицу, рассматривал, затаив дыхание, что там в середине. В каждой личинке лежал, поджав лапки, влажный белый муравей...

Потом мальчику встречался по дороге совсем-совсем особенный, невиданный жук с длинными усищами. Потом Ивасик находил круглое осиное гнездо, прилепившееся к скале, затем долго ловил и искал в траве изумрудную ящерицу... И, когда наконец добирался к морю, бывало уже заплодень...

Но самое большое раздолье, конечно, возле моря. Море — это такая неисчерпаемая сокровищница, что тут бледнеют все описания. Достаточно вспомнить мальков головастых бычков, фантастических медуз, маленьких рачков и, главное, крабов... И все это можно поймать своими руками, все это можно принести домой и посадить в банки! Неудивительно, что юный охотник частенько забывал об обеде, и дед Савелий отправлялся его искать.

А после обеда — снова на берег! На море появились белые барашки, белые, как первый снежок. Солнце припекает горячо, на горизонте виднеется пароход, рыбацьи шаланды словно застыли в синей дали.

Незаметно наступает вечер. Величественное, кровавое солнце опускается за море, озаряя небо огненными факелами. Вот оно совсем исчезло, нырнуло в бездну, а восток еще пылает изменчивым, трепетным отсветом зари.

Нагруженный богатой добычей, бесконечно усталый, Ивасик влезает на огромный камень. Гладкий, отполированный морскими волнами камень теплый, будто ладонь человека. Мальчик сидит и задумчиво смотрит, как тонет в море последний зеленоватый луч. Он сидит долго, забыв и крабов, и медуз, а камень постепенно охлаждается, отдавая свое тепло ночи, морскому ветру, шуму прибоя...

И здесь, на камне, его снова находит дед Савелий.

Утром мать собирается в море.

— Мама, поймай мне морского конька!

Ивась гладит потрескавшуюся, грубую руку матери. Марина поспешно целует сына:

— Поймаю.

— А ты не забудешь, мама?

— Ну как же можно забыть?

Морской конек, это фантастическое создание, действительно напоминающее конскую голову, давно уже не дает покоя мальчику. Ему так хочется иметь такого конька в своем самодельном аквариуме!

Отчаливает лодка, за ней другая, третья... Белоснежные паруса расплываются, как лебединые крылья, все дальше и дальше уплывают шаланды, они едва виднеются, а Ивасик все стоит на берегу, и ему кажется, что он еще видит красный платок матери в голубой дали.

Море и небо — как два бирюзовых океана. Сашко отчаливает и, не поднимая паруса, не спеша гребет веслами. Дует свежий, теплый ветер, но море спокойно. Синий простор, солнце и тишина. Только тихо плещется у берега ленивая волна. Едва-едва покачивается лодка. На белом борту ярко краснеют буквы: «Отличник». Как хорошо лечь на спину и беззаботно глядеть на небо! Лодка качается, словно колыбель... Тишина... Голубое небо... Солнце... Ветер, пропитанный солью... Дышит море...

— Мальчик! Эй, мальчик!

Сашко Чайка вздрагивает от неожиданности. Он видит на берегу незнакомого человека. Тот бос, одна нога перевязана, кожаная сумка надета через плечо.

— Мальчик, гребь сюда! Есть дело!

Какое может быть «дело» у этого человека? Кто он такой? Что ему нужно от Сашка?

Чайка нерешительно берется за весла. Гребет. Лодка ткнулась носом в песок.

— Послушай, мальчик, здесь у вас есть дачники?

— Есть, — отвечает Сашко. — У Захара Мякоты, у дядьки Сильвестра...

— У бабки Горпины, у тетки Мотри... Хи-хи-хи...

— Таких у нас в Слободке нет.

— Знаю. Я пошутил... Я люблю шутить...

Незнакомец огляделся по сторонам.

— Помню, как сказал мне однажды Буденный (я у него в армии служил): «И когда ты, Петр, перестанешь шутить?» Ну, это я так вспомнил. А ты что, гуляешь? Может, ты пионер?

— Пионер.

— У меня сынок тоже пионер. Владимиром зовут. В честь Владимира Ильича Ленина. А тебя как зовут?

— Сашко.

— Хорошее имя. Был такой полководец — Александр Македонский. Не учил по истории? Имя боевое... А парусник твой исправный, хороший?

— Хороший.

— А ты, значит, капитан... Хи-хи-хи... Часы у тебя есть?

Незнакомец снова посмотрел по сторонам. Вокруг — никого не видно.

— Нет? Какой же ты капитан, если у тебя нет часов?

— Да так...

— А хорошо здесь. Я сюда на дачу приехал. Дачник. Только вот несчастье какое — нога болит. Ходил в больницу, доктор говорит, что надо в город ехать. Хи-хи... Хорошо ему говорить. А как же я туда дойду с больной ногой? Не подвезешь ли ты меня на лодке? Я отблагодарю. Я могу тебе даже...

Незнакомец порылся в кармане, и на солнце сверкнули серебряные часы.

— Могу их подарить тебе. Хи-хи-хи... Конечно, если бы часы были очень дорогие, то я бы тебе их не отдал. Но все же часы хорошие... Идут, хе-хе... Подвезешь, Сашко?

Было что-то неприятное, вкрадчивое в его словах, в движениях. И Сашку почему-то вспомнился Кажан. Вспомнился разговор о его аресте. Вспомнились рассказы брата Лаврентия о нарушителях границы. «И чего он все время оглядывается? — подумал Сашко. — Как будто боится...»

— Что ты так долго думаешь? Повезешь? Через два часа будешь дома...

И тогда у Сашка созрело решение.

— Садитесь, — сказал он. — Только не обманите. Часы обещали отдать.

— Какой же может быть обман? — уверял незнакомец, садясь в лодку. — Я сам буду грести. А ты садись у руля.

У незнакомца вначале были другие планы. Он хотел захватить лодку и плыть в город. Но от этого пришлось отказаться. Во-первых, возле «Отличника» всегда находился кто-нибудь из пионеров, во-вторых, на море можно было встретить слободских рыбаков; все они прекрасно знали пионерский парус, и незнакомый человек в лодке неминуемо вызвал бы подозрение. Другое дело, если в лодке будет еще кто-то из пионеров. Воспользоваться лодкой ночью тоже было небезопасно — и ночью тоже много рыбаков выезжало на ловлю. Была, конечно, возможность проскочить незаметно, но незнакомец не хотел рисковать.

Сашко правил рулем и молча рассматривал своего

пассажира. Тот прекрасно справлялся с веслами, лодка шла полным ходом.

— Жаль, что нельзя поднять парус,— сказал незнакомец.— А я думал, что будет попутный ветер.

— Нет, ветер дует в лицо,— ответил Сашко.

Вдруг незнакомец бросил весла и посмотрел на берег. В его зеленых глазах загорелись злые огоньки.

— Стой! — крикнул он.— Ты куда правишь? Куда мы плывем?

У Сашка сильно билось сердце, но он спокойно ответил:

— В город.

— Врешь!

Лодка качнулась, и в один миг незнакомец очутился возле мальчика.

— Змееныш! — прошипел он, озираясь по сторонам, и выхватил револьвер. Вдали виднелось несколько лодок. Сашко понял, что помощь далека от него. Он откинулся на бок и быстро поднял весло. Но ударить незнакомца по голове не успел. Весло со свистом разрезало воздух и стукнулось о дно лодки. В тот же миг сильные руки схватили Сашка, и после короткой борьбы мальчик тяжело упал за борт.

Голова Сашка скрылась под водой, но он вынырнул и увидел, что враг повернул лодку, поднял парус и быстро удалялся с попутным ветром. И тогда, напрягая все силы, Сашко поплыл. Плавал он хорошо, но от берега было далеко. И голова его была так тяжела, будто ее сдавили стальными тисками. «Он, верно, здорово меня стукнул»,— мелькнула мысль. Сашко пытался еще плыть, но с каждым взмахом рук силы оставляли его. И с ужасом понял, что ему не доплыть до берега.

* * *

Олегу Башмачному вздумалось навестить пещеру, в которой он когда-то спрятал браунинг. Чудесная пещера, там можно устроить зимовку, как на Северном полюсе. Это ничего, что на дворе конец мая и повсюду ярко-зеленая растительность, это нисколько не мешает полярному исследователю прожить долгую зиму в ледяной пещере.

И что за чудесный уголок! Тут можно разводить кос-

тер, можно устроить из сена удобную постель и долгими полярными ночами слушать завывания пурги и голодный рев белых медведей. Можно, конечно, ходить и на охоту. Хорошо бы позвать «зимовать» с собой Нагорного. Он храбрый хлопец. Он даже смерти не испугался, когда его «синие» вели на расстрел.

Олег решил похозяйничать. Веником из связанных веток чисто вымел «пол» пещеры, сложил из камней стол и два стула, пробил окошечко. Из травы и прошлогоднего сухого бурьяна смастерил неплохую постель.

Довольный своей работой, Олег вышел из пещеры и сел на «пороге». Далеко внизу голубым ковром раскинулось сияющее, лазурное море.

«Ну, я теперь — совсем как Робинзон, — подумал Олег. — Вот только бы еще подозрную трубу, и все!»

Вон рыбацьи шаланды. Отсюда кажется, что они не движутся и застыли на одном месте. Далеко-далеко белеет стая чаек. Они как клочки белой бумаги... Собрались все в одно место. Верно, нашли какую-нибудь поживу. А вон и лодка. И до чего она похожа на их «Отличника»! Да это и есть он самый, «Отличник»! В лодке двое. И Олег сразу вспоминает, что, пробираясь сюда, видел на берегу Сашка Чайку с веслами на плече. Ну, конечно, это он! Пламенеет его красная майка. Сашко у руля. А кто же с ним другой?

И вдруг Олег вскакивает с места. Он видит, как в лодке начинается какая-то борьба. Мгновенье — и фигура в красной майке летит за борт и исчезает в воде. А тот, другой, быстро поставил парус и повернул лодку обратно.

В первую минуту Олег застывает от растерянности. Он понимает, что на его глазах совершилось что-то непоправимое и злое. И вот уже мальчик бежит к берегу, перескакивая на бегу через камни, пробираясь через кусты цепкого терновника. Вдруг он проваливается в яму и с трудом выбирается оттуда, не обращая внимания на тупую боль в колене. С берега он видит голову Сашка, которая в последний раз появляется над водой и исчезает. Недолго думая, Олег скатывается вниз, прямо на влажный прибрежный песок. Сорвав с ног ботинки, мальчик бросается в море.

Как он схватил Сашкино безжизненное тело, как выплыл с ним на берег, Олег не мог вспомнить. Сашко ле-

жал распростертый на песке, неподвижно и неестественно вытянувшийся.

— Сашко! — прошептал Олег и упал рядом с ним на колени. — Сашко! — повторил он погромче, расталкивая товарища. — Сашко! — крикнул он изо всех сил, чувствуя прилив непобедимого страха.

«В больницу!» — подумал Олег и, вскочив на ноги, попробовал поднять Сашку на плечи и понести. Послышался глубокий вздох. Сашко широко открыл глаза и стал приходить в себя. Его губы зашевелились, он хотел поднять голову и снова тяжело упал на песок.

— Лежи! — приказал Олег.

— Где... шпион? — делая неимоверное усилие, выговаривал Сашко.

Шпион? Какой шпион? Кругом такой прекрасный день, такое голубое, искрометное море... Какой шпион?

И вдруг Башмачный понимает все: шпион остался там, на пионерском паруснике...

Мальчик взглянул на море. Вдали виднелся белый парус.

— Шпион! — сказал он громко и безнадежно. — Шпион!..

Что делать? Бежать сейчас же в Слободку, звать людей, бить тревогу... А как же Сашко? Одного его оставить нельзя.

— А-гмы-гмы... А-гмы-гмы...

На повороте дорожки показывается мальчишка. Он, всхлипывая, вытирает рукавом глаза и мычит: «А-гмы-гмы, а-гмы-гмы...»

И таким знакомым, таким милым показалось Олегу сейчас это заплаканное личико.

— Так это же Кирюха Федорович! — вспоминает Башмачный.

Кирюха, должно быть, тоже узнает Олега, потому что сразу перестает плакать, очевидно, вспоминая все чудесные вещи, подаренные ему Олегом: и пуговичку, и резинку, и пробку для пугача...

— Чего ты плачешь? — спрашивает Башмачный.

— Батяка побежал... гмы-гмы... в сельсовет. А мне сказал: «Смотри, куда... гмы-гмы... хвашист пойдет». А он спрятался, и я... гмы... гмы-гмы... я и не уследил...

И Кирюха хотел снова залиться плачем, но не успел. Взглянув на море, он крикнул:

— Пограничники! Вот теперь-то они поймают хвастиста...

Быстроходный катер пограничной охраны шел прямо к берегу, к тому самому месту, где был сейчас Олег.

Мотор весело стучал, отдаваясь в море эхом. Метров за шестьдесят от берега пограничники выключили мотор и только тогда услышали истошный крик Олега. Показывая на далекий белый парус, мальчик иступленно кричал что-то о шпионе... И снова застучал мотор, а Кирюха сказал, вытирая рукавом нос:

— Это батька позвонил им из сельсовета по телефону... (Кирюха Федорович упорно не желал выговаривать букву «ф» и заменял ее сразу двумя: «хв»).

Сашко сделал усилие и, неожиданно поднявшись,сел. Он тоже смотрел вслед катеру и тихо, задыхаясь от радости, с пылающими глазами выговорил:

— Ну, теперь поймают!..

* * *

Первый косяк скумбрии заметили с шаланды, на которой была Марина Чайка вместе с двумя рыбаками. Рыба «играла». Быстро и бесшумно заработали весла. С другой стороны подошла еще одна шаланда. В море упали длинные охватывающие сети, и косяк серебряной рыбы очутился в громадном четырехсотметровом кольце.

На длинных веревках плюхнулись в воду тяжелые, налитые свинцом пеламиды. Скумбрия, испуганная нахальным вторжением хищников и не подозревая, конечно, что это только деревянные, раскрашенные изображения их, метнулась наутек и тут же попала в сети.

Когда шаланды с богатым уловом возвращались домой, на околице Слободки затрещали выстрелы. Марина увидела издали фигуры пограничников, цепочкой наступавших на невидимого врага. Кто-то из рыбаков на пристани крикнул, что ловят шпиона. Люди со всех сторон сбегались к месту происшествия. Одни бежали с охотничьими ружьями, другие с заступами, третьи просто с тяжелыми палками...

Опережая всех, побежала за околицу и Марина Чайка с веслом на плече. Она увидела, как из крайней хаты выскочил дед Гурий с дробовиком в руках и поспешил

за остальными. Марина подбежала к нему и крикнула не останавливаясь:

— Куда, дедушка?

— Волка бить!

И правда, было похоже, что в мирную овчарню средь бела дня заскочил волк.

— Давайте меняться, дедушка: берите весло, а мне дайте ружье.

Но дед Гурий был человек упрямый. Нет, он и сам еще не разучился стрелять, а Марина, мол, может прекрасно стукнуть волка и веслом.

Уже за Слободкой Марина узнала подробности. Слух о нарушителе границы в одну минуту облетел всю Слободку. Было известно уже и то, что шпион едва не утопил Сашка и что Олег спас товарища от смерти.

Нарушитель заметил, что пограничный катер настигает его. Возможность уйти от погони у него оставалась только одна: подвести парусник к берегу и исчезнуть в каком-нибудь овраге, замести следы среди бесчисленных скал и камней в невысоких прибрежных горах. Шпион так и сделал, но спрятаться ему не удалось. Следом за ним на берег высадились пограничники. Они шли по пятам. Враг уже видел свою гибель. Он залег среди камней на Медвежьей круче, обрывистой и отвесной горе, куда вела узенькая тропинка. Здесь, притаившись между камнями, он мог бы перестрелять по одному каждого, кто осмелился бы ступить на эту тропинку. А сзади зияла пропасть.

Пограничники полукругом окружили гору. По тропинке они не пошли. Поддерживая друг друга, они медленно, с большими усилиями лезли прямо по скалам. Шпион стрелял вниз из револьвера, пограничники не отвечали. Зверя надо было взять живьем. Ему предложили сдаться. Ответом на это были новые выстрелы.

Шпион с горы видел людей. Они бежали к обрыву. И бежали они не из простого любопытства.

Патронов оставалось мало. Враг понял, что развязка наступает слишком быстро. Его взгляд остановился на больших камнях, поросших серым мхом. Глаза блеснули холодным злобным блеском. Стремительное движение рук — и тяжелые камни, подпрыгивая, с грохотом пока-

тились вниз. Камни пронесли лавиной в нескольких шагах от бойцов...

Пограничники залегли за длинным каменным выступом. Он похож был на природный гребень каменной траншеи. Выступ оберегал и от пуль и от камней. Красноармейцы лежа стреляли из винтовок. Так прошло десять минут... двадцать. Это начало беспокоить врага. Шпион приподнялся и огляделся вокруг. И вдруг он понял, чего ожидают пограничники. Они только отвлекают внимание врага от его тыла. А в то же время неожиданная опасность явилась как раз оттуда.

Шпион увидел позади себя, на крутых склонах пропасти, толпу рыбаков. Впереди всех поднималась женщина с веслом в руках. Диверсант выстрелил три раза подряд, но рука изменила ему. Женщина не остановилась. Она молча, упорно продвигалась вперед. Ее руки хватали редкие кусты на склоне, ноги использовали каждую незначительную опору...

«Через пять минут она будет уже здесь», — подумал шпион. Обороняться на два фронта он не мог: пограничники вышли из своего укрытия и двинулись вперед.

Неожиданно на узкой тропинке показался ребенок. Это был мальчик лет семи. Шпион ясно видел его светлые волосы, маленький выпуклый лоб. Он бежал вверх по тропинке. Тропинка была слишком крута, мальчик запыхался, но все же с воинственным видом продолжал размахивать своим игрушечным ружьем. Он даже остановился, зарядил ружье пробкой и выстрелил. Этого ему показалось мало. Повесив ружье через плечо, наклонился, поднял камешек и кинул в ту сторону, где, по его мнению, прятался враг.

— Вот тебе! — долетел до шпиона детский крик.

Мальчика на тропинке (это был Ивасик) заметили и пограничники. Шпион увидел, как двое из них метнулись влево. Они что-то кричали и бежали наперерез мальчику. Было ясно, что они хотели перехватить его и не пустить дальше.

В ту минуту, когда Ивасик появился на тропинке, у шпиона оставался один патрон.

«Пора кончать», — подумал он, и, когда красноармейцы были уже всего в нескольких шагах от мальчика,

шпион в последний раз поднял руку с револьвером и прицелился. Он целился прямо в выпуклый лобик мальчугана. Но в то мгновение, когда должен был раздаться выстрел, сзади прозвучал приглушенный, короткий крик. Марина Чайка была в трех шагах от врага. Рука шпиона дрогнула, но выстрелить он все же успел. Ивасик взмахнул руками и упал, как травинка, подкошенная косою.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

почти целиком посвященная Ивасику

Первые дни, когда Ивасик лежал в больнице, в доме Марины Чайки было печально и пусто. Сашко два дня совсем не приходил домой, ночуя где-то у товарищей. Марина же целые дни проводила на крыльце больницы, стараясь по лицам докторов и санитаров прочесть правду о своем сыне. Ее утешали и успокаивали, но матери казалось, что врачи не говорят ей всего, и сердце ее готово было разорваться от горя, от предчувствия неизбежного и страшного конца.

Дома оставался один только дед Савелий. Некому было рассказывать ему теперь об акулах и китайских ласточках. Дед охал, слонялся по комнатам, прислушивался к непривычной тишине. Пробовал плести сети, но работа валилась из рук. Иногда старику слышался топот веселых ножек внука, он выходил за ворота и долго стоял с непокрытой головой, вглядываясь в конец улицы.

На третий день пришел домой Сашко. Он посмотрел на пустую постель брата, зашел в чуланчик, где стояли банки с крабами и где до сих пор еще прыгал в клетке щегол и валялись разбросанные морские камешки, и горько заплакал.

Впрочем, гнетущая тишина развеялась довольно скоро.

Как только в газетах появилось сообщение о подломе выстреле шпиона в семилетнего мальчика Ивасика Чайку, со всех концов необъятной страны стали поступать письма. Письма шли из Москвы, из Киева, из Владивостока,

из Ташкента, из Минска... Скоро весь стол и пустая кровать Ивасика были завалены письмами. Писали пионеры из далекого Казахстана и с берегов холодного Белого моря, писали красноармейцы и летчики, писали профессора и рабочие, русские и украинцы, писали узбеки и грузины, башкиры и татары... Писали взрослые и дети, отцы и матери...

По вечерам к Марине Чайке сходились рыбаки. Сашко садился за стол и читал вслух взволнованные письма далеких, незнакомых людей. Проклятия злодею, вопросы о здоровье Ивасика, слова теплого сочувствия и поддержки облегчали горе. Радостно было чувствовать, что вся страна взволнована одним и тем же, что миллионы людей беспокоятся о здоровье маленького мальчугана с крутым лобиком и белыми волосами... Старики незаметно смахивали слезы, молодые прикладывали платки к глазам, но это были слезы радости и бесконечной гордости за людей великой страны.

В квартире доктора Кукобы в эти дни было тоже тихо и безлюдно. Галина мать неотлучно находилась в больнице и часто целые ночи просиживала у постели Ивасика. Это были тяжелые и тревожные ночи, когда мальчику внезапно становилось хуже, когда он начинал в жару метаться по постели и ловил воздух пересохшим раскрытым ртом. Это были ночи, когда седой профессор, известный всему миру, не смел говорить громко и шепотом проводил свои консультации. Он проехал тысячи километров, спеша в Слободку на помощь мальчику, который сейчас не смог бы выдержать никакой дороги.

Отца своего Галина видела тоже урывками. Он в первый же день сделал блестящую и смелую операцию, вынув из маленького тела Ивасика кусочек смертоносного свинца. Галина видела эту предательскую пулю, которая побывала у горячего сердца ребенка.

Как-то девочка встретила на улице Сашка и Олега. Мальчики шли вместе, взявшись за руки, как ходят самые близкие друзья. Галина остановилась и поздоровалась с ними. Она смотрела на обоих восхищенными глазами. Оба они были героями, эти ребята, ее товарищи по классу. Ей очень хотелось услышать из их собственных уст рассказ о том, как Сашко пытался отвезти шпиона прямо на заставу, и как шпион бросил его в море, и как Олег спас жизнь товарищу. Но ей было стыдно

расспрашивать об этом сейчас, когда у Сашка тяжелое горе, и она спросила его только о письмах, которые они получали каждый день. Спросила и тут же покраснела, потому что сразу вспомнила о своем «письме», написанном на промокашке, вспомнила и то, как Олег перехватил у нее эту бумажку... Как это давно было! Будто целые тысячелетия прошли с того времени. Прошли, чтобы больше никогда не повториться.

Девочка посмотрела на Олега и увидела, что и он покраснел.

— Помнишь,— сказала она, обращаясь к Сашку,— ты сказал, что я — как Ворошилов... А теперь вы оба... совсем как летчики!

Летчики! Это — заветное слово. Это — мечта. Карие глаза Чайки сразу потеплели, но он не сказал ничего. Ответил Олег:

— Нет, я буду капитаном. Это моя основная профессия.

И он сурово нахмурил брови, так точно, как это должны были делать, по его мнению, все суровые капитаны ледяных арктических морей.

Теперь, когда об отважном поступке Сашка и Олега писали в газетах, называя их героями, Олег неожиданно почувствовал, что не это главное для него. Главное в том, что Сашко жив, что он, Олег, вытащил его, обессиленного, полумертвого, из морских волн. И вот Олег идет рядом с ним, может смотреть ему в лицо, разговаривать, держать его за руку.

Только на шестой день Марине Чайке разрешили известить сына. Ей выдали в приемной белый халат, и, чувствуя, как дрожит у нее каждый нерв, мать на цыпочках вошла в палату, где лежал Ивасик. И что стало с ней, когда она снова увидела любимый лобик, длинные ресницы, льняные волосики! Она замерла на пороге, чувствуя, как быстро бьется сердце и горячий, удушливый клубок подступает к горлу. Она боялась крикнуть, боялась разрыдаться. Ей казалось, что еще минута — и она упадет на пол. Седобородый профессор подошел к ней и бережно поддержал ее за локоть.

— Может... может, не надо? — шепнул он. Но мать сделала усилие и подошла к маленькой детской кроватке.

Ивасик спал. Доктора нарочно выбрали такое вре-

мя, чтобы встреча с матерью не взволновала мальчика. Маленький рот был полуоткрыт, но мальчик дышал спокойно и ровно, впервые после того, как его положили на эту постель.

Мать молча склонилась над любимым личиком. Она долго смотрела на него, она видела побледневшие щечки своего сына, своего Ивася, его заострившийся носик, синяки под глазами... Мальчик спал спокойно. Он не слышал, как губы матери чуть-чуть прикоснулись к его лбу, как горячая слеза капнула ему на волосы. Марина страстно и беззвучно целовала сонную головку, жадно вдыхала в себя такой знакомый и волнующий запах маленького воробышка, который шел от редких русых волос и которого не мог заглушить даже острый запах карболки в палате.

Матери казалось, что она пробыла возле сына всего лишь одну минутку, когда к ней подошел тот же самый седобородый профессор.

— Пора уходить,— сказал он шепотом.

В приемной Марина встретилась с женой доктора Кукобы.

— Спасибо вам... От всего сердца спасибо...— крепко сжала ей руку Марина.— Я слышала, что вы все время были возле моего Ивасика.

— Я тоже мать,— ответила жена доктора.

* * *

Радостную новость о том, что Ивасику доктора позволили встать и даже пройтись по комнате, первым услышал от Галиной матери Омелько Нагорный. Он стремглав бросился бежать по улице. Прохожие удивленно уступали ему дорогу. Омелько бежал, размахивая кепкой и выкрикивая громко в лицо каждому встречному:

— Ходит по комнате! Ходит по комнате!

Все было понятно и без пояснений. Все понимали с первого слова, о ком именно идет речь. Известие эхом прокатилось по Слободке.

Омелько прибежал к Максиму Чепурному. Как буря, распахнул он настежь двери и едва не сбил с ног старенькую мать вожатого.

Максима не было дома. Запыхавшись, Омелько упал на стул. Он хотел крикнуть свое «ходит по комнате!», но

слова застряли в горле. Он увидел на столе развернутую бумажку и успел прочитать:

«Уважаемый тов. Чепурной!

Сообщаю, что Вашу пьесу «Милый друг» решено напечатать в журнале. По Вашей просьбе, она выйдет в свет под псевдонимом Иксигрек».

Дальше стояла подпись секретаря редакции.

Омелько медленно встал. На его лице ясно было видно и удивление и разочарование.

— Так вот кто такой Иксигрек! Максим! Мы разыграли пьесу, а он... разыграл нас...

Автором пьесы и вправду был вожатый. После того случая, когда Олег списал у Галины задание, Максим задумался. В Башмачном и Галине он был уверен — они никогда больше не будут списывать. Но, кроме них, в школе было немало закоренелых «списывателей». Они не упускали случая воспользоваться чужой работой. Некоторые школьники часто прибегали к подсказкам и шпаргалкам. У одного пятиклассника ладони и ногти всегда были украшены, если не цифрами, то названиями рек, архипелагов, вулканов...

Разговоры и наказания помогали мало. Тогда у вожатого и возникло решение написать на эту тему пьесу. До экзаменов поставить пьесу на школьной сцене не удалось, и свое намерение Чепурной выполнил позднее, скрыв авторство за придуманным таинственным Иксигреком.

Когда Нагорный случайно узнал, кто настоящий автор пьесы, за Максимом прочно утвердилось слава драматурга.

— Ну что же,— согласился тот,— пусть будет драматург. Назвался груздем — полезай в кузов.

* * *

Опасность миновала, и маленький Ивасик быстро выздоравливал. Во всей стране не было человека, который бы не слышал этой крылатой вести. Одни узнали об этом из газет, другие по радио, третьи слышали ее на улице, в кафе, в учреждении, в театре...

И снова полетели в Слободку письма и телеграммы, радостные, веселые. И вместе с письмами стали приходить таинственные посылки. Посылки были и большие и маленькие, зашитые в полотно, с адресами, написанными синим чернильным карандашом. А на некоторых не было даже и адреса, только стояли какие-то смешные каракули, из которых кое-как складывались всего только два слова: «Ивасику Чайке» или «В Слободку Ивасику». И не пропала ни одна посылка: каждый служащий на почте знал, о каком Ивасике говорят эти каракульки.

И однажды, проснувшись утром, Ивасик очутился в сказочной стране игрушек. Из угла на него смотрело чучело полярной лисицы, присланное ему зимовщиками с острова Врангеля, а пол комнаты был заставлен медведями с черными блестящими бусинками вместо глаз, долгоухими смешными зайцами, слонами, обезьянами, бегемотами, страусами на проволочных ногах... На столике лежала сопелка из бузины, любовно сделанная детскими руками. Стояли игрушки, вырезанные из дерева, фигурки людей и животных, вылепленные из глины юными скульпторами.

Что случилось? Не сон ли все это? Нет, это знакомая палата в больнице! Мальчик сидел на кровати, не зная, куда ему и посмотреть сначала... И вдруг знакомая песня поразила Ивася. Он посмотрел на открытое окно и замер: на подоконнике стояла клетка, и в ней прыгал его любимый щегол.

Мальчик сорвался с постели. Босые ноги зашлепали по полу. Он бросился к окну. И тут заметил, чего еще не видел раньше. Рядом с клеткой тускло зеленел не большой аквариум с морской водой, а в нем плавало, то поднимаясь, то опускаясь, какое-то смешное создание.

— Конек! Морской конек! — крикнул на всю палату Ивасик. И он впервые после болезни почувствовал и соленый ветер, залетевший в комнату, и мощное дыхание моря, и синеву неба, и солнце... Ему хотелось бегать, прыгать, ловить крабов, громко смеяться...

— Мама! — позвал он. — Мамочка! — и увидел на пороге мать.

Смешной в своей белой, длинной, до пят, рубашке, он крепко, до боли, обхватил ручонками шею матери. В буй-

ном восторге от моря и солнца, от чудесной армии игрушек, от неудержимой радости, он сильнее и сильнее стискивал шею матери и, задыхаясь, шептал ей на ухо:

— Задушу... Вот так... Вот, как я тебя... люблю!

Но в эту минуту за его спиной раздался голос доктора Кукобы:

— Эге-ге! Вот как? Нет, мы таких силачей не можем держать в больнице. Забирай-ка скорей свои игрушки в мешок и марш домой! Дайте ему его штанишки, да поживее!..

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава первая. <i>О встрече Олега с Кажаном и о том, как Олег находит письмо</i>	3
Глава вторая знакомит читателя с Василием Васильевичем и другими героями этой повести.	7
Глава третья. <i>Об «арктическом капитане», который боится идти домой и узнает очень важную тайну</i>	13
Глава четвертая. <i>Мать Галины Кукобы заболела</i>	18
Глава пятая. <i>Ивасик слышит ночью выстрелы в море</i>	23
Глава шестая. <i>Разговор Кажана с Олегом. Рассказ о нарушителе советской границы</i>	28
Глава седьмая. <i>Сашко терпит поражение в борьбе с Олегом, а Галина снова получает «очень плохо»</i>	36
Глава восьмая. <i>Разговор с директором школы .</i>	42
Глава девятая. <i>Первая попытка Олега найти клад пана Капниста</i>	48
Глава десятая. <i>Отец и дочь остались вдвоем .</i>	56
Глава одиннадцатая. <i>Пограничники замечают подозрительный огонек на берегу</i>	63
Глава двенадцатая. <i>Обладатель великой тайны .</i>	68
Глава тринадцатая. <i>Новые планы Олега Башмачного</i>	75
Глава четырнадцатая. <i>Научная статья Омелька Нагорного и стихи Сашка Чайки</i>	80
Глава пятнадцатая. <i>Белое привидение и три черные фигуры</i>	87
Глава шестнадцатая. <i>Чей подарок лучше . . .</i>	97

Глава семнадцатая. <i>Правдивая история происшедшего на школьном чердаке</i>	103
Глава восемнадцатая. <i>Олег решает не отступать</i>	112
Глава девятнадцатая, <i>в которой рассказывается, как крепнет дружба Сашка с Галиной и как Омелько Нагорный смотрит в подзорную трубу</i>	119
Глава двадцатая, <i>из которой читатель узнает, кто посещает ночью школьный чердак</i>	127
Глава двадцать первая. <i>О буре на море, о неизвестном и исчезнувшем браунинге</i>	134
Глава двадцать вторая. <i>Профессор межпланетной авиации находит браунинг на Марсе</i>	138
Глава двадцать третья. <i>О том, как Галина писала Чайке записку и что из этого вышло</i>	147
Глава двадцать четвертая. <i>Поединок на морском берегу</i>	155
Глава двадцать пятая. <i>Волшебное слово «эк-замены»</i>	166
Глава двадцать шестая. <i>Олег Башмачный становится захватом</i>	173
Глава двадцать седьмая. <i>О конце героической войны «красных» и «синих» и шапке-невидимке</i>	180
Глава двадцать восьмая. <i>Шпион на Медвежьей круче</i>	193
Глава двадцать девятая, <i>почти целиком посвященная Ивасику</i>	203

Дорогой читатель!

Напиши нам, понравилась ли тебе эта книжка, хорошие ли в ней рисунки? Будем благодарны тебе за это. Не забудь нашего адреса: г. Киев, ул. Кирова, 34. Детгиз УССР.

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Олесь Васильевич Донченко
ШКОЛА НАД МОРЕМ

Редактор Б. В. Тихонов
Художественный редактор А. М. Силаев
Технический редактор К. Е. Солоп
Корректоры Т. А. Крыжна, М. П. Мальцова

Сдано на производство 24. II. 1961 г. Подписано
к печати 28. III. 1961 г. Формат 84x108¹/₃₂. Физ.
печ. лист 6.625. Условн. печ. лист 11.07. Учет-изд.
лист. 11,11. Зак. № 246. Тираж 150 000 (1—100 000).

Цена 43 коп.
Детиздат УССР. Киев, Кирова, 34.

Типо-хромолитография «Атлас» Главполиграф-
издата Министерства культуры УССР. Львов,
Зеленая, 20.

Ціна 43 коп.